
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА»

Денисенко Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *главный редактор*

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *заместитель главного редактора*

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П. Машерова, Витебск, Республика Беларусь — *заместитель главного редактора*

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Беднарова-Гибова Клаудиа — доктор филологических наук (PhDr), лектор Института британских и американских исследований гуманитарного факультета, Университет г. Прешов, Республика Словакия

Владимирова Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Нижников Сергей Анатольевич — доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Петров Александр Владимирович — доктор филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Тарасов Евгений Фёдорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики, Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Темиргазина Зифа Какбаевна — доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY
series THEORY OF LANGUAGE. SEMIOTICS. SEMANTICS

Prof. Vladimir N. Denissenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Editor-in chief*

Prof. Elena A. Krassina — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Vice-editor-in chief*

Prof. Valentina A. Maslova — Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Balarus — *Vice-editor-in chief*

Dr. Natalya V. Novospasskaya — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — *Managing Secretary*

Editorial Board Members

Prof. Uldanay M. Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Klaudia Bednárová-Gibová — Institute of British and American Studies at the Faculty of Arts, University of Prešov, Prešov, Republic of Slovakia

Prof. Tatyana Eu. Vladimirova — Centre of International Educatuion, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov; Moscow

Prof. Makhanbet Dzhusupov — Honored Professor of the Uzbek State World languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Sergey A. Nizhnikov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Marina L. Novikova — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Alexander V. Petrov — Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Prof. Vladimir P. Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Prof. Evgeniy F. Tarasov — the Head of the Psycholinguistic Sector, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

Prof. Zifa K. Temirgazina — Pavlodar State Pedagogical University Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 3

Серия издается с 2010 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Николаевич Караулов: In Memoriam	9
ЭТНОКУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	
Бахтикиреева У.М., Азизова А.О. От онтологии языкового бытия народа к онтологии языкового бытия конкретной личности	12
Джиоева А.А., Стрельникова О.Ф. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации концепта семьи (на материале английского языка)	23
Недосугова А.Б. Прагматический подход к формированию русской языковой личности в новой социокультурной реальности	30
Касымалиева К.Э. Ассоциативное текстовое поле этнокультурной идиоглоссы «конь-иноходец» в повести «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова	36
Фернандес Санчес Ю.В. Национально-культурная специфика баскской языковой картины мира	44
Чутпулатов М.Ч. Гендерная лингвистика: узбекская мужская и женская речь	51

ТИПЫ ДИСКУРСА И ИХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Беляков М.В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа (статья 1)	58
Мурадян А.А. Стратегическая модель репрезентации оппозиции «свой—чужой» в контексте политического выступления	68
Ахнина К.В. Организационно-корпоративный сетевой медицинский дискурс	74
Баталов А.А. Языковая и речевая природа средств речевого этикета	79

ТЕКСТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ОБРАЗНОСТЬ И ОЦЕНКА

Головачева О.А. Языковые и авторские средства выражения оценки в ранних статьях Н.С. Лескова бытовой направленности	86
Хроменков П.Н. Вербальный конфликт в русском сказочном фольклоре	97
Повалко П.Ю. Пространство и время как категории художественного текста	106
Файе Фату Диоп. Иерархическая система лексических концентраторов содержания текста	113
Фигурнова М.Ю., Паймакова Е.А. Особенности функционирования библейской образности в драмах В. Шекспира	122

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Денисенко В.Н., Лексина И.А. Психолингвистическая характеристика глаголов эмоционально-оценочных отношений	130
Кондратенко М.М. Славяно-германские параллели в символическом значении диалектной лексики (на материале славянских и южно-немецких говоров)	137
Перфильева Н.В., Цзя Цянь. Семантика числового иероглифа <i>один</i> в китайском языке (в сопоставительном аспекте с русскими лексемами <i>один</i> и <i>единица</i>)	144
Нагзибекова М.Б., Мирзоева З.Д. Сравнительный анализ логоэпистем русского и таджикского языков	150

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Карцева Е.Ю., Маргарян Т.Д., Гурова Г.Г. Развитие машинного перевода и его место в профессиональной межкультурной коммуникации	155
Лутеро Т. Построение образности в целом и образа персонажа-художника в произведениях А. Барикко на итальянском языке и в их переводах на русский язык	165

СЛОВАРИ, УЧЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Джусупов М. Презентация термина «лексикология» в терминологических словарях русского, казахского, узбекского языков	174
Аграновская А.И. Обзор диссертационных исследований по терминологии экологии	184
Кадашева К., Омарова С.К., Асанова У.О. Изучение близкородственных языков: особенности составления учебного комплекса	194
Несова Н.М. Представление словарной статьи в двуязычных словарях	202

Соколова О.И. Статус, орфографическое и пунктуационное оформление сочетаний «не/ни более/больше (,) не/ни менее/меньше (как)»	209
--	-----

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Валентинова О.И. Научная стажировка «Общая и частная методология филологической науки». Москва, РУДН, 4–9 апреля 2016 г.	215
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	218
--------------------------	-----

Информация для авторов: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>

BULLETIN

ACADEMIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

**THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS**

2016, N 3

Series founded in 2010

Peoples' Friendship University of Russia

TABLE OF CONTENTS

Yuri N. Karaulov: In Memoriam	9
ETHNIC CULTURE AND LANGUAGE WORLDVIEW	
Bakhtikireeva U.M., Azizova A.O. From the ontology of linguistic being of the people to the ontology of a personality's language being	12
Jioeva A.A., Strelnikova O.F. Universal and ethno-specific features to represent concept <i>FAMILY</i> (case-study of the concept in English)	23
Nedosugova A.B. The pragmatic approach to a formation of the Russian language personality in a new sociocultural reality	30
Kasymaliev K.E. Associative field of ethno-cultural idiom glosses «horse-pacer» in the story «Farewell, Gulsary!» by Ch. Aitmatov	36
Fernandez Sanchez Yu.V. Cultural and national specifics of the Basque language world view	44
Chutpulatov M.Ch. Gender linguistics: Uzbek male and female speech	51

TYPES OF DISCOURSE**AND THEIR STRUCTURAL AND SEMANTIC REPRESENTATION**

Belyakov M.V. The analysis of news messages of the site of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs applying content-analysis (Article 1)	58
Muradyan A.A. Strategic pattern of ‘friend-or-foe’ opposition representation as used in political speech	68
Akhnina K.V. Organizational and corporate medical net-discourse	74
Batalov A.A. Linguistic and speech character of speech etiquette means	79

TEXT, LITERARY TEXT:**IMAGERY AND EVALUATION**

Golovacheva O.A. Language and author's means of expression of evaluation in early consumer orientation articles by N.S. Leskov	86
Khromenkov P.N. The verbal conflict in Russian fairy tales	97
Povalko P.Yu. Space and time as the categories of a literary text	106
Fatu Faye Diop. Lexical hub of content in the self-organization process of text and discourse on the background of Senegalese tradition	113
Figurnova M.Yu., Paymakova E.A. Functional peculiarities of biblical imagery in Shakespearean drama	122

LEXICAL AND COMPARATIVE SEMANTIC STUDIES

Denisenko V.N., Leksina I.A. Psycholinguistic characteristics of the verbs of emotional-evaluative relations	130
Kondranenko M.M. Slavonic german parallels in symbolic meanings of regional dialect lexis (case-study of Slavonic and Southern German dialects)	137
Perfileeva N.V., Jia Qian. Semantics of Chinese hieroglyph number word <i>one</i> (in comparison with Russian lexemes <i>один</i> and <i>единица</i>)	144
Nagzibekova M.B., Mirzoyeva Z.D. The comparative analysis of the logoepistem in Russian and Tajik languages	150

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Kartseva E.Yu., Margaryan T.D., Gurova G.G. The development of machine-aided translation and its place in the professional cross-cultural communication	155
Lutero Tatiana. The construction of figurativeness and a character as an artist in the novels by A. Baricco in the Italian language and Russian translations	165

DICTIONARIES, EDUCATIONAL COMPLEXES AND LINGUODIDACTICS

Dzhusupov Mahanbet. Comparative analysis of term “LEXICOLOGY” presentation in terminological dictionaries of Russian, Kazakh, Uzbek languages	174
Agranovskaya I.A. Overview of dissertation studies in the terminology of ecology	184
Kadasheva K., Omarova S.K., Asanova U.A. The study of related languages: the peculiarities of educational complex making	194
Nesova N.M. Representation of bilingual dictionaries entries	202

Sokolova O.I. Status, orthographic and punctuative representations of Russian adverbial phrases « <i>не/ни более/больше(,) не/ни менее/меньше (как)</i> »	209
--	-----

SCIENTIFIC CHRONICLES

Valentinova O.I. Scientific workshop “ General and Specific Methodology of Philology ”. Moscow, PRUR, April, 4–9, 2016	215
--	-----

OUR AUTHORS	218
--------------------------	-----

Information for authors and readers:

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАУЛОВ: IN MEMORIAM

**ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАУЛОВ
(26 августа 1935 — 5 мая 2016)**

Ушел из жизни Юрий Николаевич Караулов — член-корреспондент Российской академии наук, профессор, выдающийся ученый, крупный специалист в области теории языка и русистики, автор более 300 научных работ, в том числе 12 монографий и 11 словарей.

Исследовательская деятельность ученого была связана с тремя научными направлениями: «теория языковой личности», «ассоциативная лингвистика», «теория и практика лексикографии». В каждом из этих направлений Юрий Николаевич продемонстрировал принципиально новые подходы к изучению и описанию языка-объекта.

Его всегда отличала необычайная смелость, независимость от устоявшихся научных доктрин, современный и деятельный взгляд на гуманитарные проблемы в целом и на лингвистику (во всех ее ипостасях) в частности. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы в 80-е гг. выступить с идеями, которые не вписывались в существовавшую тогда научную парадигму. Ставшее сегодня тривиальным антропоцентрическое направление в лингвистике во многом стало возможным после публикации монографии Юрия Николаевича Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987 г.), в которой им был выдвинут основополагающий тезис: «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка».

Сегодня научная «Школа русской языковой личности» — одна из ведущих в современной лингвистике — живет и развивается учениками и последователями Ю.Н. Караулова — создателя и руководителя этой школы.

В 80—90-е гг. XX в. Юрий Николаевич, возглавлявший тогда Институт русского языка РАН, взял на себя инициативу создания «Машинного фонда русского языка» как системы комплексной автоматизации лингвистических исследований. Работа над этим проектом консолидировала усилия ученых разных специальностей для решения проблем представления русского языка в новой компьютерной среде, сформировала современное видение лингвистических проблем информационного общества XXI в. Так было положено начало развития нового направления — компьютерной лингвистики. Из коридоров Института русского языка постепенно исчезла сделанная вручную и отжившая свой век картотека в деревянных ящичках.

Компьютеризация лингвистических исследований открыла перспективу для новых проектов. Следующий неординарный шаг — создание под руководством Ю.Н. Караулова совместно с учеными Института языкознания РАН (Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.А. Сорокиным) серии уникальных ассоциативных словарей, прежде всего «Русского ассоциативного словаря», признанного коррелятом обыденного языкового сознания. Возникла и начала активно развиваться ассоциативная лингвистика. Вышли в свет «Ассоциативная грамматика русского языка» (1993) и «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» (1999) — монографии, в которых была представлена альтернативная, по отношению к традиционной, системной, — грамматика русского языка в том виде, в котором она содержится в сознании наивного носителя языка.

Последние годы были отмечены фундаментальными работами в области авторской лексикографии и когнитивной лингвистики. Под руководством Юрия Николаевича на базе новой концепции авторского словаря создается «Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий». До последних дней своей жизни Юрий Николаевич, несмотря на болезнь, старался «оставаться в строю» и принимать участие в заседаниях группы. Работа над этим уникальным лексикографическим произведением продолжается и сегодня в секторе экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Нельзя не назвать также и блестящую последнюю монографию Ю.Н. Караулова-ученого «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» (2009), написанную в соавторстве с Ю.Н. Филипповичем, известным специалистом в сфе-

ре компьютерной лингвистики, и другие яркие и глубокие исследования в области когнитивной лингвистики.

Юрий Николаевич Караулов вел не только активную научную, но и педагогическую работу. Много лет он преподавал и на кафедре общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов. И те, кому посчастливилось работать с ним рядом, помнят его как доброжелательного, скромного и сердечного человека. Многие из его бывших студентов стали кандидатами и докторами филологических наук и сегодня продолжают разрабатывать его лингвистические идеи и передавать полученные от него знания новому поколению.

Результаты научной и педагогической деятельности Ю.Н. Караулова отмечены высокими наградами: орденом «Дружбы народов» (1986); Государственной премией СССР в области науки (1991); Грамотой Президента АН СССР (1974); благодарностью Президента РАН (1999); золотой медалью ВВЦ (2002); благодарностью министра образования РФ (2003); присуждением степени «Доктора honoris causa» Хельсинского университета (1990); премией Президента РФ в области образования (2003).

Уход из жизни одного из выдающихся представителей современной отечественной лингвистики — невосполнимая утрата для российской гуманитарной науки. Это потеря не только уникального ученого, но и замечательного, светлого человека, который умел быть отзывчивым другом для многих, кто имел счастье работать с ним или учиться у него.

Светлая память о Юрии Николаевиче Караулове навсегда останется в сердцах его коллег и учеников.

*Заведующий кафедрой общего и русского языкознания
филологического факультета РУДН — В.Н. Денисенко;
профессора и доценты кафедры: О.А. Крылова, К.Н. Дубровина,
Е.А. Красина, Е.Н. Ремчукова, Н.Л. Чулкина, М.В. Лысякова;
сотрудники отдела экспериментальной лексикографии
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, М.М. Коробова;
заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН Е.Ф. Тарасов;
сотрудники отдела психолингвистики Н.В. Уфимцева,
Г.А. Черкасова*

ЭТНОКУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 811.512.122

ОТ ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ НАРОДА К ОНТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ КОНКРЕТНОЙ ЛИЧНОСТИ

У.М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
uldanai@mail.ru

А.О. Азизова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040
ainura_28_87@mail.ru

Статья посвящена осмыслению языкового бытия творческой билингвальной личности. Содержание статьи формировалось под влиянием трудов ученых, работающих в русле исследований московской психолингвистической школы последних лет (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, И.А. Бубнова и В.В. Красных, Г.Т. Хухуни), и других ученых (Вяч. Вс. Иванов, Т.П. Млечко и др.). Авторы осуществляют попытку критического анализа теории языковых контактов и билингвизма в русском языкознании и выявляют сходные позиции лингвистов в процессе изучения языкового бытия отдельной личности. В статье также предлагается свой подход в изучении языковой личности и модель анализа конкретной языковой личности.

Ключевые слова: теория языковых контактов и билингвизма, неопсихолингвистика, языковая биография, языковой портрет, языковое бытие, онтология языкового бытия

ВВЕДЕНИЕ

Попытки адаптации западных образцов социальных и гуманитарных наук в XIX—XX вв. (М.В. Глостанова и др.), как представляется, сказались и на русском языкознании, в частности — теории языковых контактов и билингвизма. «Отягощенная» языковой политикой 50—80-х гг. прошлого века (гомогенизация общества, положение о «двух родных языках» применительно к этнически нерусским гражданам СССР и проч. [2. С. 47—52]) — эта теория и по сей день куца. По всей видимости, двухвековая интеллектуальная зависимость, уверенность в незыблемости и прочности западнцентристских знаний сохраняет пока еще инерционную заданность. Вопросы *неравновесного билингвизма, семилингвизма, транслингвизма и транскультурации*, а также *цивилизационной функции русского языка как транснационального* и др. при некоторых попытках «постсоветского субалтерна»

подвергать их осмыслению и описанию все еще остаются за рамками актуальных научных и социальных дебатов. Одна из главных причин, обуславливающих такое положение дел — нехватка **контекстных** текстов. В этом свете особую ценность представляют работы российских психолингвистов.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЗОР

«Отечественная психолингвистика... работает в реальной антропологической парадигме и именно поэтому открывает перед современной лингвистикой возможность разрешить ее предметный кризис и занять в XXI веке по праву подобающее ей центральное место среди наук о человеке» [9. С. 250].

Однако и современная отечественная психолингвистика не свободна от интеллектуальных ламентаций по поводу некоторой неповоротливости научного дискурса, выражающихся в конкретных упреках («лингвистический нарциссизм» [4. С. 130], «современный ‘ползучий эмпиризм’» [Там же. С. 135]). Тем ценнее представляется позиция критически мыслящих личностей, подвергающих анализу эти «несостоятельные и политизированные упреки» [Там же. С. 130]. Осознающие свою гуманитарную миссию и не упорствующие в моно-дисциплинарном декадентстве лингвисты отвечают на эти «обвинения» в последних номерах «Вопросов психолингвистики» выдвижением новых направлений в психолингвистике — *неопсихолингвистика* и *психолингвокультурология*.

Нашим исследовательским интересам отвечает работа этих ученых, акцентирующая внимание коллег на перспективности изучения конкретного человека в совокупности его индивидуально-психических характеристик: «Актуальность исследования образа мира человека как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями на Украине в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. *Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия образов мира, характерных для людей, находящихся на разных уровнях своего развития и являющихся членами социальных групп, проповедующих различные ценности*» [4. С. 134—135].

Ученые предлагают «исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности... такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» (курсив наш. — У.Б., А.А.) [4. С. 134—135].

В контексте этих выводов актуализируется другая волнующая нас проблема «некоторой нерасчлененной массы», отмеченная в «Вопросах психолингвистики» Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой. Речь идет о лицах, чья этнокультурная/этноязыковая составляющая носит неоднозначный характер — массе, зачастую определяемой после распада единой культурно-исторической общности (СССР) как «русскоязычное население» [10. С. 157].

Один из авторов настоящей работы является билингом (этнической казахской), родившимся перед распадом СССР и живущим в Казахстане, осуществляющим свою коммуникативную деятельность преимущественно на русском языке, несмотря на суверенность Казахстана, осуществляющего на протяжении последних двадцати пяти лет собственную государственную языковую политику.

Другой относится к российской «нерасчлененной массе» — «русскоязычному населению», являясь своеобразным продуктом «советской креолизации», т.н. «диаспорной казахской», родившейся в РСФСР и живущей в России, воспитанной преимущественно в русском языковом и культурном континууме в силу исторически-объективных асимметричных взаимодействий казахской, русской и советской культур. И подобных *нерусских россиян*, этническая и языковая идентичность которых находятся в постоянном дисбалансе в силу субординативной по отношению к русскому языку позиции этнического языка и живущих в двое- и многомирии, в РФ довольно много, чтобы их не заметить.

«Нерасчлененная русскоязычная масса» — сложная система, она состоит и из тех *нерусских россиян*, которых невозможно как вышеотмеченных однозначно прикрепить к конкретному «этническому гнезду», и раз и навсегда обрядить в «национальную ‘смирительную рубашку’» в силу того, что предки и родители являются представителями разных этносов.

«Нерасчлененная русскоязычная масса» — отнюдь не голая ментальная масса. Одни из них определяют себя «внутренними российскими иными»; другие пребывают в удобной виктимной позиции представителей малого обиженного народа; третьи вполне себе отдают отчет в том, что в современных обстоятельствах существование неких чистых национальных моделей, коих минула участь «перекрестного опыления», невозможна; четвертые, пятые, шестые нередко в проповедническом неистовстве или внешней презентации отстаивают другие «инаковости»; седьмые размышляют о своей наднациональной позиции; восьмые идентифицируют себя с русским этносом; девятые не испытывают никаких конфликтов между этнической и языковой идентичностями и используют язык другого народа в качестве инструмента для выражения своего мировоззрения; десятые, осознавая относительную ценность всех этнических культур, предпочитают путь не отрицания и разрушения, но созидания, путь ре-экзистенции — вос-создания позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения, пытаясь преодолевать несовершенство и несправедливость мира.

Все эти микросоциумы не стали конкретными объектами исследований, прогнозирующими перспективу развития конкретного социума и приближающими лингвистическую науку к нуждам человека, и как правило, остаются за пределами актуальных научных и социальных дебатов. Понятно, что миноритарии — отдельная языковая личность или группа — могут и не влиять на решение большинства (социальной группы, народа) в силу разных причин, например, невладения «родным» языком. Однако они обладают собственными «пакетами акций», которые необходимо учитывать при конструировании модели содержания языкового сознания отдельной личности, конкретной социальной (микро)группы и народа в целом. Становится вполне понятным, что подвергать непосредственному изуче-

нию следует не только *этно-культурное*, но и *динамическое многообразие*, свойственное российскому или казахстанскому, в целом — постсоветскому обществу.

Подкреплением этому призыву служит и опыт языкового бытия т.н. творческих билингвальных авторов. По всей видимости, нет случайности в том, что в произведениях билингвальных русскоязычных нерусских поэтов, писателей так или иначе проходит тема «инобытия», «внезаходимости», «потрясения», «мучения», «безумия», которую можно рассматривать как альтернативу трезвости и твердости монолингвов, представителей т. н. титульных наций, не утруждающих себя тем, чтобы вникнуть в гамлетовские вопросы, которыми задается билингвальная и т.н. «маргинальная личность» [1. С. 110—111].

Попытки преодолеть двойственную неопределенность «маргинальности» отнюдь не всегда заканчиваются успехом. Подобные опыты «безумия» подсказывают, что не только *этно-культурное* и *динамическое многообразие*, но *эпистемологическое многообразие* отдельных представителей и микросоциумов требует выработки адекватного методологического инструментария. Иными словами, особенности языкового сознания, способы языкового мышления, порождающие особые отношения между языками и культурами, в частности — нерусских русскоязычных — ждет различных решений с позиций разных дисциплин и разных ученых.

Выдвигаемое И.А. Бубновой и В.В. Красных новое направление — *неопсихолингвистика*, как и нижеследующие позиции (Вяч. Вс. Иванов, Т.П. Млечко), вполне можно расценивать как *контекстные тексты*, направленные на преодоление методологических затруднений и повышение эффективности научных исследований в вопросе изучения отдельной языковой, в т.ч. билингвальной личности.

Параграфом «*Языковая биография личности*» в книге «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» Вяч. Вс. Иванов обозначает параметры исследований языковой биографии творческой личности, начиная от развития новорожденного ребенка и даже эмбрионального развития и заканчивая т.н. «геронтологической лингвистикой». Осуществляя краткий анализ особенностей языковой биографии известных личностей (Пушкин, Тютчев, Гёте, Рембо, Бодлер и др.), ученый указывает на необходимость изучать *языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства*, а также *отдельные трагические повороты языковой судьбы* [6. С. 124—127].

Т.П. Млечко, исследуя русскую языковую личность ближнего зарубежья, выявила типологические черты русской языковой личности (РЯЛ) в соотношении с преобразованиями языкового пространства ее пребывания после распада единой культурно-исторической советской общности. «Неслучайно ‘русскоязычные’ в Молдове, как и во всех постсоветских республиках, стали специфической социально-культурной группой с едиными проблемами и похожими судьбами» [8. С. 167]. Ученый отмечает, что специфика языкового сознания и речи РЯЛ предопределена погружением русского языка в инациональный контекст и приспособлением к нему. Иллюстрации РЯЛ — *языковые портреты*, которые представляет Т.П. Млечко в лицах конкретных прототипов, живущих в реальной языковой

действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью [8. С. 363—420], свидетельствует о динамике би- и полилингвальных, поли- и транскulturационных процессов на постсоветской территории и динамике языкового сознания РЯЛ. Эти процессы актуализируют выбранный Т.П. Млечко подход в изучении языковой личности — **языковой портрет**.

Основываясь на подходах (И.А. Бубновой и В.В. Красных, Вяч. Вс. Иванова, Т.П. Млечко) к изучению отдельной языковой личности, У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин осуществили попытку обосновать необходимость изучения языковой личности билингва, предварительно назвав такой подход *онтологией (ино)языкового бытия*. В рамках этого подхода предполагается изучение не только *транслингвизма* отдельной личности, но и непосредственно *билингвизма*. *Онтология (ино)языкового бытия* — это попытка описания отдельной реальной языковой (би- и транслингвальной) личности с помощью понятий, принятых прежде всего в отечественной психоллингвистике.

Все четыре представленных подхода к изучению своеобразия поведения конкретной личности контекстуально обусловлены и представляют собой определенную *контекст-площадку* для исследователей этно-языковых и культурных процессов, неизбежно связанных с процессами би-, поли- и транслингвизма, аккультурации и транскulturации. Как нам представляется, дискуссии в рамках этих вопросов выкристаллизуют актуальное мета-направление, имеющее целью изучение индивидуальных особенностей отдельной (языковой) личности. От этих *контекстных текстов* можно оттолкнуться, осмыслить и переосмыслить, наполнить онтологией местных/локальных практик, практик конкретных отдельных личностей и создать дискурс, расширяющий или превосходящий сегодняшние возможности теории языковых контактов и билингвизма и отечественной психоллингвистики в вопросе изучения языкового сознания и способов «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова) окружающей действительности отдельной личностью. Мы исходим из понимания, что ничья точка зрения не абсолютна, все должны быть услышаны и вовлечены в диалог — контекст-площадку.

Как представляется, все обозначенные подходы отвечают требованиям сегодняшней реальной жизни, их следует рассматривать как требующие дополнительных построений проекты, которые не могут иметь принципиального завершения в силу динамичности человеческого сознания. Своей контекстуальной обусловленностью они предоставляют «возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» [4. С. 135]. Все они способствуют осмыслению встроенности, погруженности индивидуальной языковой биографии в социальный контекст; накоплению знаний о языковом бытии би-, поли- и транслингвальных личностей (а не только моно-языковой личности); выявлению типического через индивидуальное; изучению витальности/жизнеспособности языка (русского) функционировать в качестве транснационального; прогнозированию развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

ПРАКТИКА ЯЗЫКОВОГО БЫТИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Вышеизложенные рассуждения требуют непосредственного иллюстративного материала, подтверждающего сделанные выводы. Мы остановили свой выбор на практике языкового бытия нашей современницы, двуязычного поэта, ученого, профессора одного из московских вузов Елены Ивановны Зейферт.

Согласно «Словарю терминов межкультурной коммуникации» термин «транскультурация» — *transculturation* < лат. *trans* ‘сквозь, через’ был введен в научный обиход кубинским культурологом (Fernando Ortiz, 1947). Прежде всего он означает следующее: 1. Распространение культуры в результате перемещения ее носителей в другой культурный регион, в котором какая-либо культурная среда отсутствует или представлена незначительно. Примером может быть появление культур европейских переселенцев на территории Северной Америки или Австралии. 2. Процесс социокультурного освоения мигрировавшим этносом новых мест своего компактного проживания [5. С. 420].

Другие источники относят к транскультурации и насильственное переселение народов СССР [7]. По всей видимости, не будет ошибкой считать, что процесс социокультурного освоения нового места компактного проживания пережили и европейцы, призванные известным Манифестом Екатерины II от 4 декабря 1762 г. свободно селиться в степных владениях России.

Десятки тысяч немцев из прежних германских государств, расселившиеся в Нижнем Поволжье в 1760-е гг., спустя полтора столетия (1923) получили территориальную автономию АССР Немцев Поволжья. Однако спустя немногим более полутора десятка лет немцы Поволжья были депортированы в Сибирь и Казахстан (1941). Депортация, практически длившаяся по 1948 г., обусловила *процессы ассимиляции и аккультурации* (читай: *транслингвальные и транскультурные процессы*). Все это, безусловно, повлияло на интенсивное переселение советских и постсоветских немцев в Германию после распада СССР. (В настоящее время потомки немцев Поволжья проживают по большей части в России и Казахстане.) В этом историческом добровольном, позднее вынужденном переселенческом процессе участвовали и предки Е.И. Зейферт. Ее биография (для официальных нужд) похожа на биографии многих людей, занимающихся научно-педагогической деятельностью.

В 1998 г. Е.И. Зейферт защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Жанр отрывка в русской поэзии первой трети XIX века» (Алмаатинский гос. университет им. Абая. Специальность — «Теория литературы»).

Работала преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова.

В середине 1990-х раскрылась как поэт, исследователь и преподаватель русской литературы и теории литературы, к концу 1990-х проявила себя как прозаик, переводчик, критик.

В 2008 г. защитила докторскую диссертацию «Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI вв.» (МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальность — «Теория литературы. Текстология»).

Работала редактором и обозревателем «Литературной газеты», координатором литературной работы и образовательной программы бакалавриата Международного союза немецкой культуры (Москва).

В настоящее время — профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), по совместительству — главный редактор литературно-художественного отдела издательства «МСНК-пресс». Член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (Москва).

Творческая же биография Елены Зейферт — это многомерный художественный мир, в котором взаимодействует и перекликается множество идентичностей, выходящих за пределы «бытия в мифе» к «бытию в мире».

Немецкий как язык творчества, по признанию самой Е. Зейферт, пришел к ней неожиданно в начале нулевых (т.е. в первые годы после распада СССР), и в настоящее время занимает примерно десять процентов. С раннего детства она слышала смешанный диалект немецкого языка, на котором говорили ее бабушки и родные. После депортации в Караганду все родственники воспитывали детей, внушая, что русский важнее немецкого языка. Это был необходимый выбор, и понятно, что русский язык стал в ее языковом сознании доминирующим.

Сказки бабушки, рассказанные маленькой Лене, речь взрослых в доме, подвели ее к первому «открытию» — «все существительные немецкого языка начинаются с буквы ‘Д’», имеется в виду артикли (DER, DIE, DAS). С таких «открытий» немецкий язык постепенно входил в сознание Е.И. Зейферт с раннего детства.

Как язык творчества немецкий активизировался 12—15 лет назад, но до сих пор сопровождается чувством неуверенности. Некоторую долю сомнения «провоцируют» носители языка, вносящие в текст Е.И. Зейферт правки, с некоторыми из которых она соглашается, другие не принимает. Последний сборник стихов Е.И. Зейферт был признан издателями в Австрии, в том числе и поэтами. Прочитав ее стихи на немецком языке, они рекомендовали их к публикации. В этом частном случае она смогла перебороть свои сомнения и согласилась на издание его в Австрии [11].

Для Елены Зейферт — поэта важно, на каком языке появится слово. Если на немецком, то она «подчиняется» ему и пишет на этом языке. При этом процесс создания стихов на немецком языке она определяет как «сверхмедленное создание». По ее утверждению, этот язык вызывает у нее пietet, и она держится от него на некоторой дистанции. Уважительная субординация влияет на «сверхмедленный» процесс работы с немецким языком, чего не она не обнаруживает в случае с русским [13].

Стихи на немецком представляются в плане восприятия философичнее, строки — длиннее, текст — объемнее, а на русском языке — душевнее. На немецком текст значительнее, а русский — доступнее, что напрямую, с ее точки зрения, связано с разными системами языков [13].

По всей видимости, не только различие в языковых системах, но и пребывание, опыт бытования в этих языках имеет существенные отличия, в том числе временные. Продиктованный самой историей жизни транслингвизм Елены Зейферт — нативизация русского языка и аккультурация вкупе с одновременным бытием внутри немецкого языка и осознанием себя в качестве представителя самостоятельной этнической группы (российских немцев внутри казахстанского социума и шире — советского и постсоветского) объясняют ее утверждение о функционировании в ее языковом сознании трех картин мира. Речь идет о *русской*, *немецкой* и смешанной — *российско-немецкой (Russlanddeutsche)* картинах мира. Причем, по словам Елены Зейферт, картина мира *Russlanddeutsche* возникает не на стыке первой и второй, а существует самостоятельно и лишь отчасти гибридна. *Russlanddeutsche* синтезирует, но не объемлет все черты русской и немецкой [13].

Все эти картины мира ярко отразились в творчестве последних лет и, в частности, в содержании опубликованного в Австрии сборника. Стихи расположены на русском с зеркальным вариантом на немецком языке, и, наоборот, около 25% созданных на немецком — с зеркальным вариантом на русском языке. Бросается в глаза, что на немецком языке автор создает свои стихи в форме верлибра.

Письменное воплощение поэтического текста на том или другом языке обусловлено тематикой произведения. И то, и другое обнаруживается при анализе стихотворений. Образы, навеянные воспоминаниями о детстве, связанные с языковым сознанием, языковыми и этническими идентичностями, родились в немецкой «языковой оболочке». Например, “Die Kidneitgötter” в зеркальном русском варианте «Детские боги» (образ фрагмента детства), “Eine Mauer durchschneidet mich” — «Меня пересекает стена» (образ разделенной Германии), “Meine Zunge ist durchschnitten wie die einer Schlange” — Мой язык разрезан как змеиное жало» (языковая и этническая идентификация) [12].

Созданное на немецком стихотворение о матрешках, продаваемых у станции московского метро, автор расценивает как попытку описать увиденное взглядом иностранца с позиции русского человека. Этот поэтический текст можно расценивать как доказательство умозаключения его автора о наличии и взаимодействии нескольких картин мира в одном сознании.

Описываемое Е. Зейферт художественное пространство и время напрямую связано с выбором языка. Ссылаясь на практику языкового бытования двуязычного поэта, этнического немца Виктора Шнитке, Е.И. Зейферт не случайно акцентирует внимание на его опыте. Взрослым субъектом В. Шнитке себя ощущает при создании произведений на русском, образы Поволжья рождаются на немецком языке и вызваны детскими впечатлениями [13]. Подобные жизненные практики, по мнению Е.И. Зейферт — исследователя, свойственны большинству российских немцев как самостоятельной этнической группе. Знаток литературы своих русскоязычных соплеменников, Е.И. Зейферт делает вывод о том, что российским немцам присущи осознание себя в окружении Другим и бытование внутри Другого, стремление к автономности, приоритет статики над динамикой, особые ощущения «нигде на родине», «везде на родине». Себя Елена Зейферт ощущает счастливой российской немкой, которой комфортно в Казахстане, где она родилась,

в России, где живет, в Германии — «обетованной вотчине» [См. стихотворение «ВЕРЛИБР: ВЕРА в LIEBE» 12]. Однако, как представляется, данное утверждение не освобождает ее от *постоянного самоанализа* и анализа окружающей действительности в *позиции Руссланддойче* (в отличие от двух других) [13]. По всей видимости, именно эта позиция эвристична и более продуктивна, она позволяет переосмыслить немецкое «Я», генетическая память которого хранит воспоминания о лишившихся статуса производителя знания и ценностей российских немцах, их особом немецком языке и культуре в драматичный период XX в.

Эта же позиция способствует переосмыслению русского «Я», со стоящими за ним русским языком, русской литературой, культурой. Картина мира *Руссланддойче* Елены Зейферт, на наш взгляд, обогащается космологией, аксиологией, онтологией обеих культур и превращает ее в *классическую пограничную транскультурную личность*, которой ведомо больше, чем русскому «Я» или немецкому «Я». Внутри Руссланддойче совершается постоянный двойной перевод, диалог, двойная критика. Проиллюстрируем это на примерах (курсивом).

«Рот, вмещающий два языка. / Vater, Отче, скажи, чья дочь я? / Точит кирку на дне река... / «Твой удел — терпеть, Russlanddeutsche...». / Две души истомились в груди. / Сердце! Herz! «Иссыкает аорта». / Голос! Stimme! «Я слаб и один». / Liebe Heimat! «На карте я стерта» / Ржавый плуг как могильный крест. / Лютер — в ветوشь завернутой книге... / Волга! Mutter! И в тысяче мест остаемся мы Wolfgangiger./ <...>/ («RUSSLANDDEUTSCHE» [12]).

«В “Зимней сказке” Гейне, возле Рейна, / Гретхен в Веймаре печаль свою прядет. / Летит время нитью, Гретхен ждет, / Ждет, когда любимый не придет. / Йоганн Вольфганг Гете, Генрих Гейне... / Я мешаю мифы, словно вина. / Я в душе не строила Берлин / С 45-го. Мое «wohin?» / В никуда приводит, лишь один / Русский дух разрухи гонит в стину. / Саша, я шшу среди развалин / Старого Берлина красный флаг. / И не кремль — коричневый рейхстаг! / Немец иль фашист — мой старый враг, / Vaterland — хорош, но федерален. / Алекс, в то же время громче жизни / Я, немая немка, слышу зов / Голубых кровей моих отцов / И вне слов вбираю глубь стихов / Рильке, Божества в моей отчизне — / ... / («Александрю Абезгаузу в Германию» [12]).

Будучи знакомой с некоторыми российскими немцами, испытывающими дискомфорт везде, Е.И. Зейферт отмечает, что чувство уязвимости и чувство страха быть заметнее или лучше других ей тоже не чужды [13]. Отсюда, по всей видимости, обостренное желание справедливого отношения к себе и к своей этнической группе, стремление к интеграции. Собственно, и содержание упоминаемого двуязычного сборника наполнено надеждой стать понятой немецкоязычными и русскоязычными читателями, равно как и транслингвальными немцами, не владеющими современным немецким.

Создавая свои произведения сначала на русском, а позже на двух языках, Елена Зейферт ставит под сомнение само понятие «Я» как определенной застывшей идеи, связанной с представлениями об абсолютной объективной реальности. Ее русское «Я» и немецкое «Я» постоянно пересекаются с «Я» — RUSSLAND-DEUTSCHE, накладываются друг на друга («...Я сумасшедшая русская оттуда, / где была сумасшедшей немкой. / В области сердца у спасенного из неволи Зайца / вижу недостершееся слово “Liebe”») [12]. И эта зона наложения и пересечения

языковых идентичностей, жизненных практик, опытов, мыслей, культурных форм в поэтических произведениях Елены Зейферт, напряженно изучающей себя (самоанализ) и действительность, в которой она живет, рождает уникальные миры языков, особый, отличный от моноязычного способ языкового мышления, обуславливающий новые отношения между языками и культурами.

Используя языки для личностного самоопределения в разных культурах и социальных контекстах, Е.И. Зейферт уходит из-под диктата коллективного подсознания. В отличие от субъекта, для которого моноязычное «бытие-в-мифе» — единственный способ бытия в мире, границы культурных интерпретаций становятся подвижными, а мир личности Елены Зейферт обретает широту, глубину, полноту вновь осваиваемых смыслов.

Вместе с тем эти позитивные обстоятельства, по нашему на сегодняшний день убеждению, не дают оснований полагать, что эвристическая позиция, в которой пребывает Елена Зейферт, свободна от «национальной ‘смирительной рубашки’». Идентичность — *Russlanddeutsche* позиционирует себя как доминирующая по отношению к русской и немецкой идентичностям — самостоятельная, неделимая «Я». Эта идентичность не позволяет допускать негативизма и «постсоветской ярости» (характерной национал-патриотично настроенным авторам в странах ближнего зарубежья в первые годы после распада Союза, в т.ч. по отношению к русскому языку как «языку колонизаторов» и «оккупантов» в их трактовке [3. С. 3]).

Творческой биографии и бытию в целом Елены Зейферт характерно не противостояние — но воссоздание позитивной жизненной модели, мира, самоощущения, способного преодолевать несовершенство и несправедливость окружающей действительности. Пожалуй, можно сказать, что языковое бытие Елены Зейферт может служить важным доказательством созидания российскими немцами своего, особенного, отличного от других этносов пути, мироощущения, снимающего противоречия мира и его восприятия человеком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ауэзов М.М.* (1997). Иппокрена. Хождение к колодецу времен [*Auevov M.M. Ippokrena. Pilgrimage to the well of times*]. Алматы: Издательский дом Жибек жолы.
- [2] *Бахтикиреева У.М.* (2013). Теория билингвизма в русском языкознании [*Bakhtikireeva U.M. Bilingualism theory in Russian linguistics*] // *Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию В.А. Масловой*. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 44—55.
- [3] *Бахтикиреева У.М.* (2005). Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва [*Bakhtikireeva U.M. Literary bilingualism and specific features of Russian literary texts of bilingual authors*]: автореф. дис. ... д. филол. наук. Москва.
- [4] *Бубнова И.А., Красных В.В.* (2014). Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия [*Bubnova I.A., Krasnykh V.V. Neo-psycholinguistics: arguments in favour of national specifics*] // *Вопросы психолингвистики*. 2014. № 3(21). С. 128—135.
- [5] *Жукова И.Н.* и др. (2013). Словарь терминов межкультурной коммуникации [*Zhukova et al. Dictionary of cross-cultural terms*] / Под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука.
- [6] *Иванов Вяч.Вс.* (2004). Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему [*Ivanov V.Vs. Linguistics of the third millennium*]. Москва.

- [7] Крысько В.Г. (1999). Этнопсихологический словарь [Krysko V.G. Ethno-psychological dictionary]. М.: МПСИ. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/transkulturacija> (Дата обращения: 12.12.2015).
- [8] Млечко Т.П. (2013). Русская языковая личность ближнего зарубежья [Mlechko T.P. Russian language of nearby foreign]. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова (Tipogr. "Valinex"). С. 64—83.
- [9] Уфимцева Н.В. (2011). XXI век: лингвистика или психолингвистика? [Ufimtseva N.V. XXI century: linguistics or psycholinguistics?] // Языковое сознание: динамика и вариативность». М., Калуга: Институт языкознания РАН (ИП Шилин И.В.), 2011. С. 240—250.
- [10] Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И. (2015). Диалог или борьба культур? [Khukhuni T.G., Valuytseva I.I. Dialogue or duel of cultures?] (о некоторых аспектах межкультурного общения) // Вопросы психолингвистики. № 2(24). 2015. С. 153—159.

ИСТОЧНИКИ

- [11] Seifert, Elena. (2013). Namen der Bäume. Gedichte. Имена деревьев. Стихи // SoralPro Verlag, Ragnitzstraße 150, A-8047 Graz, Austria ISBN 978-3-902503-59-6. Oktober, 2013.
- [12] Зейферт Е.И. Стихи / Е.И. Зейферт. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?news=1223> (Дата обращения: 18.02.2016)
- [13] Круглый стол по вопросам билингвизма в ИЯ РАН с участием Е.И. Зейферт. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Df7oAOfmIis> (Дата обращения: 18.02.2016).

FROM THE ONTOLOGY OF LINGUISTIC BEING OF THE PEOPLE TO THE ONTOLOGY OF A PERSONALITY'S LANGUAGE BEING

U.M. Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
uldanai@mail.ru

A.O. Azizova

Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi Avenue, 71, Almaty, Kazakhstan, 050038
ainura_28_87@mail.ru

The article is devoted to conceptualization of the language being of creative bilingual personality. The content of the article was written under the influence of the scholars' writings who are working in the mainstream of Moscow psycholinguistic school in recent years (E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva, I.A. Bubnova and V.V. Krasnykh, G.T. Khukhuni and I. II. Valuytseva), and other scholars (Vyach.Vs. Ivanov, T.P. Mlechko). The authors attempt a critical analysis of the theory of language contacts and bilingualism in Russian linguistics and reveal similar positions of linguists in learning of the individual's language being. The article also offers their approach for studying of language personality and model analysis of a specific linguistic identity.

Key words: theory of language contacts and bilingualism, neopsycholinguistics, linguistic biography, linguistic portrait, linguistic being, ontology of language being

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНОСПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА СЕМЬИ (на материале английского языка)

А.А. Джиева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119991
Alecia28@yandex.ru

О.Ф. Стрельникова

МГИМО(У) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

Статья посвящена соотношению универсального и этноспецифичного в языке. В статье утверждается, что одним из основных универсальных концептов в языковой картине мира является концепт «семья», в то время как метафора как носитель переносного, вторичного значения приобретает исключительно этноспецифичный характер. Тому, как метафорический концепт «семьи» и составляющие его компоненты представлены в английской и американской этнокультурах и находят соответствующую языковую репрезентацию, посвящено настоящее исследование. Проведенный анализ показывает, что в британской политической речи метафора семьи менее частотна, в то время как в американской риторике она представлена чаще и более разнообразна, что определяется соответствующими ценностными ориентирами американского социума.

Ключевые слова: универсальное в языке, этноспецифичное в языке, языковая картина мира, концепт «семья», метафора семьи, метафорическая репрезентация, политический дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

Кардинальное противопоставление универсального и этноспецифичного в языке обусловлено кардинальностью этого соотношения вне его, т.е. в окружающем нас мире. При этом поиски этноспецифичного обусловлены интересом к изучению особенного, выделяющегося из ряда обычного, и потому часто служат объектом исследования. Вместе с тем мир скорее универсален, чем этноспецифичен. Универсальны общечеловеческие ценности: добра и зла, красоты и уродства, любви и ненависти, чести, достоинства и многие другие. Универсальны в целом способы постижения мира и мысли о нем.

Универсальны в своей основе и способы репрезентации мира в языке человека, что позволяет людям постигать другие языки и обеспечивать полноценную, адекватную коммуникацию между представителями и носителями разных этнокультур и языков.

Универсальное само по себе проистекает из самой сути языка, его безграничного потенциала, что позволяет ученым на ранних этапах развития лингвистики говорить о собственно универсалиях — чертах, свойственных всем или почти всем языкам мира, фреквенталиях — чертах, характерных для многих языков, и уникалиях — чертах, представленных в исключительных языковых репрезентациях. Вместе с тем все три названных типа универсалий в узком смысле репре-

зентируют универсалию вообще, т.е. универсалию в широком смысле как феномен, исходящий из самой сущности языка и его потенциала.

Вместе с тем универсальное и этноспецифичное не могут быть абсолютным противопоставлением, а тесно связаны между собой, ибо любое противопоставление компонентов дихотомии является в то же время формой их связи и любое сопоставление объектов, в том числе и их противопоставление, возможно лишь при наличии *Tertium Comparationis*, т.е. основания для сравнения.

Важным для анализируемой проблематики является понятие языковой картины мира, которая включает в себя три основных компонента: мир действительности, мир мышления и мир языка [5. С. 42], [6. С. 40 и др.]. При относительной универсальности всех трех компонентов специфические особенности мира мышления и в особенности мира языка представляют особый интерес [там же].

Иными словами, говоря об универсальности мира и языка, мы, естественно, не исключаем значимости этноспецифичного компонента, который, включаясь в общую схему языковой картины мира, составляет ее существенный компонент, придавая ей свою неповторимость и оригинальность, отличая ее от всех остальных языковых картин.

Связь универсального и этноспецифичного в языке во многом детерминирована их связью в окружающем нас мире, где универсальные категории находят свое специфичное преломление в каждой этнокультуре, каждом социуме и даже в каждой отдельно взятой индивидуальной личности.

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»

Одним из основных универсальных концептов в языковой картине мира является концепт «семья». Как можно заключить из сказанного выше, и не только из сказанного, но и из самой объективной реальности, значимость концепта «семьи» и входящих в его концептосферу компонентов в языке обусловлена тем, что соответствующие им денотаты и явления значимы вне его, т.е. в реальном мире.

Кардинальность и значимость феномена семьи в мире неоспорима, хотя и находит свое специфичное преломление в каждой отдельной этнокультуре.

Универсальная значимость феномена семьи достаточно ярко репрезентирована в языке — все известные языки полно и многообразно репрезентируют лексикон, отражающий концепт семьи.

Особое место в этом смысле занимает метафорическая репрезентация концепта семьи. Метафора, понимаемая нами как «любой способ косвенного выражения мысли» [2. С. 296], или концептуальная метафора (концептуальные метафоры понимаются как «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [3. С. 11]) — этноспецифична, ибо она отражает вторичные значения семантики слова, которые составляют специфику языкового знака, часто не находят прямого коррелята в окружающем нас мире и наслаиваются на основную, денотативную часть и составляют его идиоэтнический или идеосемантический компонент [1. С. 13—18], [4. С. 24—26].

Денотативный же компонент, в свою очередь, является обычно носителем первичного значения слова и соотносится с конкретным денотатом в окружающем нас мире. Денотативные значения поэтому по большей части универсальны.

Метафора как носитель переносного, вторичного значения приобретает в силу этого исключительно этноспецифичный характер.

Тому, как метафорический концепт «семьи» и составляющие его компоненты представлены в английской и американской этнокультурах и находят соответствующую языковую репрезентацию, посвящено настоящее исследование.

МЕТАФОРА СЕМЬИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

Частной областью представленности концепта семьи и всей связанной с ним концептосферы выступает политический текст. Универсальность концепта семьи в мире позволяет говорить об универсальности метафоры семьи в политической риторике лидеров самых разных государств. Интересным представляется анализ особенностей использования метафоры семьи в британском и американском политическом дискурсе с целью выявления универсального и этноспецифичного.

Следует отметить, что данная метафорическая модель может иметь сложную фреймовую структуру¹, одним из фреймов которой является «Кровное родство», представленный слотами «Родители и дети», «Братья и сестры», «Отдаленное родство».

Для целей настоящей работы обратимся к политическому дискурсу отдельных британских и американских политиков, чтобы выявить универсальное и этноспецифичное в употреблении метафоры семьи.

Одним из самых ярких представителей американской политической элиты можно назвать Джона Кеннеди. Бывший Президент США неоднократно использовал метафору семьи («метафору родства» — по терминологии А.П. Чудинова²) в своих выступлениях, начиная со знаменитой речи «Ich bin ein Berliner», где он говорит о своей принадлежности к берлинцам, и заканчивая словами другой речи [10. С. 133]: *«To our sister republics south of our border, we offer a special pledge: to convert our good words into good deeds...»*.

Мартин Лютер Кинг также, безусловно, может служить примером блестящего американского политика, и он также неоднократно прибегал к метафоре семьи в своих выступлениях. Так, например, в речи Мартина Лютера Кинга [10. С. 140] лейтмотивом звучит мысль о братстве граждан страны: *«Now is the time to lift our nation from the quicksands of racial injustice to the solid rock of brotherhood»*. И далее звучит мысль об общности судеб белых и черных братьев [10. С. 141]: *«The marvellous new militancy which has engulfed the negro community must not lead us to a distrust of all white people, for many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our destiny»*. Еще более эмоционально звучат слова: *«I have a dream that one day on the red hills of Georgia the sons of former slaves and the sons of former slave owners*

---

¹ См. подробнее [8].

² Там же.

will be able to sit down together at the table of brotherhood» [10. С. 142]. И далее: «*I have a dream that one day... right down in Alabama little black boys and black girls will be able to join hands with little white boys and white girls as sisters and brothers»* [Там же].

Использование параллельных конструкций еще сильнее подчеркивает идею о сплоченности народа, единении белых и афроамериканцев.

Ближе к концу своего выступления Мартин Лютер Кинг обращается к музыкальной метафоре, переплетая ее с метафорой семьи, что позволяет придать метафоре родства особое звучание: «*With this faith we will be able to transform the jangling discards of our nation into a beautiful symphony of brotherhood»* [10. С. 142].

Мы не будем останавливаться на использовании метафоры семьи в текстах выступлений президента Барака Обамы в данной статье, отметим лишь, что случаи употребления данной метафоры в них довольно часты¹.

Обращаясь к особенностям британской политической риторики, отметим, что на начальном этапе исследования данной проблемы нами было высказано предположение о том, что в силу островного менталитета британцев и их потребности в личном пространстве и необходимости «держаться дистанцию»² случаи употребления метафоры семьи в выступлениях британских политиков будут очень редки. Однако анализ выступлений У. Черчилля и Дэвида Кэмерона подтвердил эту гипотезу только отчасти.

Следует отметить, однако, что Уинстон Черчилль в одном из своих публичных выступлений явно избегает метафоры семьи. Вместо нее премьер-министр прибегает к понятию «товарищества» («*comradeship*»), как в примере [10. С. 96]: «*However matters may go in France or with the French government, or other French governments, we in this island and in the British empire will never lose our sense of comradeship with the French people*».

Однако в другом своем выступлении У. Черчилль часто обращается к метафоре семьи, подчеркивая общность исторических судеб европейских стран. В своей речи 19 сентября 1946 г. в Цюрихе [11] У. Черчилль так говорит о единой европейской семье: «*Yet all the while there is a remedy which, if it were generally and spontaneously adopted, would as if by a miracle transform the whole scene, and would in a few years make all Europe, or the greater part of it, as free and as happy as Switzerland is today. What is this sovereign remedy? It is to re-create the European Family, or as much of it as we can, and provide it with a structure under which it can dwell in peace, in safety and in freedom*». И далее: «*If Europe is to be saved from infinite misery, and indeed from final doom, there must be an act of faith in the European family and an act of oblivion against all the crimes and follies of the past*». И позже: «*The first step in the re-creation of the European family must be a partnership between France and Germany*». Подводя итог вышесказанному, У. Черчилль подчеркивает: «*Under and within that world concept, we must re-create the European family in a regional structure called, it may be, the United States of Europe*». Таким образом, случаи упот-

---

¹ См. подробнее [7].

² См. подробнее [5].

ребления метафоры семьи в речи У. Черчилля нередки, но британский политик, по-видимому, с осторожностью включает в ближний круг другие нации.

Анализ текстов выступлений Дэвида Кэмерона за 2011 — ноябрь 2015 [9] также представляет большой интерес для исследователя. В своей речи в Лондоне 10 ноября 2015 г. [9] Д. Кэмерон называет ЕС «семьей демократических государств»: «*The European Union is a family of democratic nations whose original foundation was — and remains — a common market*». В речи на партийном съезде (Tory Party Conference 2015, [9]) британский премьер-министр, говоря о бюджете Великобритании, сравнивает нацию с семьей, которая вынуждена откладывать деньги, оплачивать страховку, платить за ипотеку: «*We can't just be thinking about today, we should be thinking about the rainy days that could come — just like a family does. They put something aside, take out the insurance plan, pay off some of the mortgage when they have something spare. That's what we should do as a country — making sure we are ready to cope with future crises*». И далее Д. Кэмерон говорит о будущем детей, которые находятся под медицинским наблюдением, называя их детьми государства: «*And tragically, care leavers are four times more likely to commit suicide than anyone else. These children are in our care; we, the state, are their parents — and what are we setting them up for... ..the dole, the streets, an early grave?*» [9]. Таким образом, метафора семьи последовательно разворачивается в данном тексте.

В речи в Бирмингеме (Leader's speech, Birmingham 2014, [9]) неоднократно повторяется мысль: «*Let's build a Britain we are proud to call home...*».

В 2013 г. Манчестере (Leader's speech, Manchester, [9]) в своей речи премьер-министр Великобритании говорит о гражданах Великобритании — «наших отцах, матерях, дочерях», находящихся в опасности, таким образом прибегая к использованию метафоры семьи: «*When British citizens — our fathers, mothers, daughters — are in danger... whether that's in the deserts of Algeria or the city of Nairobi... then combatting international terrorism — it matters to us*». И позже: «*Well we in this Party are ambitious for all our children...*». Д. Кэмерон подчеркивает необходимость заботиться о следующих поколениях: «*Margaret Thatcher once said: „We are in the business of planting trees for our children and grandchildren or we have no business being in politics at all“. That is what we are doing today. Not just making do and mending... but making something better*» [9].

Британский премьер-министр говорит о своем долге перед всеми детьми государства, таким образом беря на себя роль «Отца нации». Например, в речи в Бирмингеме в 2012 г. (Leader's speech, Birmingham 2012, [9]) можно найти следующий пример: «*No: a decent education is the only way to give all our children a proper start in this world*». И далее: «*Fact two. More of our children live in households where nobody works than almost any other nation in Europe. Let me put it simply. Welfare isn't working. And this is a tragedy*». И позже: «*To help people to rise, to help Britain rise, there's a third — crucial — thing we must do. Educate all our children*» [9]. Эта идея о премьер-министре как отце нации становится наиболее наглядной далее в тексте, когда Д. Кэмерон сравнивает действующее правительство с «назойливыми родителями» («pushy parents»), которые сделают все возможное, чтобы дать своим детям хорошее образование: «*This is Britain's real school*

report and the verdict is clear: must try harder. You've heard of pushy parents, sharp-elbowing their way to a better education for their kids? Well — this is a pushy government» [9]. И далее премьер-министр продолжает мысль о своей причастности к судьбе всех детей Великобритании: «*Well, Michael Gove and I are not waiting for an outbreak of sanity in the headquarters of the NUT or an embrace of aspiration in the higher reaches of Labour before we act. Because our children can't wait»* [9].

Следует отметить, что в нескольких более ранних выступлениях Д. Кэмерона метафора семьи не встречается. Это «Speech on welfare», Bluewater, Kent, 2012; Speech at the University of Nottingham, Malaysia, 2012; «King James Bible» speech, Oxford, 2011 и Leader's speech, Manchester, 2011 [9]. Полагаем, что красноречивое отсутствие метафоры семьи в данных текстах и ее присутствие в дальнейших выступлениях можно объяснить эволюцией риторического стиля Д. Кэмерона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что анализ нашего материала показал, что метафора семьи в целом универсальна и встречается как в выступлениях британских, так и американских политиков. В то же время в британской политической речи метафора семьи в силу каких-то причин менее частотна, в то время как в американской риторике она представлена чаще и более разнообразна, что определяется соответствующими ценностными ориентирами американского социума. Можно предположить, что данный факт объясняется островной ментальностью британцев и особой тягой к индивидуализму и «privacy», находящими свою языковую репрезентацию в англоязычном британском дискурсе. В дальнейшем планируется более детальный анализ данной метафорической модели с целью выявить качественное различие в особенностях ее употребления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абаев В.И.* (1948). Понятие об идеосемантике [*Abaev V.I. The notion of ideosemantics*] // Язык и мышление. Т. 11. Вып. I. Москва—Ленинград, 1948. С. 13—18.
- [2] *Арутюнова Н.Д.* (1990). Метафора и дискурс [*Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse*] // Теория метафоры: сборник / вступит. статья и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука. С. 296.
- [3] *Баранов А.Н. / Лакофф Д., Джонсон М.* (2008). Метафоры, которыми мы живем [*Baranov A. / Lakoff D., Johnson M. Metaphors we live*] / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ.
- [4] *Джюева А.А.* (1990). Об универсальном и идиоэтничном в семантике языка [*Jioeva A.A. On the universal and the idioethnic in the semantics of a language*] // Вопросы иранистики и алановедения. Мат-лы конференции, посвященной 90-летию В.И. Абаева. Владикавказ. С. 24—26.
- [5] *Джюева А.А.* (2006). Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» [*Jioeva A.A. English mentality through the prism of language: the concept of "privacy"*] // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 41—59.
- [6] *Джюева А.А.* (2014). Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка [*Jioeva A.A. Anglo-Saxon mentality through the prism of the English language*]. М.: Изд-во МГУ.
- [7] *Джюева А.А., Стрельникова О.Ф.* (2016). Глобальность метафоры семьи в политическом дискурсе [*Jioeva A.A., Strelnikova O.F. Globality of the metaphor of family in political discourse*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 1.

- [8] Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) [*Chudinov A.P. Russia in a metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991—2000)*]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#230>.
- [9] British Political Speech. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm>.
- [10] Speeches that changed the world, with an introduction by Simon Sebag Montefiore (2010). London: Quercus Publishing Plc.
- [11] The Churchill Society. URL: <http://www.churchill-society-london.org.uk/astonish.html>.

**UNIVERSAL AND ETHNO-SPECIFIC FEATURES
TO REPRESENT CONCEPT FAMILY
(case-study of the concept *family* in english)**

Alecia A. Jioeva

Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
Alecia28@yandex.ru

Olga F. Strelnikova

Moscow State Institute of Foreign Affairs (University), MFA, RF
Vernadsky ave., 76, Moscow, Russia, 119454
strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

The article is devoted to the correlation of the universal and the ethnospecific in language. The article suggests that the concept of «family» is one of universal concepts in language view of the world, whereas metaphor as a bearer of figurative, secondary meaning assumes purely ethnospecific character. The present research is devoted to the corresponding language representation of the metaphoric concept of «family» and its constituent components in English and American ethnocultures. The analysis made demonstrates that the metaphor of family is less frequent in British political speech, whereas in American rhetoric it is more frequent and more varied, which is explained by the corresponding values of American society.

Key words: the universal in language, the ethnospecific in language, language view of the world, the concept of «family», the metaphor of family, metaphoric representation, political discourse.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А.Б. Недосугова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
nedosugova_ab@pfur.ru

Современная социокультурная реальность создает необходимость в разработке методов формирования русской языковой личности, что является актуальной лингвометодической задачей на занятиях по курсу «Риторика». В статье описывается лингводидактический подход к обучению навыкам публичного выступления и ведения дискуссий в новой социокультурной среде. В данной статье приводятся примеры некоторых типичных ошибок и даются рекомендации по их преодолению в процессе обучения русскому языку как родному и неродному.

Ключевые слова: норма, культура речи, риторика, русская языковая личность, межкультурная коммуникация, социокультурная реальность

Новая социокультурная реальность стремительно меняющегося современного мира обусловила появление в основных образовательных программах «Риторики» как необходимой дисциплины, изучение которой способствует не только формированию навыков грамотного профессионального красноречия, но и развитию определенных личностных качеств, необходимых в поликультурной среде.

Важной и необходимой составляющей профессиональной компетенции современного специалиста является владение русским языком и культурой русской речи. Культура речевого общения предполагает такой подбор и организацию языковых средств, которые дают возможность достигнуть поставленных в общении целей с неременным учетом норм русского литературного языка. В последнее время в педагогической практике наблюдается тенденция к снижению уровня владения нормами русского литературного языка в устной речи среди контингента учащихся, для которых русский язык является родным или неродным. Особенно это заметно в тех случаях, когда речевое общение учащихся происходит в форме монолога, диалога или полилога — выступление на семинаре с докладом, участие в ролевой игре «круглый стол», участие в научно-практической конференции и т.п.

На наш взгляд, эффективным методическим приемом для отработки вышеперечисленных навыков и умений является ролевая игра «круглый стол», которая представляет собой завершающий этап освоения курса «Риторика».

Суть этой игры сводится к дискуссионному выступлению по одной из тем, которые предлагаются в форме высказываний известных деятелей культуры, науки, искусства, политики, а также в форме спорных тезисов по актуальным проблемам современности. Дается задание выразить согласие или несогласие с высказанной точкой зрения, например: «Быть бедным — большое несчастье. Не меньшее несчастье — родиться богатым» (Андре Моруа); «Для борьбы с терроризмом необходимо отказаться от некоторых демократических ценностей» (Ю. Киршин); «Реформа ООН должна повысить эффективность деятельности этой организации»

(И. Иванов); «За 17 лет коммерческого телевидения мы научились быть нечувствительными к агрессии, чужому горю, смерти» (Д. Дондурей); «Сегодня многие в мире воспринимают через запятую как само собой разумеющееся ислам, халифат, отрезание голов, теракты... Возможно, это и было главной целью тех людей, которые стояли у истоков проекта „Исламского государства“» (И. Саетов); «Реакция Запада на воссоединение Крыма с Россией свидетельствует об использовании двойных стандартов в подходе к решению сложных проблем» (С. Нарышкин); «Глобализация оказывает влияние на содержание понятия „патриотизм“» (С. Никольский); «Нельзя смотреть на свою страну глазами американцев или европейцев» (Ю. Поляков, писатель); «Для иностранцев Россия — живая и противоречивая страна. Несмотря на постоянные стоны русских о падении уровня образования, россияне в восприятии иностранцев очень образованный и творческий народ» (В. Костиков); «К сожалению, война — это двигатель истории» (Н. Михалков) и другие.

Особую роль играет ведущий круглого стола, который должен быть ознакомлен с обсуждаемыми выбранными темами, с порядком ведения заседания, с речевым этикетом ведущего. Так как риторика изучает все виды общественно-речевого взаимодействия [1. С. 9—15], все участники должны на практике использовать знание таких тем, как «„Образ аудитории“ и ее социопсихологические параметры», «Теория и практика спора», «Риторические приемы», «Техника речи», «Культура речевого общения», входящие в программу курса.

Устная речь предполагает доступность и стимулирование аудитории к диалогу. Не секрет, что в процессе подготовки к устному выступлению современный учащийся с легкостью использует информационный массив интернет-ресурса, в связи с чем возникает необходимость «перевода» сложного письменного и часто научного текста в устную речь. Для этого требуется сформировать у учащихся ряд умений и навыков, на примере микротекстов продемонстрировать применение некоторых способов перефразирования текста и показать использование таких приемов, как:

- употребление связующих средств, выполняющих текстообразующую функцию;
- применение повторов в качестве логической структуры текста;
- использование по возможности конструкций простого более короткого предложения;
- употребление указательных местоимений в качестве связующего средства;
- замена причастного оборота придаточным определительным предложением или изменение структуры большого сложного предложения;
- риторический вопрос как фигура речи, способствующая «оживлению» научного текста;
- использование интонационных конструкций в качестве средства выделения смысловых частей высказывания.

В качестве примера можно привести такой микротекст из учебника:

«Неолиберализм (либеральный институционализм) — теоретический подход в международных исследованиях, исходящий из того, что поведение государств невозможно объяснить исключительно их национальными интересами; значит,

следует включать в анализ сотрудничество государств в рамках международных институтов (организаций, традиций, правил, договоров), способных гармонизировать анархическую среду международных отношений и определяющим образом влиять на поведение самих государств. Отвергает положение реализма об автономии политики и экономики, уделяя особое внимание роли хозяйственных взаимодействий как фактора сотрудничества в международных отношениях. Неолиберализм возник в 1980-е гг. в ходе адаптации классического либерализма к новым условиям мировой политики» [5. С. 575].

Для устного выступления, например, выступления на семинаре, этот фрагмент может быть изменен и будет иметь следующую форму.

Неолиберализм или, другими словами, либеральный институционализм — это, в первую очередь, теоретический подход в международных исследованиях. Этот подход обусловлен тем, что поведение государств невозможно объяснить только лишь их национальными интересами. В связи с этим следует включать в анализ сотрудничество государств в рамках международных институтов, различных организаций, традиций, правил, договоров. Эти институты способны не только сделать более гармоничной анархическую среду международных отношений, но и серьезно влиять на поведение самих государств. Следует отметить, что неолиберализм отвергает положение реализма об автономии политики и экономики. Он уделяет особое внимание роли хозяйственных взаимодействий как фактора сотрудничества в международных отношениях. Неолиберализм возник в 1980-е гг. в результате необходимости адаптировать классический либерализм к новым условиям мировой политики [4. С. 747—751].

Следует отметить, что при аудиальном восприятии невозможно удержать в памяти все грамматические и синтаксические связи текста, и это надо учитывать при подготовке устного научного текста. В связи с этим можно использовать повторы, а также изменение последовательности подачи материала при помощи введения соответствующих конструкций. Например, в научном письменном тексте «Мажоритарная избирательная система» при классификации понятия используется сокращенная форма подачи материала без средств выделения видов данного понятия:

«Мажоритарная избирательная система — (от фр. *majorité* — большинство) — система выборов, при которой избранными считаются кандидаты, получившие большинство голосов по избирательному округу, где они баллотируются. Различают М.и.с. абсолютного, относительного и квалифицированного большинства (последняя применяется редко). В первом случае достаточно получить более половины всех голосов, во втором — большинство относительно всех остальных кандидатов, в третьем — большинство, превышающее половину голосов, — $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и т.д. М.и.с. часто комбинируется с пропорциональной избирательной системой (напр., в РФ по М.и.с. относительного большинства избирается одна половина состава Государственной Думы, а по пропорциональной системе — другая)» [2].

Для устного выступления этот фрагмент может быть изменен и будет иметь следующую форму.

Мажоритарная избирательная система представляет собой разновидность (является разновидностью) системы выборов. Данная система позволяет считать

избранными тех кандидатов, *которые* получают большинство голосов по избирательному округу, где они баллотировались. Различают несколько видов М.и.с. Так, например, в М.и.с. абсолютного большинства кандидату достаточно получить более половины всех голосов, в М.и.с. относительного большинства необходимо получить большинство относительно всех остальных кандидатов. Что же касается М.и.с. квалифицированного большинства, то необходимым считается большинство, которое превышает половину голосов, — $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и т.д. Однако такой вид М.и.с. применяется редко.

М.и.с. часто комбинируется с пропорциональной избирательной системой. Характерным примером является РФ, где по М.и.с. относительного большинства избирается одна половина состава Государственной Думы, а по пропорциональной системе — другая.

Чтобы помочь учащимся в решении данной задачи («перевода» письменного научного текста в устную монологическую речь), необходима система упражнений, формирующих навыки владения устной научной речью. Например, упражнения на замену причастного оборота придаточным определительным предложением, на замену деепричастного оборота придаточными предложениями, выражающими временные, причинно-следственные и условные отношения, упражнения на употребление интонационных конструкций русского языка, на употребление предложений с пояснительным значением, с факультативно-комментирующим и градационным значениями [7. С. 630—633].

Несомненно, правильная и грамотная речь свидетельствует о высоком уровне языковой культуры. Однако, к сожалению, популярный у учащихся язык социальных сетей («олбанский» язык или «олбанцкейезыг» и другие искажения, построенные по принципу сознательного нарушения правил орфографии) оказывает негативное влияние на формирование речевой культуры как носителей русского языка, так и тех, для кого он является неродным. Такая примитивизация языка происходит на уровне лексики, морфологии, синтаксиса, что, в свою очередь, проникает и в мышление, а значит, может способствовать деградации личности.

Таким образом, в процессе подготовки к проведению «круглого стола» на занятиях по «Риторике» необходимо обращать внимание на эвфемизмы и дисфемизмы, т.к. у учащихся может быть различное отношение к обсуждаемой проблеме. Отношение может быть как положительным (или мелиоративным), так и отрицательным (или пейоративным), в связи с чем необходимо научить студентов грамотно пользоваться соответствующими языковыми средствами. Например, предложить упражнение на замену слов эвфемизмами: *бедный* — *нуждающийся*; *выскачка* — *человек с амбициями*; *он лжет, врет* — *он лукавит, хитрит* и т.д.

Культура речевого общения предполагает такой подбор и организацию языковых средств, которые дают возможность достигнуть поставленных в общении целей с неременным учетом норм русского литературного языка. Под нормой литературного языка понимается общепринятое употребление языковых средств: звуков, интонации, слов, лексических единиц их форм, синтаксических конструкций. Основным свойством норм является их обязательность для всех говорящих и пишущих по-русски [6. С. 272]. Нормам свойственна также устойчивость,

которая является относительной, так как норма может меняться под влиянием разговорной речи, лексики различных национальных, социальных и профессиональных групп населения, заимствований и т.п. [6. С. 272].

Некоторыми типичными ошибками в устной речи учащихся являются следующие: неудачный выбор слова по его значению, искажение фразеологизмов («подорожали цены» вместо *повысились цены и подорожали товары*), нарушение согласования («тенденция на укрепление отношений» вместо *тенденция к укреплению отношений*), нарушение глагольного предложного и беспредложного управления (*угроза чему? — миру, угроза чего? — войны, угроза чем? — оружием*), нарушение единства грамматической формы в ряду однородных членов предложения («Он надеется и верит в улучшение жизни» — *надеяться на что?, верить во что?*) и другие. По мнению исследователей-лингвистов, «изучение ошибок — дело полезное для их предупреждения» [3. С. 237], для чего необходимы не только учебники и учебные пособия, но и высококультурная языковая среда как устная, так и письменная.

Следует отметить, что при отработке устного языкового материала и при изучении такой обширной темы, как «Техника речи», у учащихся вызывает большой интерес использование интонационных конструкций в качестве средства выделения смысловых частей высказывания в русской речи. Эффективным методическим приемом служит способ тренировки чтения вслух специально подобранных текстов, написанных в публицистическом стиле речи с тенденцией к экспрессивности, что помогает устранить у некоторых учащихся проблемы, возникающие в процессе публичной вербальной коммуникации (пейрафобию, глоссофобию, социофобию).

Также при подготовке к проведению дискуссий необходимо уделять внимание такой важной теме, как орфоэпические, и особенно просодические нормы, т.к. ошибки в выборе ударения могут влиять на смысловое содержание высказывания. Характерной ошибкой учащихся является просодическое неразличение при произнесении следующих слов в словосочетаниях, например: отзыв посла, депутата — отзыв на статью; бронированный автомобиль — забронированное (бронированное) место; временная зависимость (непостоянная) — временные вложения (определяемые временем); уставный капитал — уставной почерк (*истор.*); занятые люди (*прил.*) — занятые (*прич.*) тренировки спортсмены; кричит, как оглашенный (*прил.*) — указ, оглашенный (*прич.*) утром и др.

Чтобы помочь учащимся избежать часто встречающихся ошибок, необходимо развивать и поддерживать когнитивный подход к изучению языка, который включают такие умения, как наблюдать, сопоставлять и разграничивать, типизировать и классифицировать языковой материал. В этом направлении решаются задачи, требующие логико-смысловых отношений между языковыми единицами. Такой подход к обучению позволяет сконцентрировать внимание именно на трудных явлениях функционирования языковых средств, дает возможность показать вариативность словоупотребления и в соответствии с речевыми нормами и речевой ситуацией сделать нужный выбор речевых средств.

Следует отметить, что в студенческой среде наблюдается высокая коммуникативная заинтересованность в таких занятиях, поскольку существует потребность

в высказывании своей точки зрения и в формулировании доказательной базы своих воззрений.

На наш взгляд, вышеописанный прагматический подход стимулирует не только познавательную деятельность учащихся, но и способствует формированию толерантной личности, способной к диалогу и взаимодействию в новой социокультурной реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аннушкин В.И.* (2015). Филология — словесность — риторика: новые задачи классических учений [*Annushkin V.I. Philology — Literature — rhetoric: new challenges classical teachings*] // XIX Международная научная конференция, посвящается 100-летию РГУ имени С.А. Есенина: Сборник материалов. Рязань.
- [2] Большой юридический словарь онлайн [<http://juridical.slovaronline.com/>]. URL: http://juridical.slovaronline.com/%D0%9C/%D0%9C%D0%90/3248-MAZHORITARNAYA_IZBIRATELNAYA_SISTEMA (дата обращения: 28.02.2016).
- [3] *Львов М.Р.* (2004). Риторика. Культура речи [*Lvon M.R. Rhetoric. A culture of speech.*] М.: Издательский центр «Академия».
- [4] *Недосугова А.Б.* (2015). Лингводидактический аспект формирования устной научной речи при обучении русскому языку как родному и неродному [*Nedosugova A.B. Lingvodidaktichesky aspect of formation of a scientific oral speech at training to Russian as a native and nonnative*] // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: XIII Конгресс МАПРЯЛ, г. Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 года: Сборник материалов. Санкт-Петербург. Том 10.
- [5] Политология: Учебник [*Political science: the Textbook*] (2004) / А.Ю. Мельвиль и др. М.: МГИМО (У), Проспект.
- [6] Русский язык и культура речи: Учебник (2007). [*The Russian language and culture of speech: Textbook*] / под ред. В.И. Максимова. М.: Гардарики.
- [7] Русская грамматика в 2-х тт. (1982). [*Russian grammar in 2 vol.*] / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, Т.2.

THE PRAGMATIC APPROACH TO A FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY IN A NEW SOCIOCULTURAL REALITY

Anastasia B. Nedosugova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
nedosugova_ab@pfur.ru

The modern sociocultural reality is creating a need to develop methods of formation of the Russian language personality, which is a relevant language methodological classroom task within the Rhetorics course. This article is describing the linguistic teaching methods approach to the skills of public speaking and conducting discussions in a new sociocultural environment. This article is giving the examples of some typical mistakes. Moreover, the recommendations on overcoming these difficulties are given.

Key words: norm, culture of speech, rhetoric, Russian language personality, cross-cultural communication, sociocultural reality

**АССОЦИАТИВНОЕ ТЕКСТОВОЕ ПОЛЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДИОГЛОССЫ «КОНЬ-ИНОХОДЕЦ»
В ПОВЕСТИ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!» Ч. АЙТМАТОВА**

К.Э. Касымалиева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
kaira_17@mail.ru

Центральным понятием статьи является этнокультурная идиоглосса «конь-иноходец», с помощью которой предпринимается попытка реконструкции текстового ассоциативного поля как части авторской картины мира. Материалом такой реконструкции является повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!».

Ключевые слова: этнокультурная идиоглосса, авторская картина мира, ассоциативное текстовое поле

ВВЕДЕНИЕ

Мы принимаем термин «идиоглосса» вслед за Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, которые вкладывают в понятие *идиоглосса* «комплексный смысл, складывающийся из того, что эти единицы, во-первых, — отражение главных мирообразующих, мироформирующих идей автора, и, во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля. В семиотическом аспекте идиоглосса — это слово-знак, но необычный, а знак второго порядка, поскольку его содержанием является не столько семантическая составляющая, сколько мироформирующая стилевая функция строительного элемента в картине мира автора. Идиоглосса в широком смысле — это ключевое слово, единица текста, но одновременно это и обязательная единица индивидуального авторского лексикона, заряженная потенцией раскрыть читателю не только то, *какой мир* воссоздает автор, но и то, *как он это делает*» [5. С. 896].

В нашем исследовании мы вводим термин «этнокультурная идиоглосса», опираясь на понятие этнокультуры: «Этнокультура — это способ мироощущения, мышления и поведения определенной культуры. Национально-культурная специфика языковых единиц, или *этнокультурный смысл*, представляет собой имплицитное значение языковой единицы. Это скрытая категория, производная от прототипического культурозначимого контекста, имеющая мыслительный коррелят в национальной концептосфере и реализующая ментально-психический феномен *этнуса* — наиболее характерные черты национальной ментальности. Тексты как единицы языка несут скрытые доминантные смыслы, присущие той или иной культуре и этносу и восходящие к прототипу, который определяет пути развития смысловых признаков. Смыслы считаются этнокультурными, если посредством данных смыслов одна культура отличается от другой» [4. С. 227].

**АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА Ч. АЙТМАТОВА
В ПОВЕСТИ «ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»**

В повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» основополагающей в авторской картине мира, своеобразным центром, вокруг которого формируются тек-

стовые ассоциативные поля, позволяющие более полно представить авторское мировидение, выступает этнокультурная идиоглосса «**конь-иноходец**». Она занимает центральную позицию в тексте, являясь наиболее частотной, сравните: *Гульсары* — 218; *иноходец* — 228; *конь* — 132.

Обратимся к толкованиям значения данной лексемы в авторитетных нормативных словарях русского языка:

Таблица 1

Словарные значения **ИНОХОДЕЦ, ИНОХОДЬ**

С.И. Ожегов. Толковый словарь русского языка	Д. Ушаков. Толковый словарь русско- го языка	Словарь русского языка в 4-х тт.
<p>иноходец, -дца, м., лошадь, которая бежит иноходью;</p> <p>иноходь, -и, ж., способ бега лошади (или другого животного), при котором одновременно выносятся вперед или обе правые ноги, или обе левые</p>	<p>лошадь, которая бежит иноходью</p>	<p>лошадь, которая бежит иноходью</p>

Очевидно, что словарные статьи содержат лишь общее значение слова, не раскрывая его этнокультурного идиосмысла.

Лексема *иноходец* (а это и есть *Гульсары*) в контексте повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» — этнокультурная идиоглосса, в определенной степени маркирующая кыргызскую культуру в целом. Лексема имеет в составе два корня *гуль* — ‘цветок’ и *сары* — ‘желтый’ (‘желтый цветок’).

В кыргызской культуре имя коню, как правило, дается по его масти или экстерьеру, например, *сары ала* — ‘буланый’, *тору* — ‘гнедой’, *жээрде* — ‘рыжий’, *кашка* — ‘с белой отметиной на лбу’.

Автор показывает последовательное превращение коня-иноходца из «буланого жеребчика» в «захудалую клячу», учитывая национальные особенности кыргызской культуры. Выявить иноходца из целого табуна в раннем возрасте могли только опытные табунщики; в повести опытным табунщиком предстает Торгой, который по видимым только ему признакам, распознает в жеребце будущего иноходца:

— Вот тот буланый жеребчик, что с правого края пасется. Далеко пойдет.

— Это который — тот, круглый как мяч? Что-то мелковат с виду, поясница короткая.

— А что в нем? Чем хорош?

— Иноходец от роду.

— Ну и что?

Таких мало встречал. В прежние времена ему цены не было бы. За такого в драках на скачке головы клали» [1. С. 118—119].

И далее: (подстегиваемый голосами людей конь проявляет себя в беге) «...голоса их словно бы подстегивали жеребчика. Он все убыстрял и убыстрял бег, почти без напряжения, без единого сбоя на скачь, шел ровно, как в полете».

Конь-иноходец требует к себе особого отношения, по словам Торгоя, только при правильном подходе из него вырастет хороший иноходец:

— Буланого пока не тронь. Никому не доверяй. Весной сам объезжай его. Да смотри осторожней, Как пойдет под седлом, сильно не гони. Задержашь, собьется с иноходи, испортишь коня. Да смотри, чтобы в первые дни не опился сгоряча. Вода на ноги упадет, мокрецы пойдут...» [1. С. 120].

— Не сглазь. И прежде времени не болтай. На хорошего иноходца, как на красивую девуку, охотников много... [1. С. 119].

О внешности иноходца Ч. Айтматов пишет так:

«Из мохнатого кургузого полуторалетки он превращался в стройного, крепкого жеребчика. Он вытянулся, корпус его, утратив мягкие линии, принимал уже вид треугольника — широкая грудь и узкий зад. Голова его тоже стала как у истинного иноходца — сухая, горбоносая, с широко расставленными глазами и подобранными, упругими губами...» [1. С. 123].

Перейдем к рассмотрению смежной идиоглоссы *конь*, которая встречается в тексте 132 раза. Слово само по себе нейтрально и используется в любой культуре. Особая значимость слова конь для кыргызской культуры очевидна, поскольку жизнь кочевника основана на постоянном движении и перемещении. Человек-кочевник так организовал свое бытие, что, передвигаясь, он одновременно остается неподвижным. Одно из проявлений уникальности кочевых народов заключается в том, что они выбрали таких животных, которые не только перемещали их в пространстве, но и были для кочевника «волшебным сундуком», из которого можно было извлекать все необходимое для жизни: молоко и мясо идут в пищу; из шерсти изготавливают не только пряжу для одежды, но и войлок, кошму, которыми покрывают юрту — он удерживает прохладу в жаркий день и тепло в холодный день, а в дождливый день не пропускает воду, например:

Кошм для юрт в колхозе тоже не было.

— Хорошо, дайте шерсти, мы сами свалеем кошмы, — просил Танабай. Как он (Танабай) мог не видеть в юрте удивительное изобретение своего народа, где каждая мельчайшая деталь была выверена вековым опытом поколений?...

— Нет-нет! — отказывалась Джайдар. — Как хочешь, а в палатку я жить не пойду.

...Мы с семьей, у нас дети. Купать их надо, воспитывать, нет, не пойду... [1. С. 170].

Также для внутреннего обустройства юрты делали различные ковровые изделия, такие, как *шырдаки* ('разноцветный орнаментированный войлок'), *алакийизи* ('кошма'), которыми устилали земляной пол юрты. Из шкуры выделывали кожу и изготавливали различные предметы бытового назначения, например, из козых шкур шили теплые *бостеки* — 'подстилки для сидения на полу':

Джайдар стелила для гостей новую кошму, а на кошму бостек из козых шкур — специальный полог для сидения на полу [1. С. 159].

Из конских волос и овечьей шерсти плели арканы, веревки. Арканы из конского волоса были настолько крепки, что служили не один десяток лет. Для при-

ручения лошадей пользовались и пользуются именно **волосяным арканом**, т.к. кони — сильные животные и могут оборвать любую веревку:

*...Иноходец вскинулся на дыбы, заржал негодуяюще и яростно, заметался, взбрыкивая задом, и, весь напрягшись, чтобы сбросить с себя все, что давило его, ринулся в сторону, но **аркан**, конец которого держал под стременом другой человек, на другом верховом коне, не пустил его... [1. С. 126].*

Кизяк, утрамбованный овечий навоз используется как печное топливо. Ч. Айтматов в повести сравнивает кизяк с золотом:

«жар овечьего кизяка приятен и чист, как золото, им и обогреваются чабаны в зимние холода...» [1. С. 198].

Следует отметить, что в кыргызской культуре конь (в ряду с другими животными) занимает особое место. Благодаря верховой езде меняется пространственное мироощущение кочевников, осваиваются новые территории, устанавливаются связи с другими народами. Для кыргыза-кочевника конь — не просто животное для передвижения, а животное-посредник, объединяющее человека с миром Природы, Космоса и Вселенной.

С давних времен кыргызы отводят большое место народным играм и развлечениям, без них не проходило ни одно народное гуляние. Самыми любимыми и почитаемыми остаются традиционные конные игры. Причем характер многих из них полностью подчинился кочевому образу жизни и требовал большой отваги, ловкости, смелости и готовности к решительным действиям, поэтому именно конные состязания и игры являются азартными и востребованными среди других игр. Многие конные игры дошли до наших дней и имеют статус национального вида спорта Кыргызской Республики, среди них: *Ат чабыш* или *Аламан-байге*, *Тыйын энмей* ('поднятие монет на скаку'), *Кок-бору* ('козлодранье'); *Кыз-куумай* ('догони девушку'); *Оодарыш* ('стаскивание с седла'), а также *Жорго салыш* ('бег иноходцев') — одна из излюбленных конноспортивных забав у кыргызов¹.

Кульминацией повести как и являются конные состязания и игры **Бег иноходца** и **Козлодранье**. Неслучайно Ч. Айтматов очень скрупулезно до мельчайших деталей описывает ход состязаний и бег иноходца, сочетая национально-культурные обрядовые традиции и спортивные функции игры и называя это «апофеозом состязания» [1. С. 144]. Многие конные игры принято устраивать во время разнообразных торжеств, таких как *свадьба*, *рождение детей*, *национальные праздники*. В повести конные игры и состязания устраивались на день Первое мая в честь трудящихся, сравните:

*— Просите у народа благословение! — торжественно провозгласил главный распорядитель игр... **Оомин!** — сотни рук поднялись ко лбам и опустились ладонями по лицам, как стекающие потоки вод...*

¹ В 2014 г. впервые в Кыргызстане на побережье озера Иссык-Куль в г. Чолпон-Ата были проведены *I Всемирные игры кочевников*. В них участвовали сборные команды Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Монголии, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. В программу I Всемирных игр кочевников были включены такие игры, как Кок-бору, Жорго-салыш, Кунан чабыш, Кыз-куумай, Тыйын энмей. Любовь к этим животным породил танец «Кара-жорго» — черный иноходец, который пользуется большой популярностью в Кыргызстане.

*Тем временем начались игры на кругу — борьба пеших и конных, **стаскивание с седел, поднятие монет на скаку и другие состязания**. Все это было только вступлением, главное начнется там, куда ускакали всадники [1. С. 140].*

И далее:

*Исчезла вдруг власть удил и поводыев, не стало для Гульсары ни седла, ни всадника — **в нем бушевал огненный дух бега** [1. С.142].*

Конь занимал и занимает не только видное место в материальной культуре, но и в духовной жизни кыргызов. О некоем внутреннем родстве кочевников с конем, об обожествлении этого прекрасного и гордого животного пишет известный культуролог Г. Гачев «Полная зависимость кочевника от стада и дает ощущение внутреннего родства с животными. Отсюда обожествление животных, особенно коня. С ним он образует единое существо кентавра. Мудрость кентавра есть не что иное, как чувственный образ мудрости общественного человека, который поставил между собой и природой посредника. Кочевник на коне отделен от земли, но приближен к небу» [2. С. 124—157]. Конь-иноходец у Айтматова «*Не конь, а дулдул*», то есть сказочный скакун.

АССОЦИАТИВНО-ТЕКСТОВОЕ ПОЛЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДИОГЛОССЫ «КОНЬ-ИНОХОДЕЦ»

Этнокультурная идиоглосса **конь-иноходец** в повести является центральной, формирующей ассоциативное текстовое поле. Попытаемся при помощи этнокультурной идиоглоссы **иноходец** смоделировать текстовое ассоциативное поле и раскрыть авторскую картину мира Ч. Айтматова. Текстовое ассоциативное поле этнокультурной идиоглоссы **конь-иноходец** в авторской картине мира Ч. Айтматова представлено аттракторами: **бег, игра, женщина, неволя, разлука**. Перейдем к рассмотрению аттракторов.

Аттрактор **бег** притягивает к себе слова-ассоциаты, характеризующие **скорость, темперамент (характер бега), время**.

Слова-ассоциаты, характеризующие скорость бега: **комета, реактивный самолет, полет**, сравните:

*Увлекая за собой своих сверстников, он носился среди них **желтой кометой**.*

*Пыль из-под его копыт прочерчивала степь белым бегучим следом в безветренную погоду нависала над дорогой, **как дым реактивного самолета**.*

*Он (Гульсары) выскочил на бугор, точно бы на гребень большой волны, и на какое-то мгновение, **словно завис в полете**, невесомый.*

Слова-ассоциаты, характеризующие темперамент иноходца (характер бега): **иноходь, страсть, огненный дух**:

*...а он **рвался вперед, четко печатая по дорогам дробный перестук иноходи**....*

*Только один Гульсары не умевший скакать галопом шел **иноходью**. В этом была и слабость его и сила.*

*Пустил коня свои ходом, тот настоялся за день и шел теперь размашистой прочной **иноходью**.*

*Одна лишь **страсть** владела им пока. Доставляя хозяину немалые хлопоты, — **страсть к бегу**.*

*В нем все еще жила прежняя **страсть** — бежать, бежать, бежать.*

*Из всего прежнего осталось у него лишь одна **страсть к бегу**.*

*Ему (Гульсары) казалось, что в него **вселился какой-то огненный дух**, и, чтобы от него освободиться, надо скорее вырваться в круг и понестись.*

*Исчезла вдруг власть удил и поводьев, не стало для Гульсары ни седла, ни всадника — в нем **бушевал огненный дух бега**.*

Слова-ассоциаты **бега**, характеризующие время:

*Танабай грустно улыбнулся, вспомнив, как по этой же самой дороге **мчался** в свое время Гульсары и пыль стелилась за ним хвостом.*

*Думал так старик Танабай и грустил, что время промчалось, **как бег иноходца**.*

*Годы, годы, годы, **как бег иноходца**.*

Следующий аттрактор этнокультурной идиоглоссы *иноходец* — **игра**. В повести игра представлена живо, с яркими описаниями национально-культурного колорита. Аттрактор **игра** притягивает слова-ассоциаты **аламан-байге**, **славу**. **Аламан-байге** означает ‘большие скачки’, в которых участвуют лошади любых возрастов. В повести описание игры **Кок-бору** (‘козлодрание’) идиоглосса **аламан-байге** встречается 9 раз. Приведем примеры из текста:

***Аламан-байге** ждали все, ибо это апофеоз состязания, к тому же любой всадник имеет право принять в ней участие... [1. С. 144].*

Ассоциативное поле **игра** пополняется словом-ассоциатом **слава**, который в отрывке описании игры встречается 6 раз:

В этот раз, уже окруженный ореолом славы, он стал самой сильной фигурой в игре [1. С. 144].

Ч. Айтматов по-особенному раскрывает образ женщины (Бюбюджан) через мысли иноходца, используя при ее описании ряд метафор, тем самым образуя ассоциативно-метафорическое микрополе **женщина**. В тексте с аттрактором **женщина** связаны слова-ассоциаты — **руки** (5), **глаза** (4), **запах** (3), сравните:

*Ни у кого из людей не было таких ласковых рук. Это были удивительные руки, **упругие и чуткие, как губы той маленькой гнедой кобылицы со звездой на лбу. (...)** и глаза ее **переливались светом и тенью, как камни на дне быстрого ручья в лунную ночь**» [1. С. 136].*

*(...) смотрела на них сияющими, **как камни в быстром солнечном водоеме, глазами**» [1. С. 143].*

*Глаза ее вспыхнули и погасли, **как камни на дне освещенного луной водоема** [1. С. 150].*

*(...) (Гульсары) улавливал даже своим тонким нюхом **какой-то странный, диковинный запах незнакомой травы, исходящий от нее. То была гвоздика**» [1. С. 137].*

Следующим по важности для сюжетной линии следует аттрактор **неволя**, который притягивает к себе этнокультурные идиоглоссы **укурук** (‘длинная палка с петлей для ловли лошадей’) — 10; **кишен** (‘железные путы’) — 19; **аркан** (‘веревка’) — 12:

***Укуроком** ловили верховых лошадей, дойных кобыл и прочих, но только не его. Он был вольный. И вдруг волосая петля скользнула по его голове и повисла на шее [1. С. 124].*

Снимали **кишен** с ног Гульсары всей семьей. Джайдар держала под уздцы, прикрывала иноходцу глаза, а Танабай пытался подобрать отмычку к замку [1. С. 168].

Застонал, замычал Гульсары, все еще пытаясь высвободиться из этой мертвой хватки **аркана**... [1. С. 174].

Аттрактор **разлука-боль** ассоциируется в повести с такими словами, как: **слезы, утратил, унес, осиротел, прощание**, например:

Он плакал от стыда и горя, он знал, что **утратил** счастье (разлука с женщиной), которое выдалось ему последний раз в жизни [1. С. 155].

Осиротел табун. Осиротела душа. **Унес** иноходец вместе с собой и ее. Все унес. И солнце не то, и небо не то, и сам вроде не тот... [1. С. 164].

Опять он вспомнил о той, к которой ездил на Гульсары. Был бы иноходец под рукой, сел бы и, крича от восторга и радости, явился бы к ней, как этот белый снег поутру... [1. С. 189].

Прощался Танабай с иноходцем говорил ему последние слова: «Ты был великим конем, Гульсары. Ты **уносишь** с собой лучшие годы мои, Гульсары [1. С. 248].

Потом вздохнул и сказал: Прощай, Гульсары! **Слезы** стекали по лицу, мочили бороду. Но он не утирал их. То были **слезы** по иноходцу [1. С. 255].

Таблица 2

Текстовое ассоциативное поле

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДИОГЛОССА						
конь		иноходец				
СЛОВА-АТТРАКТОРЫ						
бег	игра	женщина	неволя	разлука		
СЛОВА-АССОЦИАТЫ						
комета реактивный самолет полет	иноходь страсть огненный дух	время, как бег ино- ходца	аламан байге слава	руки глаза запах	аркан кишен укрук	слезы утратил унес осиротел прощание

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В художественном тексте ассоциации формируют образный смысл, раскрывают неповторимость образного видения художника слова, своеобразие его стиля. Проведенный анализ показывает, что этнокультурная идиоглосса «**конь-иноходец**» является ядром ассоциативного семантического поля в тексте, она выполняет основную роль в объективации мотива произведения.

Применение теоретических положений и методологических приемов построения и анализа ассоциативно текстового поля с центральной этнокультурной идиоглоссой «**конь-иноходец**» по повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» привело к реконструкции ряда микротекстовых ассоциативных полей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Айтматов Ч.Т. (1985). Повести. Рассказы. Публицистика [Aitmatov Ch.T. Tales. Stories. Reading]. М.: Правда.

- [2] *Гачев Г.Д.* (2002). Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия) [*Gachev G.D. National world views / Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzia / Space of Islam (intellectual journey)*]. М.: Издательский сервис.
- [3] *Гинзбург Е.Л.* (2000). Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста [*Ginsburg E.L. Idioglossa: the question of the context of expression*] // Сб. статей: Слово Достоевского / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН.
- [4] *Дрожащих Н.В.* (2009). Этнокультурные смыслы в языке и тексте [*Drozhaschikh N.V. Ethno-cultural senses in language and text*] // Вестник Тюменского гос. университета. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2009. № 1. С. 227—234.
- [5] *Караулов Ю.Н.* (2001). Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского [*Karaulov Yu.N. The concept of language and vocabulary idioglossy of Dostoevsky*] // Сб. статей: Слово Достоевского / Под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН.
- [6] *Караулов Ю.Н.* (2004). Ассоциативный анализ. Новый подход и интерпретации художественного текста [*Karaulov Yu.N. Associative analysis. A new approach and interpretation of a literary text*] // «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира». Коллективная монография. М.: Ин-т рус. яз. им. В. Виноградова РАН; М.: ЛЕКСПУС.
- [7] Словарь русского языка: в 4-х тт. (1981—1984). Т. 2: К—О [Dictionary of the Russian language: in 4 v. V. 2. K—O] // Ин-т русс. яз. АН СССР / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык.

**ASSOCIATIVE FIELD
OF ETHNO-CULTURAL IDIOGLOSSAS «HORSE-PACER»
IN THE STORY «FAREWELL, GULSARY!» BY CH. AITMATOV**

К.Е. Kasymalieva

Peoples' Friendship University of Russian
Miklukho-Maklay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
kaira_17@mail.ru

The central concept of the article is ethno cultural idioglossias “horse-pacer”, through which an attempt is being made to reconstruct the text of the associative field as part of the author's view of the world. The material is a reconstruction of the story of Chingiz Aitmatov “Farewell, Gulsary!”.

Key words: ethno-cultural idioglossia, the author’s view of the world, an associative text field.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БАСКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ю.В. Фернандес Санчес

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-а, Москва, Россия, 117187
yulia.tarasenkova@yandex.ru

В статье анализируются особенности языкового сознания, свойственные представителям баскской лингвокультуры, а также характеризуется их национально-культурная специфика. Современная антропоцентрическая ориентация лингвистики вызывает растущий интерес исследователей к изучению языка как ключа к этнической идентичности, а расширение межкультурных контактов в эпоху активной глобализации объясняют актуальность выбранной темы. Выявление специфических черт различных лингвокультур позволяет восполнить дефицит дидактического материала, необходимого для оптимизации кросс-культурного общения. Выбор в качестве объекта исследования баскской лингвокультуры предполагает большую практическую значимость, т.к. данный народ является одним из самых загадочных европейских этносов не только в антропологическом аспекте, но и лингвистическом. Происхождение баскского народа и их языка «эускера» остается по-прежнему одной из самых интригующих тем европейской лингвистики и этнологии и поэтому предполагает широкий спектр возможных исследований.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвистика, языковая картина мира, баски, эускера, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика, этническая идентичность

Понятие языковой картины мира как совокупности отраженных в языке знаний представителей конкретного этноса об окружающем их мире является одним из центральных в современном научном знании, в том числе в лингвистике, культурологии, этнологии и антропологии. Одним из первых, кто упомянул о наличии национального компонента в языке и мышлении, был В. фон Гумбольдт, который отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [2. С. 324]. Выдающийся лингвист-теоретик считал, что языку принадлежит ведущая роль «в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта» [Там же].

Само же понятие «языковая картина мира» вошло в терминологический аппарат благодаря немецкому языковеду Лео Вайсгерберу, который обозначил ее как фундаментальную принадлежность языка (однако на данном этапе инкорпорация языковой картины мира в язык осуществлялась лишь на уровне словарного состава языка). «В языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка», — отмечал он [5. С. 250].

Значительный вклад в изучение данной проблематики внесли Э. Сепир и его ученик Б. Уорф, которые заложили основы концепции лингвистической относительности. Сущность этой гипотезы состоит в том, что «мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому,

что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [6. С. 261]. Сепир и в дальнейшем Уорф обратили внимание на то, что видение окружающей действительности или картина мира не совпадает у разных народов. Согласно теории лингвистической относительности мы фрагментируем мир так, как нам подсказывает наш язык. Эта концепция была дополнена работами многих лингвистов, как, например, Д. Олфррда, Дж. Кэррола, Д. Хаймса и др.

На современном этапе развития науки тема взаимосвязи языка и менталитета получила отражение в многочисленных работах Анны Вежбицкой. Австралийский исследователь определяет языковую картину мира как «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире» [1. С. 35].

Эту точку зрения разделяет отечественный когнитолог В.А. Маслова, согласно которой «каждый язык имеет особую картину мира». «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка», — пишет исследователь [4].

Романист О.С. Чеснокова предлагает расценивать языковую картину мира как «один из семиотических кодов культуры» [8. С. 204], обращая внимание на то, что «в когнитивном плане языковая картина мира смыкается с менталитетом народа», но в словесном воплощении ее компоненты содержатся в единицах языка/речи [Там же. С. 33]. О.С. Чеснокова отмечает важность обращения к категории дискурса в рамках исследований данного лингвистического вопроса, так как видит в нем весомый «методологический принцип и инструмент реконструкции и интерпретации языковой картины мира» [Там же]. Нельзя не согласиться с рассуждением профессора Е.А. Красиной, которая пишет о значимости и масштабности этого явления следующее: «Дискурс одной своей стороной обращен к ментальной, сознательной деятельности... а с другой стороны, дискурс обращен к речевой деятельности, принадлежит ей, хотя бы потому, что манифестируется в текстах, обеспечивается актом высказывания, оформляется лексически и грамматически» [3. С. 6].

Обращение к современной речевой деятельности басков позволяет реконструировать языковую картину этого уникального и мало изученного этноса, проживающего на территории Испании и в то же время не имеющего ничего общего с испанцами в лингвистическом (если речь идет о национальном языке басков — эускера, а не официальном языке страны, на котором также говорят баски) и генетическом планах.

Баски — этнически самобытная народность, численность которых не превышает трех миллионов. Основная часть баскского народа проживает в Стране Басков — Автономном Сообществе на севере Испании. Примечательно, что в самом баскском языке, или *euskera* (диалектные варианты *euskara*, *eskuara* и *uskara*) нет слова «баск». Баски называют себя *euskaldunak* (буквально: «люди, разговари-

вающие на эускера»), а свою страну традиционно называют *Euskal Herria* («страна, где говорят на эускера») или используют неологизм *Euskadi*. Общество баскских исследований объясняет, что под термином *Euskal Herria* следует понимать «пространство или европейский культурный регион, расположенный по обе стороны Пиренейских гор и включающий в себя территории Испании и Франции. Таким образом, под терминами *Euskal Herria* или *Vasconia* подразумевается пространство, в котором баскская культура проявляется во всех ее аспектах» [13].

Эускера является самым ярко выраженным признаком культурной идентичности басков. Его лингвистическая феноменальность — гордость баскского народа, ведь их язык является единственным реликтовым языком, сохранившимся в юго-западной Европе с доримских времен [9]. Благодаря гористому рельефу римляне смогли проникнуть только в провинцию Алава, что позволило баскам избежать романизации и сохранить национальную самобытность. Эускера — «самое главное коллективное произведение баскского народа, в то время как баскский народ и его культура — самое главное детище эускера» [14. С. 198]. Как писал выдающийся писатель Виктор Гюго, «баскский язык — родина, почти религия» для басков [15].

Многочисленные исследования баскологов выявили возможные связи эускера с различными языковыми семьями, как, например, африканской (языки берберов, гуанчей, сомалийский язык и др.) и кавказской (армянский, грузинский языки), а также с мертвыми языками (иберийский). Филолог Хорхе Мария Рибера Менесес утверждает, что баски являются самым древним народом не только Испании, но и всего Европейского континента, а также считает баскский язык продуктом эволюции самого древнего языка, который в свое время был распространен на севере Пиренейского полуострова [18].

Если эускера является основной характерной чертой баскской национально-культурной идентичности, то *caserío* (касерио) есть не что иное, как главный элемент баскской материальной культуры.

Под 'касерио' следует понимать традиционный баскский каменный дом, расположенный в сельской местности, в котором на протяжении многих поколений проживала под одной крышей вся семья. 'Касерио' служило не только жилым помещением, раньше в нем располагались помещения для скота, цеха для различных ремесел и амбары. Для данного этноса 'касерио' является своего рода «ядром, вокруг которого вращается баскская сельская, а также городская культуры» [14. С. 144]. «Баскские дома больше, чем просто вещи... Они, подобно людям, наделены правами» [17]. Каждое 'касерио' наделено своим собственным именем.

Баскский традиционный дом вместе с прилегающими к нему землями был основным источником дохода для его владельцев, которые делали упор на выращивание сельскохозяйственных культур, животноводство, пастьбу, рубку дров и изготовление угля. Использование в баскском языке большого количества лексем для обозначения конкретного качества животного показывает, насколько важной является эта сфера для данного этноса. Например: «*ardi*» — овца, «*bildotx*» — барашек, «*ari*» — баран, «*zikiru*» — кастрированный баран, «*auntz*» — коза,

«*akerra*» — козел, «*segail*» — козленок, «*urde*» — кабан, боров, «*sedal*» — свинья, «*arkela*» — поросенок-самка, «*ordotx*» — поросенок-самец [12. С. 159]. Общеизвестно, что во многих языках концепт богатства и денег связан с концептом скота. Так, например, на латыни богатый — «*pecuniosus*», т.е. буквально «тот, кто владел скотом в избытке» («*pecus*» — скот). Аналогично в баскском языке богатый — «*aberatsa*» или «*aberatza*», в то время как «скот» на эускера «*abereak*».

На протяжении многих веков рубка дров являлась одной из основных баскских профессий. Для обозначения слова «дровосек» в баскском языке используются лексемы «*egurquin*», «*egurkin*», «*egurarki*», «*egurguille*». Примечательно, что, несмотря на то, что современные орудия труда дровосека делаются из дерева и железа, для номинации различных видов топоров употребляются слова с семей «*aitz*» — камень (*aizkor*, *haizkora*, *aixkora*, *haixkora*, *aizkura*).

Рубка на скорость стволов деревьев большим топором послужила основой для традиционного баскского вида спорта *aizkolariprobak*. Диаметр стволов, которые используются в соревновании, измеряются в дюймах: 36 дюймовые — *oinbetekoa*, 54 дюймовые — *kana-erdi*, 72 дюймовые — *oinbikoa* и 108 дюймовые — *kana*.

Среди других деревенских видов спорта, которые являются важными компонентами баскской языковой картины мира, можно отметить *segalariprobak* — покос травы, *harrijasotzaileprobak* — поднятие тяжелых камней, *gizonprobak* — перетаскивание тяжелых камней и др.

Суровые виды спорта басков вместе с их обычным стремлением продемонстрировать силу и ловкость сопряжены с азартностью этноса. Для басков делать ставки, играть в лотереи или заключать пари — это «*lege zaharra*» (старый закон) [запись информантов]. Так, например, раньше перед очередным состязанием можно было услышать: «ставлю 10 000 песет, что больше всех раз подниму камень весом в 100 килограмм за 2 минуты».

Сейчас делают ставки не участники состязаний, а зрители. Азартнее всего атмосфера наблюдается во время игры в пелоту, прообраз современного сквоша.

Воссоздавая языковую картину мира басков, мы не можем не упомянуть об их любви к гастрономии и кулинарному искусству. Для басков еда — одна из основных тем для беседы. В Стране Басков существует множество так называемых *txoko* («чоко») — закрытых гастрономических обществ, где собирались компании друзей (*cuadrillas*), чтобы вместе провести время за едой, пообщаться и спеть. Традиционные гастрономические сообщества были исключительно мужским досугом. «Я не знаю другого такого места в мире, где бы кухня почиталась как искусство и была бы такой доминантой в национальном сознании, как в Стране Басков», — пишет Тереса Барренечеа в эссе, посвященном баскской гастрономии [11].

Важной составляющей экономики и гастрономии Страны Басков является яблочный сидр, производство которого считается культурным вековым наследием и достопримечательностью. Во многих произведениях баскской литературы можно встретить упоминания о традиционном ресторане *sidreri* (*sidrería* o *sagardotegiak*) и ритуале наливания сидра в стакан *txotx*. Например: «Tenía que haber bebido antes un vaso de agua para quitarme la sed. ¡Seis euros dos tragos! ¡Hostia!

¡Txotx, porfavor! ¡Txotx!» («Надо было мне выпить стакан воды, чтобы утолить жажду. Целых 6 евро за каких-то 2 бокальчика вина. Черт побери! «Чоч», пожалуйста! «Чоч!» [16. С. 103]. Герой произведения ‘El camino de la osa’ жалуется на заоблачную цену напитков в баре, вспоминая сидрерию, где платишь только за еду и где под возглас ‘чоч’ наливают сколько хочешь сидра.

Все вышеупомянутые «пазлы», которые формируют единую баскскую языковую картину мира, опираются на фундаментальный концепт исключительности этноса. Будучи одним из самых загадочных народов современности, баски на протяжении столетий «впитывали иррациональную этническую мифологию собственной исключительности» [7], что породило стереотип об их чрезвычайном высокомерии. Баски гордятся тем, что отличаются от своих соседей не только языком и культурой, но и физиологически: около одной трети баскского населения является носителями отрицательного резус-фактора и более половины обладает первой группой крови. Баскский священник националистических взглядов Чомин Иакакортешарена считает эту особенность «сокровищем, данным Богом, которое отличает басков от всех остальных рас в мире» [10].

Итак, ключевыми словами и концептами баскской языковой картины мира можно признать следующие: «дом» ‘*caserío*’, связанные с ним сельскохозяйственные профессии (пастух — ‘*itzai*’, «*unai*», дровосек — «*egurquin*», «*egurkin*», «*egurarki*», «*egurquille*» и др.), а также сложившиеся в ходе деревенского образа жизни «спортивные игры» («*aizkolariprobak*» — рубка на скорость стволов деревьев, «*segalariprobak*» — покос травы, «*harrijasotzaileprobak*» — поднятие тяжелых камней, «*gizonprobak*» — перетаскивание тяжелых камней, *pelota* — пелота) вместе с азартными «ставками» — *apuestas*.

В реконструкции баскской языковой картины мира весомыми являются «гастрономические доминанты: «*txoco*» — гастрономическое общество, «*sidrería*» — типичный баскский ресторан сидрерия, «*sidra*» — сидр, «*txotx*» — «чоч», возглас при налипании сидра в стакан. Изученные нами концепты охватывают наиболее, на наш взгляд, релевантные стороны баскской лингвокультуры, взаимно связаны между собой и могут послужить основой для дальнейших исследований в этом направлении.

Резюмируя, также считаем важным подчеркнуть, что наше исследование в очередной раз показало, что изучение языковой картины мира дает уникальную возможность раскрыть особенности видения мира того или иного этноса. Реконструкция и интерпретация малоизученной баскской картины мира вносит вклад в развитие гуманитарного знания и обладает практической значимостью для успешной межкультурной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Вежбицкая А. (2000). Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека [Wierzbicka A. Language world picture as a special way of representation of the image of the world in human consciousness] // Вопросы языкознания. № 6. М.: Наука. С. 33—38.

- [2] Гумбольд В. фон. (1985). Язык и философия культуры [*W. von Humboldt. Language and philosophy of culture*]. М.: Прогресс.
- [3] Красина Е.А. (2004). К интерпретации понятия дискурс [*Krassina E.A. Interpretation of the concept of discourse*] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Москва. С. 5—9.
- [4] Маслова В.А. (2001). Лингвокультурология [*Maslova V.A. Linguoculturology*]. М.: Академия.
- [5] Радченко О.А. (1997). Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства [*Radchenko O.A. Language as a world-building. Linguistic and philosophical notion of neogumbolt tradition*]. Т. 1. Москва.
- [6] Сепир Э. (1993). Избранные труды по языкознанию и культурологии [*Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies*]. Москва. С. 259—265.
- [7] Хенкин С.М. (2010). Регионы как соперники государства: опыт Испании [*Henkin S.M. Regions as rivals of the state: the experience of Spain*] // Вестник МГИМО-Университета. М.: МГИМО- университет. № 6. С. 42—50.
- [8] Чеснокова О.С. (2012). Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование [*Chesnokova O.S. The Spanish language of Mexico: linguocultural study*]. Саарбрюкен: Palmarium.
- [9] Штыбин В. Баскская проблема теории происхождения уникального [*Shtyibin V. Basque problem of the theory of the origin of the unique*]. URL: <https://www.proza.ru/2009/06/14/581> (2009 г.).
- [10] Apaiza Iakakortexarena (1990). El Rh negativo de los vascos. Vitoria-Gasteiz: Gráficas Eset.
- [11] Barrenetxea T. (1998). The Basque Table. Passionate Home Cooking from One of Europe's Great Regional Cuisine. Boston: Harvard Commons Press.
- [12] Caro Baroja J. (2000). Los vascos. Madrid: Ediciones Istmo.
- [13] Euskal Komunitate Globalaren Sarea. Presentación General de Euskal Herria. URL: http://web.archive.org/web/20131107030307/http://www.euskosare.org/euskal_herria/aurkezpena_eh/presentacion_general_euskal_herria.
- [14] Gastibeltsa A., Hartzia I. (2004). Euskal Herria insólita: Una investigación patafísica de la cultura vasca para el siglo XXI. Donostia: Basandere Argitaletxea.
- [15] Hugo V. (1985). Los pirineos. Barcelona: J.J. Olañeta.
- [16] Muñoz J. (2008). El camino de la oca. Irun: Alberdania.
- [17] O'Shea H. (1897). La maison Basque. Baiona: Lampaignere.
- [18] Ribero-Meneses J.M. El verdadero origen de los Baskos: La primera humanidad. URL: <http://www.iberiacunadelahumanidad.net/tomoviii.htm>.

CULTURAL AND NATIONAL SPECIFICITY OF THE BASQUE LANGUAGE WORLD PICTURE

Y.V. Fernandez Sanchez

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
yulia.tarasenkova@yandex.ru

In the article we analyze the particularities of the language awareness proper to representatives of the Basque linguistic culture and try to characterize their cultural and national identity. The anthropocentric orientation of modern linguistics is of genuine interest for many researchers who investigate the

language as a key to the ethnic identity, meanwhile the expansion of intercultural contacts in an era of increasing globalization explain the relevance of the chosen theme. Identification of the specific features of different linguocultures allows us to make good the deficit of didactic material necessary to optimize cross-cultural communication. The investigation of the Basque linguistic culture assumes great practical importance, since this European ethnic group is one of the most mysterious one not only in the anthropological aspect, but also in the linguistic context. The origin of the Basque people and their language “euskera” still remains one of the most intriguing topics of European linguistics and ethnology, and therefore involves a wide range of possible future research.

Key words: linguoculture, linguistics, language world picture, the Basques, euskera, intercultural communication, cultural identity, ethnic identity

ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА: УЗБЕКСКАЯ МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ РЕЧЬ

М.Ч. Чутпулатов

Узбекский государственный университет мировых языков
ул. Кичик халка йули, Г-9а, 21-а, Ташкент, Узбекистан, 100138
muhammad.chutpulatov@gmail.com

В статье рассматривается проблема гендерной лингвистики в аспекте ее возникновения и формирования, прежде всего в англоязычной лингвистической литературе; производится обзор научной литературы, ее анализ и краткое описание; осуществляется анализ специфики гендерной речи на материале узбекского языка; предметом исследования выбрана узбекская речь мужа и жены, матери и сына, матери и дочери в виде кратких диалогов, а также материал из художественной литературы; доминантой специфики женской речи определяются стеснительность, вера в мужа, уменьшительно-ласкательность, уважительность, почтительность и др; мужская узбекская речь характеризуется некоторой категоричностью, краткостью в сочетании с уважением и внимательностью к собеседнику.

Ключевые слова: гендер, лингвистика, мужской, женский, узбекский язык, муж, жена, сын, дочь, уменьшительность, ласкательность, стеснительность, категоричность

ВВЕДЕНИЕ

Гендерная лингвистика в настоящее время является актуальным и интересным направлением в науке о языке. Исследования в области гендерной лингвистики осуществляются практически на материале всех современных письменных языков. В этом плане много работ, выполненных на английском, русском языках. В этих работах объектом и предметом исследования является материал не только английского и русского языков, но и многих других языков, но язык оформления работ, как правило, английский или русский.

В каждом языке есть общее и специфическое в использовании языковых средств мужской и женской части общества — носителя этого языка. Эта специфичность, с одной стороны, является общечеловеческой, а, с другой стороны, — национально-языковой. Именно вторая сторона и определяет гендерную специфику в речи мужской и женской половины носителей конкретного языка. Суть гендерной лингвистики — исследовать, описать монолингвально, сравнительно и сопоставительно (би- и полилингвально) гендерную речь как на материале близкородственных, так и на материале неродственных языков.

Ниже мы коротко остановимся на истории формирования гендерной лингвистики и проиллюстрируем на материале узбекского языка некоторые специфические черты мужской и женской речи в нем, которые дадут общее представление о гендерности в языке генетических узбефов.

ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

В конце 60-х и начале 70-х гг. XX в. в англоговорящих странах под влиянием «Нового женского движения» в языкознании резко возрос объем исследований по гендерной лингвистике и возникло феминистическое языкознание. В своей кни-

ге «Язык и положение женщин», посвященной гендерным исследованиям, Робин Лакофф обосновала новое направление в науке о языке [11].

Идея Р. Лакофф стали причиной появления многочисленных научных изысканий и дискуссий и создали возможность для предначертания конкретных практических задач. В качестве примера можно отметить, что такие исследователи, как Дюбуа и Крауч, особое внимание обращают на то, что в речи женщин доминирует использование утвердительно-вопросительных предложений. Д. Уэст и К. Циммерман рассматривают проблему о прерывании представителями обоих полов мысли друг друга в процессе беседы [15].

Споры и дискуссии в основном касаются двух постулатов, выдвигаемых Р. Лакофф: 1) мужчины и женщины обладают речью, которая имеет отличия, характерные для каждого из этих полов; 2) расхождение в речи мужчин и женщин является результатом доминирующей роли мужчин в обществе [11]. Этот признак считается также основанием данного несоответствия. С течением времени указанные два подхода формируются как самостоятельные направления и становятся причиной возникновения двух теорий, именуемых «доминированием» и «дифференциацией» (dominance and difference). Ученые, сторонники «доминирующего» подхода предполагают, что мужчины и женщины имеют разную речь вследствие влияния на язык отличий, присущих их взаимоотношениям [11].

По мнению Д. Тонненна, который вслед за Д. Молтуем и Р. Боркером придерживается доминантного подхода [12], предполагается, что мальчики и девочки взрослеют в условиях разных типов субкультур. В результате этого у них концентрируются такие формы общеязыковых взаимоотношений, т.е. способы обмена мыслью, которые проявляются в неодинаковой степени. Такой подход можно заметить в некоторых видах общественных наук, на которых, в первую очередь, оказывает сильное воздействие антропология. В целом, по мнению одного из видных представителей феминистического языкознания Д. Камерона, американская лингвистика является прежде всего не дочерью филологии, а младшей сестрой социологии [10].

По утверждению представителей «доминантного» подхода, расхождения между мужской и женской речью являются результатом, во-первых, превосходства мужчин в реальной жизни и, во-вторых, эти различия основываются на том, что в конкретной деятельности (жизни) женщины мужчина участвует как ее опора и защита. Среди исследований, выполненных в этом направлении, можно выделить известную книгу Д. Спендера «Мужчина создал язык» (“Man made language”) [13].

Данные направления имеют свои специфические особенности и органически связаны между собой и вследствие этого в полной мере разделять их друг от друга тоже не следует. Эту проблему всесторонне изучали Б. Торн, Ч. Кремер и Н. Хенли в своих статьях, посвященных взаимоотношению языка и гендера [14]. Редакторы сборников, в которых опубликованы статьи по данной проблеме, высказывают мнение, что исследователи прежде всего должны отбирать такие контексты, в которых содержатся те или иные расхождения. Иначе говоря, следует иметь в виду условия реализации беседы: кто в ней участвует, кто с кем общается,

где ведется беседа и каково состояние собеседников [14]. Изучение взаимоотношения языка и гендера на первый план выдвигает следующие вопросы: как ведут разговор мужчины и женщины, какими языковыми средствами пользуются и по какой причине их применяют.

Итак, человек — в языке, язык — в человеке. Все, что есть в человеке, в окружающей действительности отражается в лексике и в поговорках [3] и формируется в виде психообразов в сознании человека [4].

ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ УЗБЕКСКОЙ РЕЧИ

В.П. Белянин считает, что в настоящее время следует говорить не о гендерности, а о специфике речепроизводства мужчин и женщин. Эти два процесса по-разному реализуются в речи и речеповедении говорящих. Мужчины стремятся быть резкими и проявлять инициативу при беседе. Многие ученые утверждают, что мужчины выражают свои мысли короче, чем женщины. В мужской речи преобладают абстрактные существительные, а в женской — конкретные существительные. Мужчины чаще употребляют имена существительные и числительные, тогда как речь женщины насыщена глаголами [1].

В своей речи женщины больше внимания уделяют эмоционально-оценочной лексике, а мужчины пользуются стилистически нейтральной лексикой. Женщины прежде всего склонны к интенсификации положительной оценки. Применение мужчинами стилистически сниженной лексики способствует отрицательной оценке: они употребляют диалектизмы, а женская речь во многих случаях содержит стилистически окрашенную лексику. Одним из типичных свойств женской речи является выраженная гиперболизация посредством преимущественного использования слов типа «вой», «ай». [См.: 8; 9].

Говоря о синтаксических единицах, можно с уверенностью констатировать, что в узбекской речи мужчины часто применяют сложноподчиненные предложения, особенно с придаточными времени, места и цели, а женщины широко используют сложноподчиненные предложения с придаточными степени и сравнения. Например:

Накшларини кўнгилдагидай қилиб **чизмагунича**, накшлар орасида кўзга чалинар-чалинмас бир ерга “амали уста Фарход”, деб **ёзмагунича**, қўлидан бўёқ қалами тушмайди [2. С. 165]. ‘Пока не выведет узоры как следует, пока не напишет между ними незаметное “сделано мастером Фархадом”, он не выпустит из рук красильный карандаш’ [2. С. 165].

Сен халқ учун тоғ **қазийётганингда**, бизларни қўл қовиштириб ўтурибди деб ўйлаганмидинг? [2. С. 209]. ‘Когда ты ради народа копался в горах, разве думал, что мы сидели сложа руки?’ [2. С. 209].

Энди бостирмадан чиқиб **кегаётсам**, қатор-қатор хумларга кўзим тушди [7. С. 539]. ‘Как только вышел из крытого коридора, я увидел длинные ряды глиняных кувшинов’ [7. С. 539].

Тоғлар орасида Бобур “Бу китоб **битганда**, менинг умрим ҳам тугагай” дегани Хумоюннинг ёдига тушди [6. С. 92]. Хумоюн вспомнил в горах слова Бабура: «Когда завершу эту книгу, тогда и моя жизнь закончится» [6. С. 92].

Роман **чиккач**, уни уйимизда ҳар ким ўзича севиб ўқирди [5. С. 139]. ‘После того как роман вышел из печати, каждый читал дома его с особым изумлением’ [5. С. 139].

В речи у женщин-узбечек часто встречаются языковые средства с уменьшительно-ласкательным значением. Например:

Ўғригина болам, хой ўғригина болам, хойнаҳой бирор тирикликнинг кўйида томга чиққан кўринасан, ахир касбинг нозик, тумов-пумовингни ёзиб чиқсанг бўлмайдими, — дебдилар. **Хой, айланай**, ўғригина болам, бошимда шундай мусибат турганда кўзимга уйку келадими? [2. С. 165]. Она сказала: «Мой вороватый сынишка, вороватый сынишка, видимо ты залез на крышу, думая о каком-либо существе; ты же владеешь слишком деликатной профессией, поэтому тебе следовало вначале вылечиться от простуды. Эх, миленький, вороватый сынишка, как я могу уснуть, если у меня такое горе?» [2. С. 165].

Таким образом, узбекская мужская и женская речь имеет существенные различия. Мужчины и женщины используют одни и те же языковые единицы, но семантическая, стилистическая, формообразовательная палитра часто неодинаковые.

В мужской узбекской речи преобладает назидательность, некоторая категоричность в сочетании с мягкостью и вежливостью. Вторые компоненты выпукло вырисовываются в речи, обращенные к женщинам, детям (особенно к девочкам).

В женской узбекской речи доминирует мягкость, вежливость, подобострастие, ласковость, некоторая стеснительность и выражение верности в речи, обращенной к мужу и родственникам мужа, к детям и т.д.

Например, краткий диалог между мужем и женой.

— Хотин, болаларни чакир (Жена, позови детей).

— Додаси, болалар ҳали мактабда (Отец своих детей, дети еще в школе).

— Хотин, тез бўл. Мен шошилиб турубман. (Жена, заканчивай быстрее, я спешу).

— Додаси, чай тайёр. Уйга кирингиз (Отец своих детей, чай готов (т.е. еда).

Войдите в дом).

— Онаси, рахмат (Мать своих детей, спасибо).

Женская узбекская речь (взрослые женщины), обращенная к мальчику и девочке, имеют некоторые различия. По отношению к мальчику используются языковые единицы со стилистической окраской, способствующей формированию его как будущего мужчины, кормильца, который должен овладеть несколькими видами трудовой деятельности, необходимых для будущей жизни в семье.

♦ **краткий диалог, между матерью и сыном (мальчиком):**

— Болам, болажоним, тентак бўлма. Ишни яхши ишлагин. (Мой мальчик, моя душа, не будь бездельником (дурачком). Выполняй работу хорошо.

— Онажон, онажоним, хўп бўлади, яхши ишлайман. (Мама, мамочка, моя душа мамочка, конечно же, буду хорошо работать).

По отношению к девочке в женской узбекской речи доминируют языковые единицы, передающие значение того, что она будущая мать, что она колыбель семьи, что создание семьи — это серьезный труд, который продолжается всю жизнь. Стилистическая окраска всех этих выражений положительная, эмоциональная и экспрессивная, речь мягкая, ласкательная, но убедительная. В речь девочки обязательно учат вводить слова вежливости, благодарности, преданности буду-

щему мужу и семье. Даже названия блюд, которые девочка в будущем будет готовить, учат произносить ласкательно, трогательно с добавлением уменьшительно-ласкательных аффиксов или специальных слов.

◆ **краткий диалог, между матерью и дочерью (девочкой):**

— Қизим, гўзал қизим, қозонни тозалаб қўйгин. Жоним, бугун ўргансанг, эртага керак бўлади (Дочь моя, дочь моя красивая, котел чисто вымой. Душа моя, если сегодня научишься, то завтра (в будущей жизни) это тебе очень нужно будет).

— Ойи, ойижоним, қизингиз қозонни тозалаб ювади. Айтгансизку “Қозон тоза бўлса, уй тоза, қиз тоза” — деб. (Мама, моя душа, мамочка, Ваша дочь чисто вымоет котел. Ведь Вы учили, что если котел чистый, то дом чистый и дочь чистоплотная).

Приведенные выше образцы мужской и женской узбекской речи между мужем и женой, между матерью и сыном (мальчиком), между матерью и дочерью (девочкой) являются свойственными в основном для городского населения. В сельской местности гендерный фактор проявляется также прозрачно, но там часто присутствуют диалектные гендерные особенности узбекской речи, что нехарактерно городской мужской и женской речи, основанной на базе узбекского литературного языка.

В узбекской культуре принято считать, что у женщины свой особый язык, характерный только для них. Так, они в процессе общения нередко апеллируют примерами с языковыми единицами из жизненного опыта мужчины, мужа, соседей, передающими суть реальных событий. Вследствие своей застенчивости, стеснительности женщины-узбечки включаются в разговор с осторожностью. Очень часто они вступают в беседу, исходя из собственных переживаний и каждодневных жизненных событий.

Речь женщин-узбечек в разных речевых ситуациях неодинаковая. Так, в обществе, где присутствует мужчина, их речь очень собранная, непродолжительная, уважительная. В обществе, где одни женщины, их речь свободная, продолжительная. Темы диалога быстро меняющиеся. В этом случае используются языковые единицы, которые они никогда не произнесут в речевой ситуации, где присутствуют мужчины. В чисто женском обществе женская речь сопровождается смехом, частой мимикой, жестами, но, при этом женская речь четко соблюдает возрастную и родственную иерархию, что является одной из основ особенностей гендерной речи не только узбечек, но и многих других народов мира, но прежде всего восточных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гендерные различия в речи мужчин и женщин присутствовали во все времена. Религия внесла свои коррективы на дифференциацию мужской и женской речи. Так, согласно канонам ислама (да и христианства), женская речь не могла быть доминантной, а часто даже равнозначной с мужской в решении серьезных социальных, государственных и других проблем. Так, женская узбекская речь до 1917 г., когда женщина была под паранджой, и женская узбекская речь в период советской власти и в настоящее имеет серьезные различия как в лексическом, так

и в морально-этическом и других аспектах. Современная речь узбекской женщины свободная, полипроблемная, семантически и стилистически насыщенная, в которой просматривается сочетание образованности и национально-языковых традиций, сформированных в процессе историко-культурного развития узбекского общества в целом. Такое явление выдвигает на передний план гендерного изучения мужской и женской речи такую проблему, как изучение эволюции мужской и женской узбекской речи в историческом срезе, что имеет большое теоретическое и практическое значение для выяснения истоков формирования таких качеств женской речи, как стеснительность, ласкательность, сдержанность, эмоциональность, и мужской речи — некоторая категоричность, краткость, уважительность и т.п.

Современные гендерные различия в речи мужчин и женщин генетических носителей узбекского языка четко проявляются во всех их возрастных периодах. Разница заключается в том, что в зависимости от возраста эти гендерные различия имеют свои особенности: мальчик и девочка; джигит и девушка; молодой мужчина и молодая женщина; муж и жена; пожилой мужчина и пожилая женщина; старик и старушка; отец и мать; дедушка и бабушка; родной дядя и родная тетя; и т.д. В каждом из этих возрастных периодах и родственных отношениях в речи мужской и женской половины узбекского общества наблюдаются возрастные, родственные и др. особенности, которые присутствуют в их сознании, во внутреннем и внешнем их поведении, что выражается в речи и характеризует внутригендерные особенности узбекской звучащей и письменной речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Белянин В. П.* (2004). Психолингвистика [*Belyanin V.P. Psycholinguistics*]. 2-е изд. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт,
- [2] *Фулом Ф.* (1988). Таржималар [In Uzbek language]. Тошкент: «Фан».
- [3] *Джусупов М.* и др. (2013). Специальная лексика и пословицы (лингвоконтрастивные и методические аспекты) [*Dzhusupov M. et al. Special lexis and proverbs (linguo-contrastive and methodical aspects)*]. Ташкент, «MERIYUS».
- [4] *Джусупов М.* (2001). Социолингвистический аспект теории психофонем И.А.Бодуэна де Куртене [*Dzhusupov M. Socio-linguistic aspect of the psycho-phonemic theory of I.A. Baudouin de Courtenay*] // Қазақстан жоғары мектебі (Высшая школа Казахстана), Алматы, 2001. № 4 и 5. С. 62—69.
- [5] *Қодирий Х.* (1983). Отам хақида [In Uzbek language]. Тошкент: «Ғафур Фулом номидаги Адабиёт ва санъат».
- [6] *Қодиров П.* (2012). Юлдузли тунлар [In Uzbek language]. Тошкент: «Шарк».
- [7] *Ҳошимов Ў.* (2012). Икки эшик ораси [In Uzbek language]. Тошкент: «Шарк».
- [8] *Тухтасинов И.М.* (2011). Лингвокультурологические и гендерные особенности сложных слов в художественном тексте (на материале английского и узбекского языков) [*Tukhtasinov I.M. Linguo-cultural and gender specifics of compound words in literary texts (the case study of English and Uzbek)*]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент.
- [9] *Эргашева Г.* (2011). Инглиз ва ўзбек тиллари фразеологизм паремияларида гендер аспектининг қиёсий-типологик тадқиқи [In Uzbek language]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент.
- [10] *Cameron D.* (1985). *Feminism and linguistic theory*. London.
- [11] *Lakoff R.* (1975). *Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row.

- [12] *Malts D.N. & Broker R.A.* (1982). A cultural approach to male and female miscommunication. In J.J. Gumperz (Ed.), *Language and social identity* (p. 196—216). Cambridge: Cambridge University Press.
- [13] *Spender M.* *Man made language*. Routledge and Kegan Paul. London, 1985. D. Tannen. *You just don't understand*. New York: Ballantine, 1990.
- [14] *Thorne B., Kramarae Ch., Henley N.* (1992). *Constructing and reconstructing gender*, NY.
- [15] *West C. and Zimmerman D.H.* (1985). *Gender. language and discourse/handbook of discourse analysis*. Vol. 4. P. 103—124.

GENDER LINGUISTICS: UZBEK MALE AND FEMALE SPEECH

M.Ch. Chutpulatov

Uzbek State University of World Languages
Kichik halka juli street, G-9a, 21-a, Tashkent, Uzbekistan, 100138
muhammad.chutpulatov@gmail.com

This article discusses the problem of gender linguistics in the aspect of its origin and formation, first of all, in English-speaking linguistic literature; a review of scientific literature, its analysis and concise description will be given; specific features of gender speech on the material of the Uzbek language will be analyzed, a speech of husband and wife, mother and son, mother and daughter in the form of short dialogues in Uzbek as well as the material from fiction will serve as the subject of the research; the dominant feature of female speech is characterized with shyness, loyalty to the husband, affectionate-diminutiveness, respectfulness, deference etc; male Uzbek speech is characterized with certain categoricalness, brevity, respect and attention in talking with others.

Key words: gender, linguistics, male, female, Uzbek, husband, wife, son, daughter, affectionate, diminutiveness, shyness, categoricalness

ТИПЫ ДИСКУРСА И ИХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

УДК 81-13:32.019.51(470)

АНАЛИЗ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ САЙТА МИД РФ МЕТОДОМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА (статья 1)

М.В. Беляков

Московский государственный институт международных отношений (У)
пр-т Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
belmax007@hotmail.com

Современное мировое информационное пространство характеризуется непрекращающимися информационными и гибридными войнами. Извлечение данных из информационного потока превратилось из желаемой в необходимую задачу. В статье рассматриваются формальные методы анализа текстовой информации и проводится анализ новостных сообщений сайта МИД России методом автоматизированного контент-анализа программой QDA Miner. Официальный сайт практически невозможно ориентировать на определенную категорию адресата по возрастному, гендерному, статусному и прочим признакам. Контент-анализ позволяет определить, как содержание сообщения влияет на аудиторию, и количественно описать содержание коммуникации, а также снижает вероятность субъективности при интерпретации текста. Проведенный анализ показал частоту распределения данных по выделенным рубрикам.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, сайт, контент-анализ, МИД РФ, поликодовый

ВВЕДЕНИЕ

Современные технологии постоянно создают новые возможности для исследования различных областей науки и разных сфер деятельности человека. Это касается и анализа текстов. Помимо собственно текстологического анализа, дискурс-анализа и других общепринятых методов анализа текста широко распространены и формальные методы анализа текста. Эти методы позволяют решать самые разные задачи, которые ставит перед собой исследователь. Разнообразие методов анализа текста позволяет изучать любые текстовые массивы, содержащие в себе информацию разных тематик, и любые типы текста, включая тексты поликодовые. Это могут быть произведения классической литературы, религиозные тексты, рекламные сообщения, новостные статьи. Новостные статьи вызывают особый

интерес, поскольку международные отношения и внешнеполитическая позиция государства играют в эпоху информационных и гибридных войн особую роль. Точка зрения государства на складывающуюся в мире непростую ситуацию и отражение усилий, предпринимаемых дипломатическими ведомствами на внешней арене, представлены в информационных материалах, опубликованных на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

На сегодняшний день существует немало методов, позволяющих осуществлять автоматизированный анализ текста. Систематизация наиболее популярных методов дает следующую классификацию:

◆ По выполняемым функциям:

1. Методы, предполагающие импорт текста и дальнейшую работу с ним.
2. Методы исследования текста, где работа ведется на синтаксическом и грамматическом уровнях, например, поиск слов в тексте.
3. Методы, ориентированные на семантический анализ, где в процессе анализа создаются списки категорий, словари и т.д.
4. Методы, предполагающие экспорт полученных в результате исследования данных.

◆ По объекту анализа:

1. Методы, ориентированные на язык:
  - лингвистические методы;
  - методы работы с данными.
2. Методы, ориентированные на «контент»:
  - качественные методы;
  - количественные методы (категориальные и некатегориальные системы).

Среди современных методов анализа текста и дискурса выделяются:

1. Интент-анализ, который делает возможной реконструкцию интенций, то есть направленность автора на тот или иной объект. Для интент-анализа могут применяться такие прикладные пакеты, как Ethnograph, Leximancer, Minnesota-ContextualContentAnalysis.

2. Контент-анализ дает возможность провести качественный или количественный анализ содержания текстового массива. В результате необходимо получить интерпретацию выявленных закономерностей. Для контент-анализа могут применяться следующие прикладные пакеты: CrawdadDesktop, INTEXT, QDAMiner, Yoshicoder.

3. Фоносемантический анализ позволяет анализировать текст только на фонетическом и семантическом уровнях, безотносительно содержания текста. Возможно использование таких программ, как DIATON и Vaal.

4. Дискурс-анализ представляет собой совокупность техник и методик интерпретации текстов и высказываний. Для проведения дискурс-анализа используется, в частности, программа CATRAS.

5. Нарративный анализ соотносит последовательность слов в предложениях, составленных на основе некоторого языкового опыта, с реально существующими в текстах. При нарративном анализе применяют такие программы, как LIWC и PC-ACE.

6. Экспертная атрибутивная оценка текста представляет собой анализ текста с целью выявления некоторой информации о его авторе (где, когда и кем был написан текст, как автор относится к написанному и т.д.). Такими программами являются ЛингвоАнализатор, Атрибутор и др.

7. Морфологический автоматический анализ предполагает исследование всех возможных морфологических интерпретаций каждого слова в тексте. Возможно использование следующих методик: ATLAS. ti, TextArc, Textanz.

8. Семантический автоматический анализ позволяет выявить семантическую структуру предложений и значения реализованной в тексте полисемии. Это можно осуществить при помощи таких программ, как TextAnalyst 2.0, и разнообразных конкордансеров.

9. Синтаксический автоматический анализ сопоставляет линейные последовательности лексем языка с его грамматикой. Применяют методики ProfilerPlus, DictaScore и другие [5. С. 29—38].

УРОВНИ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Количественный контент-анализ, представляющий особый интерес для данного исследования, — это квантитативный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. В более узком смысле контент-анализ — методика, позволяющая выявлять частоты появления в тексте определенных характеристик, которые интересуют исследователя и которые позволяют ему делать выводы относительно намерений создателя данного текста или вероятных реакций адресата [4. С. 25]. На сегодняшний день это один из наиболее распространенных количественных методов анализа текста в лингвистике. Изначально под контент-анализом понимался подсчет элементов текста, их дальнейшая систематизация и категоризация с целью последующего выявления основных тенденций (тем, настроений) в тексте. Основная идея контент-анализа состояла в том, чтобы проверить, насколько мнение человека, анализирующего текст на основе своих собственных ощущений относительно прочитанного, соответствует данным об этом тексте, подкрепленным статистически. Пик развития контент-анализа пришелся на первую половину XX в. Связано это было с развитием средств массовой информации. Многие читатели газет замечали, что некоторые темы поднимаются редакторами особенно часто, в то время как другие темы остаются «в тени». Каждое издание, в том числе относящееся и к интернет-ресурсам, определяет спектр этих тем для себя сам. С помощью контент-анализа можно также определить не только кто и что сказал, но еще и с каким эффектом. Эта модель Гарольда Д. Лассуэла [3] легла в основу контент-анализа. Сам он подчеркивал ценность этого вида анализа текстов для политического дискурса.

Контент-анализ можно проводить на разных уровнях текста. Выделяется шесть таких уровней.

1. Синтаксический уровень, где анализируются буквы, слова, слоги или предложения.

2. Семантико-синтаксический уровень, где изучают, как синтаксические структуры могут повлиять на значение.

3. Семантический уровень, где происходит анализ значений слов, словосочетаний и предложений.

4. Прагматико-синтаксический уровень, где анализируются связи синтаксиса и эффекта текста.

5. Семантико-прагматический уровень, где соотносят эффект текста с конкретными его единицами.

6. Прагматический уровень, где ищут структуры, влияющие на восприятие текста, например риторические вопросы [6. С. 93].

Различают традиционный и интерпретативный контент-анализ. Первым их разделил Аарон Ахувиа [1. С. 139—172]. При традиционном контент-анализе текст кодируют несколько кодировщиков по определенным правилам, и затем его интерпретируют. При интерпретативном контент-анализе всю работу выполняет один кодировщик. В этом виде анализа не создается никаких правил кодирования. Предполагается, что кодировщик достаточно компетентен в тематике анализируемых данных и разбирается в тонкостях их значений. В традиционном контент-анализе встает проблема бесконечности контекстов.

Теоретически возможно создать систему правил, по которым одни и те же единицы текста в разных контекстах кодируются по-разному. С другой стороны, количество контекстов может быть не ограничено, и на практике создать подобные правила становится невозможным, поэтому и предлагается интерпретативный контент-анализ. Этот вид контент-анализа имеет свои недостатки. При нем сложно определить степень объективности анализа. Если при традиционном контент-анализе одни и те же тексты кодируются разными кодировщиками, и правильным признается мнение большинства, то при интерпретативном кодировании степень объективности проведенной работы определяет сам автор. Основное отличие интерпретативного контент-анализа от традиционного состоит в способе кодирования и в том, как оценивается качество кодирования. Таким образом, интерпретативный контент-анализ лучше учитывает контекст, так как он не ограничен никакими правилами кодирования.

Сам метод и цели метода менялись на протяжении времени. Тем не менее, некоторые из них остаются актуальными по сей день. Во-первых, контент-анализ проводят, чтобы определить, как содержание сообщения влияет на аудиторию. Во-вторых, его используют для того, чтобы количественно описать содержание коммуникации. В то же время следует заметить, что контент-анализ, и количественный, и качественный, снижает вероятность субъективности при интерпретации текста.

ПРОЦЕДУРА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Процедура проведения контент-анализа включает в себя несколько стадий: определяется цель исследования, его задачи и тема исследования. На этой основе формируется выборка. Следует понимать, что не всегда удастся собрать и проанализировать весь материал по той или иной проблеме. Поэтому исследователи прибегают к частичной выборке или выборке, формируемой по вероятностному принципу. Процесс отбора выполняется в несколько этапов — выбирается отправитель; происходит отбор непосредственно документов для анализа; происходит отбор подмножества документов. [2. С. 601]. Процесс категоризации и кодирования занимает ключевое место при проведении контент-анализа. Категоризация — это процесс и результат распределения некоторого числа элементов по категориям. В свою очередь, категория — это множество слов, объединенных по некоторому признаку.

При проведении контент-анализа необходимо корректно составить систему категорий, для чего применяются программы кодирования и декодирования текста, такие как QDAMiner, WordStat, NVivo и другие. Каждую категорию рекомендуется иллюстрировать примерами, чтобы в дальнейшем кодировщику было проще определить, подходит ли та или иная единица под данную категорию. В случае если во время кодирования обнаруживаются новые категории, следует перекодировать весь материал, опираясь уже на новый список категорий.

Существуют перечни типов категорий, на которые исследователь может опираться при выделении категорий. Один из таких перечней был составлен Оле Холсти [2]. Он предлагал выделять тему, которой посвящен текст; ценности, т.е. установки и желания, выраженные в тексте; средства, используемые для достижения цели, и т.п. Выделенные категории должны покрывать полностью весь текст. Интерпретация полученных результатов должна соответствовать тем задачам, которые исследователь ставил изначально.

Интерес к исследованию сложного взаимодействия элементов в рамках мультисемиотических структур, таких как поликодовые тексты в самом широком понимании этого слова, в последнее время подпитывается интенсивным развитием интернет-культуры. За последние тридцать лет активного развития интернет-среды сложилась не существовавшая до этого времени система опосредованной коммуникации, предлагающая собственные правила в рамках существующей мультикультурной среды. В этой среде присутствует своя система ценностей, знаковых систем, символов и смыслов, эстетических норм, уже сложившихся традиций. Одной из множества составляющих интернет-среды, где реализуются эти понятия, является веб-сайт, т.е. место в Интернете, имеющее свой адрес (URL) и владельца, состоящее из веб-страниц, воспринимающихся как одно целое. В настоящее время наличие собственного веб-сайта считается необходимой составляющей существования любой организации, в том числе и государственной, такой как, например, МИД РФ.

Теперь уже трудно представить себе сайт, оформленный в виде *plain text*, т.е. представленный только в виде гомогенного вербального компонента. Все современные сайты, включая и официальные, стремятся к негомогенности, поликодовости, мультисемиотичности, мультимодальности.

ПОЛИКОДОВОСТЬ ТЕКСТА

Поликодовый текст — это сочетание элементов естественного языка с кодами других семиотических систем в рамках одного текста. Фактура таких текстов состоит из двух негомогенных частей: вербальной — языковой/речевой и невербальной, принадлежащей к иным знаковым системам, отличным от естественного языка.

Исследователи выделяют три разновидности нелинейного текста: монокодовый, дикодовый и поликодовый текст:

<i>Монокодовый текст</i>	<i>Поликодовый текст</i>
Каналы воздействия на адресата	
Воздействует на один канал восприятия (аудиальный — если текст устный, или визуальный — если текст письменный)	Воздействует на несколько каналов восприятия информации (аудиальный + визуальный)
Способы кодирования информации	
Использует только один семиотический код — вербальный, иконический или звуковой	Использует несколько семиотических кодов одновременно: вербальный, иконический, звуковой

Поликодовые тексты Интернета могут быть как с нулевой, так и ненулевой гетерогенностью: статичными (информационный текстовый блок) или динамичными (баннерная реклама); двумерными; устными (с озвученной анимацией или элементами звукового видео) и письменными; включающими графические знаки нескольких естественных языков, а также использующими разнообразные варианты шрифтов, цвета и графики.

Считается, что на уровне глубинной семантики не существует принципиальной разницы между значением вербальных и невербальных знаков, тем не менее специальные исследования показывают, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному. При этом вербально представленная информация влияет на сознание рациональным путем, а использование иных, паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень. Изображение, в отличие от слова, вербализующего позицию автора, принимается в качестве объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с установкой адресанта, а кажется более демократичным.

Такие конструктивные признаки, как цельность и связность в поликодовом тексте, являются результатом взаимодействия вербального, иконического и в ряде случаев аудио- и визуального компонентов. Изображение и слово при этом не являются простой суммой знаков, их значения интегрируются и образуют сложное смысловое единство. При этом уровень интеграции может быть различным: полным или частичным. В текстах с полной креолизацией, где под креолизацией мы понимаем процесс дополнения вербальных интернет-текстов рисунками, звуком, анимацией, гипертекстовыми ссылками и пр., наблюдается логическое соединение всех компонентов. Если подобного не происходит, наступает коммуникативная неудача.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ

Примером поликодового текста в электронных СМИ можно считать официальный сайт любой организации, включая организации столь высокого уровня ответственности, как МИД России. Выбранный для анализа сайт является официальным сайтом Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сайт содержит в себе информацию о работе министерства и его текущей деятельности, отчеты о прошедших дипломатических встречах, переговорах, брифингах. На нем также публикуются комментарии представителей министерства по актуальным проблемам, обзоры обращений граждан и др. По структуре этот сайт является поликодовым.

Официальные (государственные) сайты обладают рядом особенностей, отличающих их от коммерческих сайтов, сайтов-визиток и пр. на уровне целей сайта, подачи информации, восприятия информации и пр. Официальный сайт практически невозможно ориентировать на определенную категорию адресата по возрастному, гендерному, статусному и прочим признакам. Такие сайты рассчитаны, как правило, на широкий круг адресатов. В то же время адресат, как правило, представляет собой конкретную личность, т.е. индивидуален.

При этом адресант — некая обобщенно-личная государственная структура, задачей которой является формирование образа легитимного, объективного, взвешенного проведения государственной политики, в рассматриваемом нами примере — внешней. Для официальных российских сайтов, таких как kremlin.ru, mvd.ru, nalog.ru, mid.ru, характерен способ умеренной креолизации сайта.

Как упоминалось выше, анализ текстов сайта МИД РФ проводился методом количественного контент-анализа. Материалом для исследования послужили новостные сообщения сайта. В выборку вошли все статьи, опубликованные на сайте в разделе «Новости» с 1 февраля по 28 февраля 2015 г., т.е. за один календарный месяц. Всего анализу подверглось 190 статей. Для проведения контент-анализа использовалась программа QDA Miner — компьютерная программа, используемая как инструмент проведения качественных исследований. Программа позволяет кодировать и анализировать текстовые документы, а также визуальную информацию. QDA Miner используют для анализа интервью, речей политиков, официальных документов, газет и журналов, текстов книг, картин, фотографий и так далее.

В пакет также входят дополнительные приложения:

— WordStat позволяет производить контент-анализ и глубинный анализ текста. С помощью него можно производить анализ слов и фраз, содержащихся в различных документах или сегментах текста. WordStat проводит описательный анализ и устанавливает взаимосвязи между словами;

— Simstat — это модуль, который позволяет анализировать количественные данные, проводить буквенно-цифровые вычисления, перекодирования переменных.

При работе с программой можно использовать следующие инструменты:

— “Text Retrieval” проводит поиск текстовых единиц в документе;

— “Section Retrieval” позволяет найти сегменты документа, ограниченного определенными характеристиками. Функция используется для автоматического приписывания кодов;

— “Keyword Retrieval” позволяет осуществлять информационный поиск по ключевым словам;

— “Coding Frequencies” позволяет составить список кодов и описать их статистически “Coding Retrieval” составляет список из всех текстовых сегментов и связывает их с заданными кодами;

— “Codes Co-occurrences” определяет, насколько близки те или иные коды в тексте;

“Codes Sequences” выявляет повторяющиеся последовательности кодов.

Работа велась с файлами формата txt, которые импортировались в программу для дальнейшего анализа. За единицу анализа было принято одно сообщение.

В ходе анализа было выявлено, что по формату подачи информации сообщения разделяются на 10 типов:

- о прошедших переговорах,
- интервью,
- комментарий,
- поздравление,
- ответ,
- вступительное слово,
- заявление,
- сообщение для СМИ,
- брифинг,
- выступление.

Наиболее популярным форматом в исследуемом массиве оказались сообщения о прошедших переговорах. Сообщения этого типа встретились в статьях 85 раз и составили 44,7% от всего массива. Вторым по популярности стал формат комментария. Сообщения этого типа встретились в статьях 34 раза и по встречаемости составили 17,9% от всего массива. Сообщения типа выступления встретились в массиве 13 раз и составили 6,8% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «Сообщение для СМИ» встретились в массиве 9 раз и составили 4,7% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «заявление» встретились в массиве 8 раз и составили 4,2% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «интервью» встретились в массиве 7 раз и составили 3,7% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «ответ» встретились в массиве также 7 раз и составили 3,7% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «брифинг» встретились в массиве 4 раза и составили 2,1% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «вступительное слово» встретились в массиве 3 раза и составили 1,6% по встречаемости в тексте. Сообщения типа «поздравление» встретились в массиве 2 раза и составили 1% по встречаемости в тексте (рис. 1).

При обработке отобранного материала сообщения были сгруппированы по неделе, чтобы проследить, как менялась тема текстов каждую неделю в течение месяца.

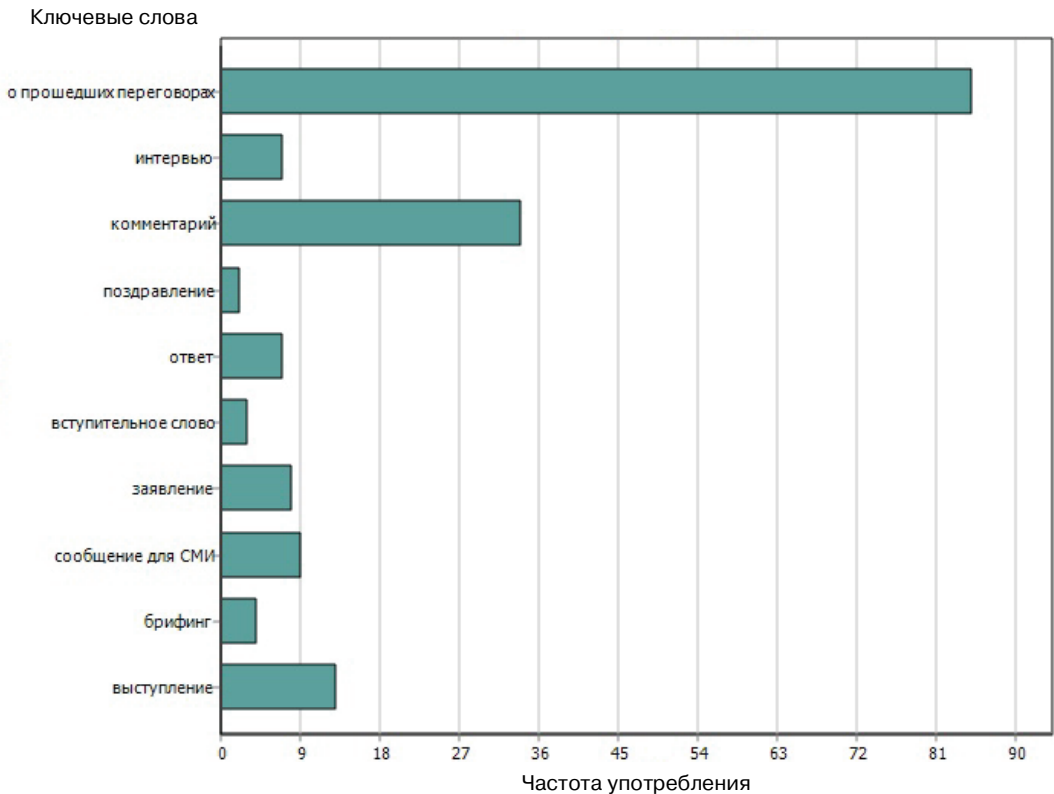

Рис. 1. Распределение ключевых слов по частоте употребления в разных типах сообщений

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях официальный сайт, в нашем случае это сайт внешнеполитического ведомства, нельзя оценивать лишь как информационное отражение деятельности государства, его следует воспринимать как мощный инструмент формирования мнения не только отдельных личностей, но и всего общества в целом, что отражается в частоте вербальных показателей, характеризующих затрагиваемые темы. Этому также активно способствует поликодовая структура официальных сайтов. Получить резюмирующие результаты, с минимальной субъективностью показывающие реальное отражение существующей в мире внешнеполитической ситуации и реакции государства на нее, позволяют компьютерные системы извлечения данных из текста и контент-анализа, такие как *Crawdad Desktop*, *INTEXT*, *QDA Miner*, *Yoshicoder*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ahuvia A.* Traditional, Interpretive, and Reception Based Content Analyses: Improving the Ability of Content Analysis to Address Issues of Pragmatic and Theoretical Concern // *Social Indicators Research* 54(2). P. 139—172. URL: <http://hdl.handle.net/2027.42/43696>.
- [2] *Holsti O.* (1969). *Content analysis for the social sciences and humanities*. Reading, mass etc.
- [3] *Lasswell H.* (1967). *The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change* // *Science and Culture*. Vol. 33. No 4.

- [4] *Максименко О.И.* (2013). *Формализованная лингвистика [Maksimenko O.I. Formalized linguistics]*. Москва: изд-во МГОУ.
- [5] *Митина О.В., Евдокименко А.С.* (2014). *Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация [Mitina O.V., Evdokimenko A.S. Methods of text analysis: methodological fundamentals and programme realization]* // *Вестник ЮУГУ. Серия Психология.* № 40 (216). С. 29—38.
- [6] *Тичер С., Веттер Е., Водак Р., Мейер М.* (2009). *Методы анализа текста и дискурса [Titscher S., Vetter E., Wodak R., Meyer M. Methods of text and discourse analysis]* / пер. с англ. / под ред. А.А. Киселевой. Харьков: изд-во Гуманитарный центр.

**THE ANALYSIS OF NEWS MESSAGES OF THE SITE
OF THE RUSSIAN FEDERATION MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
APPLYING CONTENT-ANALYSIS**

(Article 1)

M.V. Belyakov

Moscow state institute of international relations
(MGIMO-University), RF Ministry of Foreign Affairs
Vernadskogo ave., 76, Moscow, Russia, 119454
belmax007@hotmail.com

Modern global information space is characterized by incessant information and hybrid wars. Data mining from an information stream has turned from desirable in a necessary task. The article is devoted to the consideration of formal methods of the text information analysis and the quantitative analysis of information of a website of the Ministry of Foreign Affairs of Russia carried out by QDA Miner computer program. The official website cannot be focused on the certain category of the addressee on age, gender, status and the other attributes. The content-analysis allows determining how the content of messages influences an audience and quantitatively describes the contents of the communications, reduces probability of subjectivity of the text interpretation. The carried out analysis has shown the frequency of distribution of the data of the allocated rubrics.

Key words: diplomatic discourse, site, content-analysis, MID RF, polycode

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ—ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

А.А. Мурадян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
ayarpi.muradyan@gmail.com

В статье рассматривается политический дискурс на примере анализа выступления известного политического деятеля с целью дальнейшего построения схематической модели, в которой могут быть отражены ключевые характеристики данного выступления в рамках оппозиции «свой—чужой». В статье также приводится краткий обзор дискурса в общем, а также выявляется роль полученных результатов для его дальнейшего изучения.

Ключевые слова: модель, политический дискурс, оппозиция

ВВЕДЕНИЕ

XXI век ознаменовал начало новой эпохи. Этот период жизни человечества связан с развитием высоких технологий, улучшением качества жизни и другими позитивными составляющими. Однако вместе с развитием этих отраслей совершенствуются и другие стороны жизни человека, которые несут в себе потенциальную угрозу всему живому.

Это эпоха «холодной» войны, в которой главным оружием является слово. Политики разных стран пытаются переманить на свою сторону электорат, преследуя различные цели. Люди же пытаются отделить правду от лжи. Парадокс нашего тысячелетия состоит в том, что мы имеем немислимый доступ к информации различного уровня, однако истина, кажется, ускользает от нас с невероятной скоростью, скрываясь за все большим количеством замков и засовов.

ДИСКУРС И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Дискурс одновременно обращен к ментальной и речевой деятельности. Это обуславливает его существенную роль в процессе реконструкции и интерпретации языковой картины мира на основе данных языка, речи и мышления [6; 7], а одним из ключевых аспектов изучения становится его прагматическая составляющая. Однако одностороннее рассмотрение его не является возможным, и здесь следует вспомнить об огромной роли «текста» в проведении лингвистической исследовательской работы. По утверждению М.М. Бахтина, «...становление лингвистики текста в качестве отдельной отрасли филологии отражает весь ход развития современной лингвистической науки. Текст есть первичная данность всего гуманитарно-философского мышления и является той непосредственной деятельностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины» [2].

Именно тогда, когда лингвистики текста стало недостаточно для объяснения всего спектра происходящих в языке процессов, появилось новое явление — «дис-

курс». Появившийся в 60-е гг. XX в. в рамках французской школы, он до сих пор остается в свете софитов лингвистической науки, притягивая к себе внимание представителей и других дисциплин.

Политический дискурс, наверное, является одним из самых обсуждаемых видов дискурса на сегодняшний день. По утверждению Р. Барта, «власть... гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» [1]. Однако наиболее ярко проявление власти естественным образом можно проследить именно в исследуемом в нынешней работе виде дискурса. Отметим также, что в данном случае «власть следует определять не как власть индивида, но как власть социальной позиции и как составную часть власти организации» [4].

Власть — неотъемлемая часть не только непосредственно политической парадигмы, на сегодняшний день она является доминантной характеристикой межличностных отношений на любом уровне: так или иначе каждый стремится продемонстрировать силу, дабы занять определенную позицию на карьерной лестнице, в отношениях друг с другом. Но интересно то, что, как правило, борьба за власть происходит зачастую в скрытой форме, что опять же выходит на первый план, особенно в случае с политическим дискурсом. Решения на высшем уровне принимаются при помощи длительных переговоров, обсуждений и форумов. Основной задачей же является всегда мирное урегулирование конфликтов.

Напомним, что в широком смысле сам дискурс трактуется по-разному. Так, например, известный французский лингвист Э. Бенвенист в одной из глав своей «Общей лингвистики», которая называется «О субъективности в языке», говорит, что дискурс — «речь, которая есть язык, присваиваемый говорящим человеком» [3]. В то же время голландский лингвист Тен ван Дейк называет дискурсом «комплексное коммуникативное событие», включающее сам коммуникативный акт, говорящего, слушающего и их воздействие друг на друга [4].

ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Перейдем к анализу выступления российского лидера Владимира Путина на юбилейной 70-й сессии ООН, в которой также приняли участие другие видные политики и лидеры стран — участниц объединения. Целью указанного анализа является попытка выстроить стратегическую модель речевого акта с использованием оппозиции «свой—чужой». Примечательно, что в данном случае дискурс будет выступать как в роли материала исследования, так и в качестве его орудия, выступая в сфере семиотики и коммуникации как одна из моделирующих систем [6].

Приведенная выше оппозиция является неотъемлемой частью сознания любого общества, а скорее даже любой некоторой общности людей, которая противопоставляет себя другим, не похожим, не разделяющим их взглядов и установок. Однако дело в том, что по мере роста той самой общности меняются и установки, становясь более глобальными, и тогда происходит своего рода оппозиционный сдвиг, проявляющийся в нашем случае уже на уровне самосознания человека не просто в качестве отдельно взятого «Я», но части чего-то большего — «Мы».

Естественным образом мы не можем поделить мир на черное и белое. Однако специфика политического дискурса и борьбы за власть, как правило, заключается в формировании в умах аудитории светлого позитивного образа «Мы», который должен ассоциативно противопоставляться негативному «Они». И речь Владимира Путина отнюдь не является исключением.

Отметим, что в своем выступлении глава государства затронул все самые актуальные проблемы: нестабильность и войны на Ближнем Востоке, войну на Украине, проблемы гармонизации и укрепления отношений между Западом и Востоком, вопросы экономического характера, а также изменения климата.

Выступление, конечно же, включает свойственные российскому лидеру идиоматические выражения и разговорную лексику. Так, например, в тексте выступления мы видим:

1) *...А следовательно, не нужно считаться с ООН, которая зачастую, вместо того, чтобы автоматически санкционировать, узаконить нужное решение, только мешает, как у нас говорят, «путается под ногами».*

2) *Тем более что в лагерях «Исламского государства» проходят «обкатку» боевики из многих стран, в том числе из европейских.*

Уже в первом примере замечаем наличие одного из компонентов рассматриваемой оппозиции: «как у нас говорят». Далее в тексте повсеместно встречаются и другие подобные примеры, которые формируют в сознании слушающих некоторую абстрактную модель поведения, с которой они себя и ассоциируют, присваивая ей один из ярлыков чуждости или родства.

Справедливости ради стоит отметить, что в речи Президента встречаются не только безличные «мы», «у нас» и т.д., а также и примеры использования глаголов в первом лице с опущением местоимения («Я»). Таким образом, политик выражает собственную точку зрения и в то же время не отделяет себя в полной мере от абстрактного «мы».

Тен ван Дейк, активно занимающийся проблемами дискурс-анализа, в одной из своих работ «Дискурс и власть» говорит о наличии такого компонента выступления, как *определение ситуации*: «...если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (обычно подвергаемые критике), есть смысл описать такую ситуацию, в которой эти действия выглядят необходимыми, логичными, понятными, неизбежными или приемлемыми по каким-то другим соображениям» [5].

Речь В. Путина как раз и начинается с определения ситуации:

70-летний юбилей Организации Объединенных Наций — хороший повод обратиться и к истории, и поговорить о нашем общем будущем. В 1945 году страны, разгромившие нацизм, объединили усилия, чтобы заложить прочные основы послевоенного мироустройства... Организация Объединенных Наций — структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности.

Интересно, что в данном случае происходит постоянное переплетение, с одной стороны, определения ситуации, а с другой — положительной репрезентации, которая, тем не менее, не имеет прямой оппозиционной пары «чужой». Текст пронизан примерами отрицательной негативной репрезентации оппонентов,

однако ни в одном из изученных образцов не называется конкретное лицо, в адрес которого направлена негативная риторика:

1) *...И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучшие всех **знают** что делать. А следовательно, не нужно считаться и с ООН, которая зачастую, вместо того чтобы автоматически санкционировать, узаконить нужное решение, только мешает, как у нас говорят, «путается под ногами». Пошли разговоры о том, что Организация в том виде, в котором она была создана, устарела, выполнила свою историческую миссию.*

2) *Их сначала **вооружают, обучают**, а потом они **переходят** на сторону так называемого «Исламского государства». Да и само «Исламское государство» возникло не на пустом месте: его также поначалу пестовали как оружие против негодных светских режимов.*

В приведенных выше отрывках мы видим примеры использования отрицательной репрезентации, о которой уже упоминали. В данном случае употреблены безличные конструкции, которые исключают наименование конкретного оппонента, однако такой вариант подачи материала все же делает возможным достижение намеченной цели и уничижает образ оппонента, при этом в очередной раз возвышая роль ООН.

*Отмечу еще один симптом растущего экономического эгоизма. **Ряд стран пошли по пути закрытых эксклюзивных экономических объединений**, причем переговоры об их создании идут кулуарно, втайне и от собственных граждан, от собственных деловых кругов, общественности, и от других стран. Другие государства, чьи интересы могут быть затронуты, также ни о чем не информируются. Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причем без участия ВТО.*

Анализ данных примеров вновь демонстрирует, что центральной фигурой выступления является ООН как организация, занимающая нейтральную позицию в отношении всех стран, выступающая в роли «судьи» на мировой политической арене. Через репрезентацию ООН (а в последнем абзаце и ВТО) в качестве регулирующего и консенсуального органа происходит перестроение оппозиционной парадигмы, в которую встраивается третий компонент — нейтральный посредник, через которого тот или иной политический деятель может построить собственный позитивный облик либо показать отрицательные качества оппонента.

Интересен, однако, и другой факт: в конце своего выступления В. Путин говорит об актуальных проблемах, затрагивающих мир в целом, т.е. представляющих глобальный интерес, например, проблемы экологии и глобального потепления.

В этом случае изначальная композиционная единица оппозиции «мы», которая включала в себя лидера страны, говорящего от лица нации, в результате семантического скачка внутри ситуативной сферы приобрела расширенное значение, включающее в себя теперь людей как единый класс, не разделенный по расовому, национальному или иному признаку, но борющемуся во благо общего дела.

Постараемся схематично представить эволюционную цепочку концепта «свой» в рассматриваемом примере:

Свой₁ – Чужой: Свой₁ => Нейтральный – Чужой: Свой₁^{-чужой} => Свой₂.

Предложенная схема наглядно демонстрирует, что при построении модели анализируемой речи основной целью является сглаживание первоначальных острых углов между противоборствующими сторонами. Для достижения такого эффекта необходимо не только представление ситуации в наилучшем для «нас» свете, но и умелая репрезентация соперника в невыгодном положении, что было сделано не с помощью прямой агрессивной риторики нападения и обвинения, но через привлечение приемов консенсуального убеждения в собственной правоте и безупречной политической имплицатуры. Дискредитация «чужого» происходит через возвышение «нейтрального», т.е. наиболее объективного игрока, и постепенное сближение с ним. Градуальное развитие концепта «свой» в конечном итоге поглощает «нейтральность», включая ее в себя, добавляя при этом его положительные качества, а в конечном счете вовсе перекрывает и «чуждость», деконструируя изначальные элементы, чтобы сформировать единый концепт, сущий более широкой аудиторией.

Данная схема реализуется, очевидно, не только в политике: можно заметить схожие черты с так называемой сэндвич-техникой, которая используется довольно широко в психологии общения и бизнесе. Основную идею метода можно сформулировать так: начни с хорошего, скажи о неприятном, заверши хорошим. Подача информации в таком русле помогает сгладить острые углы, которые могут стать препятствием на пути к взаимопониманию и помешать дальнейшему благоприятному исходу событий, если мы говорим о ситуации бытового общения. Абсолютно то же самое происходит и на высшем уровне, однако на кону здесь уже не доброжелательные отношения с соседом, который может отказать в трудную минуту, но вопрос безопасности государства, а учитывая нынешнюю политическую и экономическую обстановку и удачный или неудачный результат попытки выхода из мирового геополитического кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная модель еще раз доказывает, что на сегодняшний день основной целью межкультурной коммуникации, происходящей на любом уровне, является гармонизация отношений между странами и культурами в попытке мирного урегулирования локальных конфликтов и сглаживания мирового экономического кризиса.

Слово — главное оружие нашего тысячелетия, способное объединять народы и разрушать цивилизации. Грамотное использование слов, а в нашем случае оппозиционной пары «свой — чужой», является самым ярким примером того, как решение отдельно взятой языковой личности следовать той или иной парадигме может стать причиной более масштабных изменений во всем обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Барт Р.* (1989). От произведения к тексту [*Barthes R. Le Plaisir du texte*] // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс. С. 413—423.
- [2] *Бахтин М.М.* (2002). Собрание сочинений [*Bakhtin M.M. The Collection of works*] М.: Институт мировой литературы РАН.
- [3] *Бенвенист Э.* (2009). Общая лингвистика [*Benveniste É. Problèmes de linguistique générale*]. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС.
- [4] *Ван Дейк Т.* (2015). Язык. Познание. Коммуникация [*T. van Dijk. Discourse and communication*]. М.: ЛЕНАНД.
- [5] *Ван Дейк Т.* (2014). Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [*T. van Dijk. Discourse and Power*]. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- [6] *Красина Е.А.* (2004). К интерпретации понятия дискурс [*Krasina E.A. Interpreting the notion of discourse*] // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 5—9.
- [7] *Найденова Н.С.* (2010). Реконструкция фрагментов этноспецифической концептосферы французского языка стран тропической Африки (на примере романа А. Мабанку «Разбитый стакан») [*Naydenova N.S. Reconstruction of a fragment of French language ethno-specific conceptual sphere in the countries of Tropical Africa*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 4. С. 46—51.

STRATEGIC PATTERN OF FRIEND-OR-FOE OPPOSITION REPRESENTATION AS USED IN POLITICAL SPEECH

A.A. Muradyan

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
ayarpi.muradyan@gmail.com

The article deals with political discourse having a famous politician's speech as an example for the analysis. Further construction of a pattern is made to show basic characteristics of the political speech in a given opposition. The article reveals a short review of the term "discourse" in general and exposes the significance of the results for future exploration.

Key words: political discourse, opposition, pattern

ОРГАНИЗАЦИОННО-КОРПОРАТИВНЫЙ СЕТЕВОЙ МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС

К.В. Ахнина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198
ahninakristine@rambler.ru

В статье анализируется один из жанров сетевого медицинского дискурса — официальный медицинский сайт. Рассматриваются жанровые и языковые особенности на примерах официальных сайтов медицинских учреждений. Обосновывается значимость исследований сетевого профессионального пространства для лингвистики и лингводидактики.

Ключевые слова: сетевой медицинский дискурс, организационно-корпоративный дискурс, официальный сайт медицинских учреждений, жанровые и языковые особенности

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия появилось относительно новое для отечественной лингвокультуры явление — корпоративная культура, которое немедленно нашло свою репрезентацию в языковой структуре, обусловило появление организационно-корпоративных дискурсов. По своей природе подобные тексты выступают разновидностью дискурсов институциональных, поскольку любая «корпорация (компания) представляет собой социальное образование, с социально обусловленным распределением ролей» [4. С. 206].

Следует отметить, что само появление и само становление корпоративной культуры как феномена обусловлено его коммуникативной природой, наличием коммуникативной составляющей, причем процессы организационно-корпоративного дискурса не просто выступают формой репрезентации коммуникативного взаимодействия, отражения социально-психологической окружающей среды, но во многом моделируют эту реальность. Само существование организации зависит от наличия коммуникативного взаимодействия между ее участниками, поскольку «организации существуют постольку, поскольку члены организаций создают их посредством дискурса» [4. С. 206].

РЕСУРСЫ СЕТЕВОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

В рамках сетевого медицинского дискурса организационно-корпоративные ресурсы представлены преимущественно ресурсами медицинских учреждений, департаментов здравоохранения. Главной прагматической функцией подобных электронных ресурсов выступает создание позитивного образа медицинского учреждения, привлечение потенциально аудитории, продвижение медицинских услуг. Е.В. Харченко, Л.А. Шкатова выделяют следующие функции информационно-корпоративных дискурсов [5. С. 93]:

- 1) структуризация коммуникативного пространства;
- 2) формирование, продвижение позитивного имиджа организации;
- 3) обеспечение узнаваемости, известности медицинского учреждения;
- 4) оптимизация процессов взаимодействия с общественностью органами управления;

- 5) оптимизация взаимосвязи с партнерами, поиск новых форм сотрудничества, обмена информацией;
- 6) реализация практической деятельности, медицинской помощи реальным и потенциальным клиентам;
- 7) оптимизация, гармонизация взаимоотношений в коллективе, формирование корпоративной идентичности.

Полифункциональность организационно-корпоративных дискурсов обуславливает включение в структуру дискурса профессиональной речи, разговорных диалогов, множественных манипулятивных практик, речевых стратегий и тактик, эксплицирующих языковую политику медицинского учреждения.

Как правило, организационно-композиционный сетевой медицинский дискурс (далее — СМД) характеризуется четкой структурированностью. Примером подобного электронного ресурса может выступать официальный сайт одного из лучших отечественных медицинских учреждений Лечебно-реабилитационного центра Росздрава [Официальный сайт Лечебно-реабилитационного центра [7]]. На основании исследования корпуса корпоративных текстов Л.В. Ермакова выделяет следующие структурно-информационные блоки [3. С. 46]:

— **миссия компании.** В приведенном СМД миссия учреждения содержит перечисление видов медицинских услуг, предоставляемых организацией, и сформулирована следующим образом:

ранняя диагностика, своевременное лечение и реабилитация после перенесенной болезни или операции любой степени сложности для повышения качества жизни [6];

— **ценности компании.** В качестве основных ценностей организации указаны средства достижения стратегических целей учреждения. В анализируемом СМД такими средствами выступает профессионализм, высокая квалификация сотрудников, наличие соответствующего оборудования, современных технологий:

— *лучшее диагностическое оборудование;*

— *современные лечебные технологии и экстренная оперативная помощь;*

— *специалисты ведущих направлений медицины, чьи достижения признаны российским и мировым медицинским сообществом [6];*

— **история компании.** Приведенный раздел в анализируемом СМД представлен кратко:

ФГАУ «Лечебно-реабилитационный центр» Минздрава России — одно из первых российских медицинских учреждений, в котором применяются стандарты европейской системы медицинского обслуживания [6];

— **учреждение как «корпоративный гражданин».** В исследованиях Л.В. Ермаковой данный раздел представлен как блок, информирующий потенциальных клиентов, потребителей о различных видах общественно-полезной деятельности [4. С. 47—48]. В анализируемом тексте данный структурно-информационный компонент не представлен, что обусловлено спецификой деятельности медицинского учреждения, ярко выраженной социальной направленностью, социальной значимостью профессиональной деятельности;

— **преимущества обращения в компании.** Указанный раздел детализирован, содержит детальную информацию о преимуществах обращения в компанию.

◆ *Полный цикл предоставления медицинских услуг: поликлиника — стационар — реабилитация — поликлиника.*

◆ *Современный диагностический центр, оснащенный оборудованием ведущих мировых производителей.*

◆ *Уникальный, не имеющий аналогов в России, Центр восстановительной медицины и реабилитации. Проводятся реабилитационные и восстановительные мероприятия по всем направлениям: кардиореабилитация, нейрореабилитация, реабилитация больных с заболеваниями позвоночника, реабилитация после травм, реабилитация при заболеваниях органов моче-половой сферы.*

◆ *Специалисты ведущих направлений медицины, чьи достижения признаны российским и мировым медицинским сообществом.*

◆ *Высококвалифицированный врачебный персонал с многолетним опытом работы (врачи высшей категории, кандидаты и доктора медицинских наук).*

◆ *Возможность 24 часа в сутки 7 дней в неделю записаться на прием к врачу через наш сайт med-rf.ru [6];*

— раздел «правила работы в компании» в анализируемом дискурсе не представлен, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности медицинского учреждения, требующей высокого уровня профессионализма для оказания медицинской помощи.

Одной из приоритетных характеристик организационно-корпоративного СМД выступает его полимодальность как результат «семиотической гибридации», обусловленный «изначальной способностью знаков к комбинированию с другими знаками в рамках комплексных семиотических образований» [1. С. 8]. В результате взаимодействия, взаимопроникновения различных семиотических систем рождается иконотекст, отражающий корпоративную культуру организации.

Восприятие, интерпретация иконотекста требует от реципиента навыков интерпретации как вербального, так и визуального оформления информационного сообщения. Как отмечает А.М. Волоскович, в результате реализации подобного подхода «вербальная информация интерпретируется с учетом иконических и пластических свойств изображения, что приводит к символизации смысла» [2. С. 205].

СЕМИОТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ И ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ

Полимодальность организационно-корпоративного СМД моделируется благодаря синтезу элементов различных семиотических систем. Повышение эффективности реализации прагматической функции СМД достигается благодаря использованию **вербального оформления**: указания наименования организации, указания на высокий уровень классификации сотрудников учреждения, выполненных крупным шрифтом разными цветами:

высокая квалификация специалистов;

специалисты ведущих направлений медицины;

Наши специалисты регулярно проходят стажировки в ведущих европейских и мировых клиниках. Разработаны и запатентованы уникальные авторские методики лечения [7];

— **использованию графических элементов**: чередование цветов, шрифтов выступает не случайным, выделение общего указания на высокую квалификацию

сотрудников отражает приоритетный акцент, главное преимущество именно этого медицинского учреждения, способное привлечь потенциальных пациентов. Детализация, аргументация указанного утверждения осуществляется более мелким шрифтом, содержит указания на методы, пути повышения квалификации сотрудников. Указание на высокий уровень профессионализма специалистов-медиков достигается посредством употребления лексических единиц с ярко выраженными позитивными коннотациями (уникальные, авторские методики, ведущие направления медицины). Кроме того, осуществляется реализация стратегии формирования причастности к лучшим достижениям медицинской науки в мире (стажировка в ведущих европейских и мировых клиниках);

— **цветовая составляющая** — синий тон, символизирующий покой, уверенность используется для того, чтобы вызвать доверие потенциальных пациентов, а чередование цветового оформления позволяет выделить ключевые информационные блоки;

— **изобразительная** — использование логотипа, изображений обеспечивает узнаваемость логотипа организации, а соответственно, и самого учреждения.

Каждый из проанализированных компонентов различных семиотических систем принимает активное участие в формировании общего пространства дискурса, моделируя общую семантику, отражая идею, лежащую в основе деятельности медицинского учреждения: профессионализм — надежность — инновационность. Например:

— **репрезентативы** — референты действительности, за истинность которых говорящий несет ответственность. В рамках анализируемого дискурса репрезентативами выступают описания профессионализма сотрудников, диагностического и иного оборудования;

— **директивы** — мотиваторы к реализации действия;

— **комиссивы** — адресат возлагает на себя обязательства реализации профессиональной помощи, способной изменить действительность, избавить пациента от патологического состояния.

В вербальном плане организационно-корпоративный СМД ориентирован на дистантность в отношениях с потенциальным пациентом, что проявляется в существенном удельном весе собирательных, абстрактных имен (медицинский персонал, наши специалисты и проч.), безличных, неопределенно-личных синтаксических конструкций:

При необходимости больным проводится реабилитационный курс в Центре восстановительной медицины и реабилитации [8].

Общая линия повествования ведется от лица медицинского учреждения:

Радиологическое отделение ФГАУ «Лечебно-реабилитационный центр» оснащено уникальной, самой современной на сегодняшний день, аппаратурой для прелучевой подготовки и лучевой терапии [8].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Как и другим жанрам СМД, организационно-корпоративному свойственно множественное использование терминологии, отмечается сближение публицистического и научного функциональных стилей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организационно-корпоративный СМД представляет собой одно из относительно новых направлений коммуникативного взаимодействия, направленного на реализацию ряда функций, включая функции информирования потенциальных пациентов о качестве и спектре предоставляемых медицинских услуг, создания позитивного имиджа медицинского учреждения, оптимизации, гармонизации отношений в режиме «специалист-медик — пациент», «специалист—специалист», «руководство—специалист». Указанный жанр характеризуется интенсивными заимствованиями, гибридизацией разговорных компонентов, функциональных стилей, семиотических систем, моделирующих полифункциональность, полимодальность СМД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Волоскович А.М.* (2012). Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста [*Voloskovich A.M. Cognitive and semiotic aspects of interaction of components of polymodal text*]: дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- [2] *Волоскович А.М.* (2011). Процессы гибридизации в тексте: семиотическая полимодальность [*Voloskovich A.M. Hybridization processes in the text: semiotic polymodality*] // Коллективная монография «Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий». Москва: РЕМА. С. 198—317.
- [3] *Ермакова Л.В.* (2014). Дискурсивный анализ [*Ermakova L.V. Discourse analysis*]. Учебное пособие. Благовещенск: изд-во АмГУ.
- [4] *Мартьянова С.С.* (2009). Корпоративный дискурс как вид институциональной коммуникации (на материале презентации) [*Martyanova S.S. Corporative discourse as a type of institutional communication*] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 557. С. 204—218.
- [5] *Харченко Е.В., Шкатова Л.А.* (2009). «Организационная лингвистика»: миф или реальность? [*Kharchenko E.V., Shkatova L.A. "Organizational linguistics": myth or reality?*] // Вестник Челябинского государственного университета. № 17. С. 90—94.
- [6] <http://www.med-rf.ru/about>.
- [7] <http://www.med-rf.ru>.
- [8] <http://www.med-rf.ru/directions/7>.

ORGANIZATIONAL AND CORPORATE MEDICAL NET-DISOURSE

K.V. Akhnina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
ahninakristine@rambler.ru

The article analyzes one of the genres of medical net-discourse — official medical site. Considered the genre and language peculiarities the examples of the official websites of medical institutions. Significance of linguistic and linguodidactic research of net-discourse of this type is proved.

Key words: medical net-discourse, organizational and corporate discourse, the official site of the medical institutions, genre and linguistic characteristics

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ ПРИРОДА СРЕДСТВ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

А.А. Баталов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
thebatalovs@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы функции средств речевого этикета (СРЭ), участия СРЭ в коммуникации на уровне бессознательного, проблема вариативности СРЭ в британском и американском вариантах английского языка.

Ключевые слова: средства речевого этикета, вариативность, коммуникация

ВВЕДЕНИЕ

Из всего многообразия вопросов, связанных с функциями средств речевого этикета (СРЭ), участием СРЭ в коммуникации на уровне бессознательного, проблемой вариативности и «экземплярности» СРЭ в британском и американском вариантах английского языка, разной трактовкой понятия нормы мы остановимся на аспектах СРЭ, отражающих их языковую и речевую природу. Одними из главных вопросов являются вопросы о том, принадлежат ли СРЭ системе языка или их надо трактовать как единицы речи, и можно ли рассматривать высказывания с включенными в них СРЭ как единое неразложимое образование.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ ПРИРОДЫ СРЭ

Постоянными считаются стабильные элементы высказывания, их следует квалифицировать как факты речевой реализации, они не производятся в речи, а воспроизводятся в ней в готовом виде (*would you like*), что и подтверждает их постоянство. Нам представляется, что высказывания типа *Would you like to sit down* и *Would you like to stay in this room* состоят из двух частей, где *Would you like* — единица речевого этикета (ЕРЭ), реализованная в речи, с фиксированным порядком слов. Постоянство грамматического строения очевидно как в первой, так и во второй частях высказываний. *To sit down* и *to stay* — инфинитивы, всегда следующие за ЕРЭ *would you like* и отличающиеся свободой лексических замен. Благодаря лексическим заменам в инфинитивах можно породить неопределенно большое число высказываний. Поэтому первую часть высказывания можно рассматривать как постоянный член, а вторую часть — как переменный. Такое же постоянство *Would you like* проявляет и на лексическом уровне, где оно квалифицируется как фразеологизм с присущей ему устойчивостью.

Частое использование устойчивых языковых моделей, в которых в системе языка заложена идея вежливости и отсутствия категоричности (*would* со значением просьбы, прямой порядок слов в вопросительном предложении и др.), расширило сферу их применения в речи, а закрепившееся за ними речевое употреб-

ление позволило привлечь их к обслуживанию РЭ и, по нашему мнению, придало им статус СРЭ. Повторяемость постоянных членов высказываний в ситуациях, требующих соблюдения РЭ, увеличила их информативный потенциал, и из вежливой формы общения они превратились в единицы, которые могут приносить в высказывание элементы страдания, участия, сопереживания, восхищения и т.д. и т.п., что проявляется только в речи и уже в ситуации РЭ.

Подтверждением сказанного может послужить трактовка известного ЕРЭ *How do you do*. В ее образовании участвуют синтаксическая структура и значения, заимствованные из языковой системы. Это предложение нельзя перевести в косвенную речь, но его значение приветствия может быть передано косвенным образом, а именно заменой ЕРЭ глаголом *to greet*, имеющим в семантической структуре сему приветствия. Системные признаки данной ЕРЭ позволяют употреблять ее в качестве высказывания только в прямой речи в соответствующих ситуациях общения.

Сохраняя системные характеристики в речевом употреблении, высказывание становится СРЭ в условии РЭ, другими словами, модели, формирующие СРЭ, принадлежат языковой системе, однако становление СРЭ осуществляется в речевом употреблении, что позволяет сделать вывод о принадлежности СРЭ речи. Именно в речи СРЭ выступают как результат индивидуальной творческой деятельности и поэтому всегда ситуативно обусловлены.

Поскольку СРЭ репрезентируют отношения между говорящим и слушающим, т.е. относятся к сфере прагматики [5], их можно рассматривать как знаки, осуществляющие регулирующую функцию в разных ситуациях социального общения. Как все знаки, СРЭ характеризуются двукратным означиванием, которое первично формируется в системе языка и вторично — в речи, поэтому СРЭ являются актуальным знаком в речевом акте.

Как известно, все речевые знаки функционируют в высказываниях, и СРЭ может быть полным знаком в законченном высказывании, обозначающем ситуации, события, факты, и неполным, выраженным сочетанием слов. СРЭ, будучи социально обусловленными, обозначают те ситуации и объекты, которые приняты и адекватно воспринимаются в данной социальной группе. Они, СРЭ, вызывают ожидаемую ответную реакцию со стороны слушающего, поскольку они входят (пользуясь терминологией прагматики) в систему поведения. Это происходит, так как содержание их означаемых многосложно, и большая роль отводится интерпретации воздействия СРЭ на тех, кто его интерпретирует. РЭ в широком смысле как система поведения и способствует правильной интерпретации СРЭ-знаков в конкретном социуме.

Доказательством того, что СРЭ являются единицами речи, служит рассмотрение СРЭ в психологическом аспекте, которое также подтверждает тот факт, что СРЭ не могут существовать до порождения речи. Разграничение понятий мотива и прагматики способствует этому.

Каждому высказыванию предшествует мотив, т.е. то, что побуждает человека к деятельности, ради чего она совершается. Будучи психологическим явлением,

мотив относится к сфере потребностей человека, служит его эмоциям, идеалам [2; 8]. Представляет интерес классификация мотивов [6], которая убеждает в том, что мотивы возникают до речевой деятельности и вызваны необходимостью:

- 1) установления деловых связей для осуществления определенной деятельности;
- 2) воздействия на другого человека или на группу людей;
- 3) удовлетворения потребности в общении, которое направлено на то, чтобы сделать другого человека на основе контакта с ним близким к себе, также как и себя сделать близким ему.

Как видно из классификации, мотивы не дают контекста для конкретного употребления того или иного СРЭ, но именно мотив предопределяет прагматическую установку речевой ситуации, т.е. ситуации непосредственного общения коммуникантов и как следствие выбор СРЭ. В отличие от прагматики мотив носит абстрагированный от конкретной ситуации характер. Поясним это на примерах:

I'm not sure that it would have happened but for you [9].

Мотивом высказывания является стремление говорящего стать близкими друзьями с собеседником. Контекст не приводится целиком, поскольку занимает слишком большое текстовое пространство. Он лишь указывает на то, что герой романа стремится расположить к себе женщину, поэтому он делает ей комплимент. СРЭ I'm not sure усиливает высказывание придаточного предложения.

Все высказывание звучит дружески и искренне.

Как видно из примера, прагматика высказывания связана с его конкретным наполнением, с его лексико-синтаксическим составом. Таким образом, в примере представлена речевая деятельность в ее мотивированности и целесообразности.

В следующем примере каждое высказывание построено в соответствии со своей прагматикой. Но все три высказывания имеют один мотив — стремление воздействовать на другого человека.

“Hello, Ben!” said Jimmy, still with his strange smile. “Got around at last, have you? Well, let's go” [7].

Монолог представляет собой единство всех используемых в нем языковых средств, и СРЭ как их часть способствуют созданию когерентности монолога, отражающей, в свою очередь, целенаправленность, логическую последовательность и завершенность акта коммуникации.

Слова Джима начинаются ЕРЭ, относящимися к тематической группам «Приветствие» и «Обращение». Эти ЕРЭ, как правило, открывают акт коммуникации и в данном случае указывают на дружеские отношения Джима и Бена. Следующее СРЭ Got around at last, have you не несет никакой дополнительной информации и говорит лишь о желании Джима продолжить разговор в дружелюбном тоне, о чем свидетельствует и разделительный вопрос, придающий высказыванию непринужденный характер, и, наконец, в высказывании Well, let's go СРЭ Well и приглашение let's go завершают акт коммуникации в соответствии с мотивом, лежащим в основе монолога. При этом все СРЭ монолога осуществляют каждое свою прагматику.

Реализуясь в устной речевой форме, СРЭ выступают как средства общения благодаря своим целевым установкам и коммуникативным эффектам. Здесь следует различать понятия иллокутивной силы и прагматики высказывания, пересекающиеся в научной литературе. Понятие иллокутивной силы относится к теории речевых актов и может обозначать явные и скрытые цели высказывания. Понятие прагматики (намерения) по времени происхождения уступает место понятию иллокутивной силы, поскольку оно само возникло под влиянием теории речевых актов. Являясь разделом семиотики, оно предполагает воздействие и убеждение. В высказывании *Could you mend my skirt?*, обращенном одним из членов семьи к другому, выражена стилистически повышенная просьба, заключенная в ЕРЭ *Could you + инфинитив*.

С точки зрения теории речевых актов, употребляя данное СРЭ, говорящий хочет показать свою высокую степень вежливости и имплицитно выражает просьбу взять иголку с ниткой, зажечь свет или сесть к окну и т.д. С точки зрения прагматики, говорящий использует такое СРЭ, которое может эффективнее воздействовать на собеседника, убедить его в необходимости и желательности совершения действия.

Как следует из вышеизложенного, понятие СРЭ тесно связано с понятием высказывания. Структурный подход определяет высказывание по отношению к предложению и допускает размер высказывания меньше, чем размер предложения, т.е. любая реплика может быть высказыванием. Поскольку СРЭ и является репликой, обращенной к собеседнику, его можно рассматривать как высказывание в акте коммуникации. Именно в высказывании реализуется содержание и прагматическая направленность речевого этикета в конкретной ситуации. Мы разделяем функциональный подход к высказыванию как к наименее регламентированной в формальном отношении единице речи. Именно благодаря функционированию СРЭ как высказывания его модели и содержание широки и разнообразны.

Говоря о функционировании СРЭ как высказывания, следует подчеркнуть, что ему свойственна обязательная связь с конкретной ситуацией, которая выступает его референтом. Например, в высказывании *It can't be true* выражена реакция удивления на конкретную ситуацию, обозначенную местоимением *it*. Но в отличие от любого высказывания одной из функций СРЭ является контактоустанавливающая функция, она никогда не может иметь отношения к несуществующей ситуации.

Если СРЭ реализуется в речи, в высказывании, то структура, облекающая его в определенную форму, относится к синтаксическому уровню языка и является предложением. Как известно, существует множество разных классификаций предложений: по функции, по признаку их внутренней структуры и т.д. В данном исследовании нас интересует, в частности, структура неполных, в которых часто употребляются СРЭ как в устной, так и в письменной речи, являющейся стилизацией устной речи. В высказываниях — *Glad to meet you* и *Whose sister would you like to invite? — Yours, if you please*. СРЭ *Glad to meet you* и ответ *Yours, if you please* входят в состав неполных предложений. Но структура первого предложе-

ния является грамматически-эллиптической, а во втором случае элиминация членов предложения контекстуально обусловлена предшествующим вопросом. Эллиптические предложения являются характерными для РЭ в обычной, повседневной речи, однако для правильного и целесообразного употребления в них СРЭ следует различать грамматическую и контекстуальную неполноту предложений, иначе норма разговорной речи будет нарушена.

Высказывание, выраженное СРЭ, может совпадать со структурной схемой предложения, но, поскольку оно рассматривается в непосредственной соотнесенности с ситуацией, а интерпретация каждой ситуации предполагает учет фоновых знаний говорящих, фреймов, пресуппозиций и т.д., анализ СРЭ должен опираться на когнитивный аспект и, следовательно, на актуальный синтаксис, т.е. синтаксис, адаптированный к контексту.

Так, например, речь, как известно, предполагает линейную последовательность, которая, в частности, выражается в определенном порядке слов, но, с учетом контекста в широком понимании этого термина как ситуации общения, что обязательно для СРЭ, порядок слов может претерпевать изменение в структурной схеме предложения и нести определенную коммуникативную нагрузку на уровне высказывания. То же самое можно отнести и к эллипсису и многим другим структурным схемам предложения. СРЭ могут быть квалифицированы как единицы (предложения или его части), определяющие адекватное отображение реальных взаимоотношений участников описываемого события. Экстраполируя некоторые положения теории информации, можно заключить, что, хотя передача содержания не является имманентной для СРЭ, длительное употребление закрепило за ними возможность потенциально нести некоторое количество информации (плохое/хорошее отношение), которая, конечно, требует конкретизации в каждом отдельном случае.

Несмотря на высокую степень предсказуемости, СРЭ существенно необходимы для речевого общения, так как они придают ему ту тональность, без которой невозможна коммуникация. Действительно, высказывания, построенные на основе СРЭ, несут незначительную смысловую функцию, но с их помощью могут выражаться разные намерения. Поэтому СРЭ является коммуникативно одной из наиболее важных частей высказывания. Пользуясь терминологией О.В. Долговой [1], СРЭ можно назвать «внесениями». Они не только не нарушают плавного течения речи, но, наоборот, способствуют ей. СРЭ органично входят в речь, делают ее более обращенной, тем самым подтверждая свою коммуникативную релевантность.

Так, непринужденному общению хорошо знакомых людей свойственны стилистически пониженные приветствия Hi!, Hallo!. Обращение к официальному лицу уместно предварить стилистически повышенным приветствием Welcome! I'm happy to greet you. Очевидно, что СРЭ задает прагматическую значимость высказыванию, обусловленную «фактором интереса» говорящего: к кому и с какой целью он обращается. С этой точки зрения наиболее значимым в ситуации общения становится собеседник. Необходимо уметь оценить его для правильного

выбора формулы общения и помещения СРЭ в ту или иную позицию в предложении, что делает его выделенным в качестве «прагматического пика» высказывания.

Использование СРЭ позволяет говорящему проявить свое уважение к собеседнику, показать свою заинтересованность в его проблемах, т.е. произвести впечатление интеллигентного, чуткого, внимательного, дружелюбного человека, что может выражаться СРЭ. Можно даже утверждать, что, если в предложении присутствует СРЭ, ему (предложению) присуща фразовая модальность, другими словами, для СРЭ характерно выявление категории субъективной модальности в предложении [3], через которую проявляется оценка описываемых фактов говорящим.

К предшествующей точке зрения, на наш взгляд, примыкает рассмотрение соотношения понятия СРЭ и понятия перформатива, введенного Остином [4] и расцениваемого им как осуществление действия. Его последователи также характеризовали перформатив как высказывание, эквивалентное действию, поступку. Точкой соприкосновения СРЭ и перформатива может служить признание СРЭ ментальным актом в момент его порождения и затем высказыванием, эквивалентным действию со стороны говорящего, имеющим целью побуждение собеседника к ответному действию.

Функциональная концепция значения и употребления позволяет еще более сблизить изучение перформатива и СРЭ. Во-первых, СРЭ, как и перформативы, могут быть выражены не только лексической единицей, но также и синтаксической — предложением. Во-вторых, СРЭ входят в семантическое поле перформативов и могут быть с некоторой долей условности названы перформативными СРЭ. В частности, СРЭ входят в группу бехабитивов (термин Остина). Но если бехабитивы представляют общественное поведение, то СРЭ являются высказываниями именно этического поведения и поэтому могут быть выражены языковыми средствами только с положительной семантикой. Вряд ли можно согласиться с тем, что исходя из традиционного понимания этикета глагол «проклинать» или выражение «вызывать на дуэль» могут формировать высказывание этического поведения, как это указано у Остина. Вместе с тем группа перформативов, которая содержит в своей семантической структуре компонент значения доброжелательности (некоторые комиссивы и экспозитивы), может образовывать СРЭ, имплицитно учитывающие психические свойства собеседников, проявление их внутреннего мира и т.д. Выявление таких перформативов способствовало бы созданию классификации тематических групп употребления СРЭ. Наконец, о близости понятий перформатива и СРЭ свидетельствует тот факт, что некоторые перформативные СРЭ (в нашей терминологии) могут быть заменены собственно перформативными глаголами (to ask, to tell и др.), например, *would you mind... = I ask you; may I trouble you... = I ask you; Hallo! = I greet you* и т.д. Этим объясняется, почему СРЭ могут быть представлены авторской речью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные наблюдения и анализ показали:

1) сближение понятий перформатива и СРЭ представляется релевантным для изучения СРЭ, т. к. открывает еще одну возможность познания этого явления;

2) анализ соотношения СРЭ и бехабитивов, сопоставление в составе СРЭ сочетаний глаголов предположения, выражающих осуществление ментального действия, направленного на достижение определенной цели; обоснование взаимозаменяемости перформативов и СРЭ открывают еще одну возможность познания этого явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Долгова О.В. (1980). Синтаксис как наука о построении речи: Учебное пособие [Dolgova O.V. Syntax as a science of the construction of speech]. М.: Высшая школа.
- [2] Дридзе Т.М. (1996). Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии [Dridze T.M. Social communication as text activity in semio-socio-psychology] // ОНС; Общественные науки и современность. Москва. № 3. С. 145—152.
- [3] Гальперин И.П. (1981). Текст как объект лингвистического исследования [Galperin I.R. Text as an object of linguistic research]. М.: Наука.
- [4] Остин Дж.Л. (1986). Слово как действие [Austin George. L. Word as action] // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. М.: Прогресс. С. 22—131.
- [5] Степанов Ю.С. (1983). Семиотика [Stepanov Yu.S. Semiotics]. М.: Радуга.
- [6] Якобсон П.М. (1973). Общение людей как социально-психологическая проблема [Jacobson P.M. Communication as a social psychological problem]. М.: Знание.
- [7] Henry O.A. (1979). Retrieved Reformation // Selected Stories. Moscow: Progress Publishers.
- [8] Leets L.; Becker G. de; Giles H. (1995). Fans: exploring expressed motivations for contacting celebrities // Journal of language and social psychology. L., 1995. Vol. 14, № 1/2. P. 102—123.
- [9] Snow C.P. Homecomings (1956). England: Harmondworth, Middlesex, Penguin Books.

LINGUISTIC AND SPEECH CHARACTER OF SPEECH ETIQUETTE MEANS

A.A. Batalov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
thebatalovs@gmail.com

The article investigates into the problems of speech etiquette means functions, the role of speech etiquette means in communication, their variativeness in British and American English.

Key words: speech etiquette means, variativeness, communication

ТЕКСТ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ОБРАЗНОСТЬ И ОЦЕНКА

УДК 821.161.1:808

ЯЗЫКОВЫЕ И АВТОРСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РАННИХ СТАТЬЯХ Н.С. ЛЕСКОВА БЫТОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

О.А. Головачева

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036
golovacheva-olga@mail.ru

В статье рассматриваются языковые единицы в структуре системной и авторской парадигматики и синтагматики, отражающие восприятие бытовых российских реалий жизни русским человеком и европейцем во второй половине XIX в. С помощью адъективов оценочного регистра Н.С. Лесков аттестует состояние помещений для отправления естественных надобностей человека как крайне непригодное, опасное для здоровья; коннотацию одобрения фиксируют только адъективы лексико-семантической группы, номинирующей целесообразность, практицизм. Противопоставленность как проявление идиостилевой особенности Н.С. Лескова выстроена с учетом наличия в одном из коррелятов потенциальных либо имплицитных компонентов, эксплицированных в противочлене, что аттестует публициста как внимательного человека, утонченного стилиста. Наряду со стилистически маркированными лексическими единицами с негативной оценочностью автор вводит словосочетания, где коннотативный потенциал опорного компонента многократно усиливает контекстный партнер.

Цель работы — выявить, какими языковыми средствами отмечены бытовые условия жизни русских простолюдинов во второй половине XIX в. Материалом исследования послужили статьи Н.С. Лескова «Заметка о зданиях», «О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и о некоторых попечителях Роберта Оуэна». Основными методами исследования стали метод контекстуального анализа, описательный, сопоставительный, дискурс-анализ.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, публицистика, оценка, парадигматические отношения, бытовые проблемы

ВВЕДЕНИЕ

В ранних публицистических работах Н.С. Лескова (60-е гг. XIX в.) отражена система ценностных ориентиров автора, боль за простой народ, стремление улучшить его положение... Раздумья литератора о своей стране, о целых классах людей, часто социально обделенных, несправедливо обиженных, перекликались с раз-

мышлениями о жизни в других странах. Сравнение российской и европейской действительности вызывало разочарование публициста, т.к. отражало явное пренебрежение соотечественников бытовыми сторонами жизнеустройства, что наряду с культурным влекло за собой экономическое отставание.

ОЦЕНОЧНОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА В 60-Е ГГ. XIX В.

Н.С. Лесков рассматривал актуальные для этого периода проблемы бытоустройства в работах «Заметка о зданиях», «О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и о некоторых попечителях Роберта Оуэна» и др.

Так, в статье «Заметка о зданиях» отмечается непригодность помещений общественного назначения к отправлению естественных потребностей человека, что, впрочем, было типичным и для европейских стран. Но если со второй половины XIX в. ситуация в Европе улучшается, причем процесс идет прогрессивно, то о России этого сказать было нельзя.

Общеизвестно, что русский человек в бытовом отношении непритязателен, размышляя о духовном, мало думает о благоустройстве, например, уборных. По данному вопросу позиция Н.С. Лескова (XIX в.) перекликается с мнением П.С. Гуревича (XXI в.). Автор вузовского учебника «Культурология» приводит точку зрения некоего безымянного сантехника: «Цивилизация начинается с канализации», при этом добавляет: «Не исключено, что он был недалек от истины» [1. С. 313]. Н.С. Лесков, обращая внимание на обустройство уборных в России, отмечает, каким образом это связано с физическим здоровьем человека:

*...я не могу сказать, насколько сквозная тяга воздуха снизу вверх в наших отхожих местах способствует развитию воспаления брюшных внутренностей и геморроя, особенно между людьми, предрасположенными самым образом жизни к последней болезни, но, глядя на это дело с практической точки зрения, я имею основание думать, что **дурное** устройство отхожих мест имеет прямое отношение к **чрезмерно большой цифре безвременных могил в России** [2].*

Оценочный адъектив *дурной* — ‘плохой, скверный по качеству, вызывающий самую отрицательную оценку’ [3. Т.1. С. 454] — в контексте логически сопряжен с сочетанием *чрезмерно большая цифра безвременных могил в России.*, т.к. аттестует состояние помещений для отправления естественных надобностей человека как крайне непригодное, опасное для здоровья. Н.С. Лесков отмечает, насколько просто можно решить эту проблему при обращении, например, к опыту англичан:

*...в Англии, стране образцовых государственных учреждений и рационального народного хозяйства, где **выводы науки** не замедляют **прилагаться к практическим формам жизни**, определено, что с применением дренажных труб к очищению отхожих мест и помойных ям относительно **малая там цифра смертности** уменьшилась еще весьма чувствительным процентом; а... отхожие места подверглись **выгодному для человечества преобразованию**.*

Положительно оценочными языковыми единицами выступают здесь предикаты лексико-семантической группы (ЛСГ), номинирующей целесообразность, практицизм: *образцовый* — ‘такой, которому нужно следовать’ [3. Т. 2. С. 560], *рациональный* — ‘организованный наиболее разумным способом, целесообразный’ [3. Т. 3. С. 686], *выгодный* — ЛСВ-2: ‘имеющий пользу, преимущество, благоприятный’ [3. Т. 1. С. 250]. Интегральная сема — *целесообразность* — в значении данных адъективов фиксирует коннотацию одобрения. Синтагматика лексемы *малый* проявляет у слова положительную оценку (*малая там цифра смертности уменьшилась*), наличествующую также в семантическом объеме других единиц, в т.ч. однокоренного глагола *уменьшиться*. Контекст, таким образом, возбуждает положительные коннотации лексических единиц в русле культурно-бытовой парадигмы. Проявление заботы о каждом человеке через заботу о многих (*выгодное для человечества преобразование*) иллюстрирует слово *выгодный* в синтагматической связке с субстантивом *человечество* — ‘люди, человеческое общество’ [3. Т. 4. С. 660].

Противопоставленность сочетаний *малая цифра смертности* — *чрезмерно большая цифра безвременных могил в России* выстроена на узуальных антонимах — адъективах *малый* — *большой*. Второй член оппозиции синтагматически связан с компонентом *чрезмерно* — ‘чересчур, слишком’ [3. Т. 4. С. 684], усиливающим в словосочетании коннотативно-оценочный потенциал отрицательного диапазона.

Публицист, демонстрируя пренебрежение государства к здоровью простолюдинов, наряду с лексикой оценочного регистра употребляет единицы, амбивалентные к оценке, но приобретающие ее в контексте; вводит лексемы в рамки контактной или дистантной антонимии, создает авторские синонимические ряды, а также использует многочисленные языковые приемы, наиболее частотным из которых является повтор.

В лесковских контекстах семы экспрессивно-эмотивного характера преломляются в структуре окказиональной антитетики даже в тех случаях, когда автором приводятся статистические выкладки, например:

В 1700 году в Англии приходился один смертный случай на 43 человека, а теперь приходится 1 на 53. У нас же в течение нынешнего столетия умирал средним числом 1 из 30 и даже — 28; причем большая половина умирает в раннем возрасте.

В системе языка числительные не формируют оппозицию, однако в контексте содержательный контраст в диапазоне авторской антонимии представлен конструкцией в виде пропорции *1: 53 // 1: (30) 28*, что наглядно иллюстрирует наблюдения Л.А. Новикова о «нестандартных противопоставлениях для создания вторичного, экспрессивного смысла» [4. С. 255]. Элемент *1: 53* выступает как член антонимической парадигмы с противочленом *1: 28*. Оппозиция *1: 53 // 1: (30) 28* выпукло демонстрирует: смертность в России почти в 2 раза превышает этот показатель в Англии. Таким образом, Н.С. Лесков, в творческой деятельности ко-

того всегда имела место скрупулезность подхода, дагерротипная детализированность: опора на факты, документальные свидетельства (наличествующие в тексте или в затекстовой части), — убедительно доказывает, насколько противоположны подходы к бытоустройству англичан и русских. С помощью авторских антонимов публицист с фактографической точностью определяет как один из элементов жизни сугубо практического свойства, так и национальное миропонимание людей различных географических пространств. Через двойную антитезу (*1: 53 // 1: (30) 28; в Англии — у нас*) представлено мироустройство человека Запада, стремящегося подчинить пространство своим цивилизационным интересам прикладного характера, и русского человека, не озабоченного благоустройством территории под примитивные, на первый взгляд, нужды, а осознающего себя частью целого, Божественного, «душеправильного». Мысль о том, что в России следует беспокоиться не только о «душеполезном, но и о телопозлезном», в разных интерпретациях звучит как в публицистике, так и в беллетристике Н.С. Лескова.

При всей любви к соотечественникам пафос данной статьи — в стремлении уравновесить духовное и физическое, телесное, как части неразрывного целого — сущности человека. На реализацию авторского замысла работают многочисленные языковые средства, в т.ч. в системе парадигматики, отсюда употребление единиц в зоне авторской противопоставленности не только на лексическом, но и на грамматическом уровне: топониму-субstantиву *в Англии* — антитетично местоимение *у нас*. Организация данных антонимов обогащает потенциальными семантиками когнитивно-экспрессивную информацию: автор стремится показать соотечественникам, как бытовая, «низкая», сфера влияет на нравственную, «высокую», чем определяется целостность и гармоничность жизни.

Итак, Н.С. Лесков — публицист полагал, что бытовые вопросы вопрос надо решать на государственном уровне, т.к. *ужасающая цифра смертности убедительно говорит, как много страждет наше народное хозяйство, теряя людей прежде... чем они могут быть производительными и вознаградить массу тою долею своего труда, которая затрачена другими для их раннего возраста.*

Синонимические конструкции *чрезмерно большая цифра безвременных могил в России* и *ужасающая цифра смертности* выявляют страшную реалию в масштабах страны, характеризующую финал тяжелой, несчастной, горемычной жизни бедняков.

КОНТРАСТЫ РУССКОГО ОБЩЕСТВА: АНТОНИМИЯ И СИНОНИМИЯ В АВТОРСКОЙ РЕЧИ

В отличие от других литераторов Н.С. Лесков не считал патриотизмом поднимать на щит все русское, если оно того не заслуживало, напротив, полагал, что критика может быть куда более действенной, чем лесть. В цикле очерков «Русское общество в Париже» публицист категорично отмечал: «Имею уверенность утверждать, что нисколько не обижаю русского народа, не скрывая его мерзостей и гадостей, от которых он не свободен, как и всякий другой народ» [2]. В своих работах литератор призывал соотечественников вспомнить о самоуважении, гор-

дости, достоинстве и начать заботиться о простом человеке, об элементарных бытовых удобствах, сохраняющих здоровье труженика.

С неприкрытым сарказмом Н.С. Лесков отзывался о тех русских собратях по литературному цеху, которые огульно осуждают все иностранное:

*...над «гнилым Западом»... долго трунил г. Аскоченский, а теперь песню его подхватили публицисты другого закала, считающие, например, **порицание английских порядков наивысшею услугою русскому народу.***

Контекстные антонимы *услуга* — *порицание* (*услуга* — ‘действие, приносящее пользу, помощь другому’ [З. Т. 4. С. 519], *порицание* — ‘осуждающий отзыв о ком-, чем-либо, выражение неодобрения’ [З. Т. 3. С. 303]), в основе противопоставления содержат интегральную сему ‘(то, что) приносит пользу/вред’, которая в слове *порицание* представлена имплицитно. Сопряжение данных лексем с адъективами *английский* — *русский*, расширяет и конкретизирует антонимическую парадигму *Англия* — *мы, русские*.

В публицистических работах Н.С. Лескова частотны языковые и авторские антонимы, структурированные, по определению Е.И. Дибровой, в антонимические блоки [5]. Это целостные по смыслу структурно-содержательные единицы, которые позволяют четко и емко представить концептуальный взгляд автора, проецируемый на читателя.

Так, в бытовом плане русские значительно отстали от других европейцев, по выражению Н.С. Лескова, *поднятых цивилизацией на другую ступень гражданственности*. В слове *гражданственность* — ‘организованность, относящаяся к правовому положению граждан’ [З. Т. 1. С. 342] — автор концентрирует представления об устройстве социума, ориентированные на критерии гуманизма, что выражается прежде всего в заботе о людях на самом простом бытовом уровне. Кто любит свой народ, *тот должен заботиться о всех неурядицах народного быта и не лгать ему о его всеобъемлющей мудрости*.

Авторские антонимы *заботиться* — *(не) лгать*; *неурядицы* — *мудрость* оконтурены в антитетических границах. Противопоставленность, как проявление идиостилевой особенности Н.С. Лескова, выстроена с учетом наличия в одном из коррелятов потенциальных либо имплицитных компонентов, эксплицированных в противочлене, что аттестует публициста как внимательного человека, утонченного стилиста.

В паре *неурядицы* — *мудрость*, где *мудрость* — ‘свойство человека, одаренного большим умом и обладающий знанием жизни, опытом’ [З. Т. 2. С. 308]; а *неурядица* — ‘беспорядок, неустройство’ [З. Т. 2. С. 490] — антонимия обусловлена смысловым компонентом ‘знание жизни / его отсутствие’, т.к. неурядицы часто являются следствием отсутствия житейской мудрости.

Аналогичные семантические отношения эксплицированы в тандеме глаголов *заботиться* — *(не) лгать*: *заботиться* — ‘проявлять внимание к потребностям и нуждам кого-либо’ [З. Т. 2. С. 308]; *лгать* — ‘говорить неправду, намеренно исказить истину’ [З. Т. 1. С. 167]. Таким образом, через отношения противополо-

ставленности Н.С. Лесков в этносоциальном аспекте интерпретирует доминантные проблемные зоны России XIX в.

По мнению публициста, в стране не меньшую опасность для здоровья простых людей имеет, например, качество питьевой воды, о чем емко и саркастически говорится в статье «О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и о некоторых попечителях Роберта Оуэна», в названии которой уже обозначены основные проблемы, в частности:

Мосты и переправы, грязная вода для питья составляют необходимые аксессуары русской весны.

Заемствованной лексемой книжного стиля *аксессуары* — ‘принадлежности чего-либо, сопутствующие чему-либо предметы’ [3. Т. 1. С. 30] — отмечено периодичное (ежевесеннее) нарушение жизни у большого количества граждан России вследствие невозможности получать чистую воду для питья и свободно передвигаться по территории даже в пределах соседних населенных пунктов. Эта ненормальность имеет ежегодное постоянство, о чем сигнализирует сочетание оксюморонного характера *русская весна*. Семантическая валентность каждой лексемы не предполагается их синтагматической связи, ср.: *весна* — ‘время года между зимой и летом’ [3. Т. 1. С. 156]; *русская* (см. *русский* — ‘принадлежащий, свойственный русским, созданный русскими’ [3. Т. 3. С. 742]).

Об особенностях синтагматики Н.С. Лескова, определяющей не только изменения семантической валентности, но и развитие коннотативного аспекта значений, говорит В.В. Леденёва [6. С. 26]. Как следует из значения субстантива *аксессуары* и сочетания *русская весна*, единицы функционируют в тексте в качестве эвфемизмов и подготавливают читателя к восприятию реалий, подрывающих здоровье человека.

Вследствие использования людьми непригодной воды, которую автор статьи называет также *навозной жижей и пойлом... на лицах у мужиков появляются весьма странные опухоли, а вообще в градах и весях начинаются рези в желудках и разные весьма неприятные болезни, отвлекающие человека от работы, которую он добывает дневное пропитание, а иногда и спроваживающие его прямым путем в могилу*. Эту яркую миниатюру, характеризующую последствия от питьевой воды, рисует Н.С. Лесков с помощью авторской синонимической парадигмы *грязная вода для питья, навозная жижа, пойло, гадость*.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНОЧНОСТИ. КОННОТАЦИИ

Наряду со стилистически маркированными лексическими единицами с негативной оценочностью (*пойло, гадость*) автор вводит словосочетания, где коннотативный потенциал опорного компонента многократно усиливает контекстный партнер (*навозная жижа, грязная вода для питья*). Наиболее обобщенный, отсюда экспрессивно ослабленный заряд имеет сочетание *грязная вода для питья*, степень нечистоты которой констатируют слова *пойло* и *гадость*.

В лексикографических справочниках субстантив *пойло* регистрируется как полисемант: 1) питье для скота; 2) питье вообще, обычно неприятное, невкусное [3. Т. 3. С. 242]. В контексте имеет место контаминация обоих лексико-семантических вариантов. Такой прием авторской интерпретации создает экспрессию, является яркой идиостилевой чертой творчества Н.С. Лескова. Объединение ЛСВ многозначных слов неоднократно отмечалось в беллетристике автора, однако истоки его находим и в ранней публицистике.

Экспрессия лексемы *пойло* предельна, т. к. согласно семантике субстантив предполагает синтагматическую связь с единицами, номинирующими животных; применительно к человеку употребляется слово *питье* — ‘напиток, все что пьется, что можно пить’ [7. Т. 3. С. 191]. Семантика лексемы *гадость* — ‘то, что вызывает гадливое чувство, нечто мерзкое, отвратительное’ [3. Т. 1. С. 296] негативно очерчена, но лишена конкретизации, которая присутствует и имеет выпуклую негативную оценочность в одном из членов синонимического ряда (*навозная жижа*), его смысловое наполнение представлено суммой компонентного состава.

Семантическое и коннотативное напряжение наблюдаем у слова *жижа* — ‘текучая смесь разнородных жидких и твердых частиц’ [3. Т. 1. С. 484], эмотивные семы которого умножает адъектив *навозная* — ‘относящаяся к навозу, т.е. к перегнившей смеси помета домашнего скота и подстилки’ [7. Т. 2. С. 333].

В качестве антонима авторской синонимической парадигме *грязная вода для питья, пойло, навозная жижа, гадость* выступает выражение *чистая вода*, сравните:

Да и как не быть резям, как не хворать людям, когда, например, у нас в Петербурге такая вода доставляется, что какой-нибудь киевский гастроном... взял бы здешнюю воду, да и выплеснул в помойную яму. А мы ее пьем, и не пить ее нам нельзя... Впрочем, каждому известно, какую важную роль играет вода в судьбе всякого человека. А потому мы и удивляемся, как до сих пор наши общественные люди не подумают о том, чтобы вместо навозной жижи давать в пойло русскому человеку чистую воду!

Субстантив *пойло* здесь употреблен в прямом значении (‘питье для скота’), что предопределяет его семантическую валентность с номинациями животного мира, однако исключает синтагматику с одушевленными существительными, обозначающими лиц, в частности, с сочетанием *русский человек*. Выражение *давать в пойло русскому человеку чистую воду* фиксирует: элементарные потребности граждан физического и физиологического свойства низведены в России до самого низкого, животного уровня. Н.С. Лесков справедливо считал, что в этом вопросе необходимо приблизиться к европейцам, которые не будут *ни пить наше пойло, ни глотать иные гадости, которые мы еще присмакиваем*.

Сарказм автора, сфокусированный в глаголе *присмакивать*, обозначающем действие, сопутствующее другому действию (*пить, глотать*), — ‘есть или пить, наслаждаясь вкусом чего-л.’ [3. Т. 4. С. 148], многократно возрастает, достигая максимума на адъективе *прихотливый* — ‘имеющий много прихотей, капризный,

излишне требовательный' [З. Т. 3. С. 455]. В приведенном контекстном окружении прилагательное меняет вектор оценки с отрицательного на положительный (что не типично для публицистики в целом, для текстов Н.С. Лескова — явление уникальное), по причине «вытянутости» из семантического объема компонентов 'много' 'излишне' 'прихоть', 'каприз' и наличия компонента '(разумно, обоснованно) требовательный', например:

...прихотливые люди начали жаловаться, что воды из фонтанов пить нельзя, и обратились к Суре, а по Суре и подавно один навоз плавает с верхних мельниц. Таким образом это неудовольствие продолжалось очень долгонько и все без толку, и наконец сами граждане привыкли к этой воде, как приучают себя люди к вонючему сыру...

Привлекая оценочные лексемы (*прихотливые, жаловаться*), эвфемизмы (*неудовольствие*), лексику и фразеологию разговорного регистра (*долгонько, все без толку*) Н.С. Лесков отражает безвыходное положение многих простолюдинов, в контексте номинированных словом *граждане*, т.е. 'лица, принадлежащие к постоянному населению государства, пользующиеся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющие все установленные законом обязанности' [З. Т. 1. С. 342].

Экспрессивная коннотация, не характерная для субстантива *гражданин* в узусе, ярко проявляется при максимальном влиянии контекста, где слово демонстрирует частичную «вытянутость» значения: в его семантическом объеме отсутствуют компоненты 'пользоваться всеми правами', 'обеспеченность законами'. Прагматический авторский сигнал «помогите!» бесправным, но 'исполняющим все установленные законом обязанности' гражданам звучит убедительно и мощно в силу того, что поддержан единицами лексико-семантической группы 'заболевания', включающей наряду с лексемами (*опухоли, рези*) и сочетание *неприятные болезни*. Данная ЛСГ указывает на недуги, *отвлекающие человека от работы, которую он добывает дневное пропитание, а иногда и спроваживающие его прямым путем в могилу*.

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНОЧНОСТИ

Невыскательность терпеливых соотечественников, по наблюдению Ю.В. Вьюнова, «очень одаренных и трудолюбивых... обладающих множеством талантов и способностей» [8. С. 104], к своему бытоустройству вызывает душевную боль русского публициста, который был «близок народу как никто в русской литературе 2-й половины XIX в.» [6. С. 180]. Его статьи по данной проблематике аттестуют автора как человека, остро переживающего за страну, за людей.

Вопросы бытового характера обсуждаются Н.С. Лесковым во многих ранних публицистических произведениях, при этом отмечается, что *слабая плоть человека... не почтена никаким вниманием*. Публицист, широко используя номинативные лексемы в структуре авторской парадигматики, многочисленные экспрессивные единицы, эвфемизмы, горячо и убедительно говорит про страшно спертый воздух тюрем и острогов, тесноту классных комнат в учебных заведениях, сквозняки

в коридорах больниц, отсутствие отхожих мест или недостаточное их количество. Например, в статье «О петербургском пойле...» Н.С. Лесков пишет об иностранцах, распространяющих о России небылицы, которые *вовсе не существуют и даже существования их мы, русские, никак допустить не можем*. Но прогрессивный автор-гражданин полагает, что надо с пониманием относиться к этим *баснословиям*, ведь *если начать доискиваться, то во всяком таком баснословии можно найти свою долю правды*. Специфика бытовой стороны российской жизни дает повод к построению *странных предположений в головах людей*, близко не знакомых с особенностями бытоустройства в России. Так, о тротуарах в Пензе Н.С. Лесков отзывается в свойственной ему манере «коварной сатиры» (термин И.В. Столяровой), используя богатый арсенал языковых единиц в широком диапазоне коннотативных смыслов. Это эвфемизмы (*аксессуар, механизм, споспешествовавший ускорению жизненного процесса*), просторечные единицы (*затрещина*), варваризмы (*ad patres*), семантические окказионализмы (*снаряд*), сравните:

...англичанин М-р шел по тротуару ...провалился, получил приличную затрещину, переломил ногу и отправился ad patres [К праотцам — Лат.]. ... Другой же англичанин, видя снаряд, споспешествовавший ускорению жизненного процесса г. М-ра, разумеется, предался изучению этого механизма и, придя к убеждению, что такой механизм не относится ни к одному из известных в Европе аксессуаров городского благоустройства, порешил...

Здесь полифония речевой манеры автора, по определению Л. Аннинского, «какая-то бисерная точность рисунка» [9. С. 202], ярко демонстрирует бытовую реалию, утонченно представленную, в частности, стилистически сниженными единицами: *вонючий* (разг.), *затрещина* (прост.); окказиональной синтагматикой с выпуклой алогичностью (*снабжать затрещиной*):

...каждая из досок концом, на который наступит пешеход, тотчас же под его ногою опускается в нарочито ископанную под тротуаром канаву с вонючею гниущею водой, а другим концом снабжает проваливающегося путника приличную затрещиною...

Об использовании Н.С. Лесковым приема столкновения разнополюсных элементов в пределах микроконтекста пишет В.В. Леденёва [6. С. 147]. Наши наблюдения позволяют утверждать, что данный прием используется автором и в 60-е гг., в период вхождения его в литературу в качестве публициста, о чем свидетельствуют многочисленные работы этого периода, в т.ч. и статья «О пензенских тротуарах...»:

Теперь, может быть, случаи таких театральных исчезновений под тротуаром реже, а может быть, и вовсе вывелись — время переходчиво, — но в то время... эти явления причислялись к законным потребностям местного благоустройства.

Экспрессивные возможности слова, усиленные контекстными партнерами, лексическими и фразеологическими единицами, транслируют авторскую самоиронию масштабов гоголевского «Ревизора» («Чему смеетесь? Над собой смеете»)

тесь!»), что продемонстрировано через отношение к российским тротуарам иностранцев (как представителей «гнилого Запада»), полагающих, что в Пензе всякий человек небезопасен, потому что там на улицах устроены капканы и адские машины, и местных жителей, пензянов, для которых естественность таких явлений была так обыкновенна, что их резюме звучит как назидание для иностранных граждан:

Сказали только: «не знавши броду, не суйся в воду», выпили по рюмочке коньячку и опять сели играть по маленькой, и приписывая, и отписывая мелом.

Паремия *не знавши броду, не суйся в воду*, наряду с другими пословицами, употребленными в тексте, по наблюдению О.В. Ломакиной, «заключает в себе дидактизм и назидательность... выступает аргументирующим средством» [7. С. 126].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вопросы бытового характера, по мнению Н.С. Лескова, требовавшие скорейшего разрешения, по-разному виделись соотечественникам публициста и европейцам. Используя различные по стилистической и экспрессивной отмеченности лексические единицы в системе парадигматических отношений, сталкивая разнополярные элементы в пределах контекста, автор привлекает внимание читателей к актуальным проблемам «низшего» порядка, фиксирующих и общекультурное развитие людей, и экономическое состояние государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Гуревич П.С. (2003). Культурология [Gurevich P.S. Culturology]. Учебник. М.: Проект.
- [2] Лесков Н.С. (1996). Полн. собр. соч. в 30 тт. [Leskov N.S. Complete works in 30 v.] М.: Терра.
- [3] Словарь русского языка в 4 тт. (1988) [Russian language dictionary, 4 v.]. М.: Русский язык.
- [4] Новиков Л.А. (1973). Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) [Novikov L.A. Antonymy in the Russian language]. М.: Изд-во МГУ.
- [5] Диброва Е.И. (2008). Художественный текст: структура, содержание, смысл: избранные работы [Dibrova E.I. Literary text: structure, content, meaning. Selected papers]. Т. 1. М.: ТВТ Дивизион.
- [6] Леденёва В.В. (2015). Средства вербализации концепта «желание» в эпистолярных текстах Н.С. Лескова [Ledeneva V.V. Means to verbalize the concept of “wish” in epistolary N.S. Leskov’s texts] // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы. Материалы Всероссийской научной конференции. Орел, 2015. С. 180—187.
- [7] Ломакина О.В. (2014). Функционирование паремий в языке Л.Н. Толстого [Lomakina O.V. Proverbiae functioning in the L.N. Tolstoy’s language] // Паремология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД. С. 120—137.
- [8] Вьюнов Ю.В. (2005). Русский культурный архетип. Страноведение России [Vyunov Yu.V. Russian cultural archetype / Country study of Russia]: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука.
- [9] Аннинский Л.А. (1986). Лесковское ожерелье [Anninskiy L.A. Leskov’s necklace (ozherelye)]. М.: Книга.

LANGUAGE AND AUTHOR'S MEANS OF EXPRESSION OF EVALUATION IN EARLY ARTICLES N.S. LESKOV CONSUMER ORIENTATION

O.A. Golovacheva

Bryansk State University n.a. acad. I.G. Petrovsky

Bezhitskaya str., 14, Bryansk, Russia, 241036

golovacheva-olga@mail.ru

The article considers the expressive impact of linguistic units and the author's paradigmatics and syntagmatics, reflecting the perception of everyday Russian life realities in the second half of the 19th century. With estimated register, N.S. Leskov certifies the state of facilities for natural needs of a man as a highly unsuitable, dangerous to health. Oppositions as a manifestation of idiosyncrasies reveal the presence of one of the correlates of potential or implicit components and characterize the publicist as a careful person, a refined stylist. Along with stylistically marked lexical units with the negative connotation, the author introduces the means where connotative potential reference component multiplies the context partner.

Purpose of the research is to identify the way how language means explain living conditions marked by Russian commoners in the second half of the 19th century. The main methods of the study were contextual analysis method, descriptive, comparative, discourse analysis.

Key words: N.S. Leskov, journalism, assessment, paradigmatic and syntagmatic relations, household problems

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В РУССКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

П.Н. Хроменков

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005
geleiter@mail.com

Глубокое понимание фольклора необходимо для представления языковой картины мира, в данном случае русской языковой картины мира. Статья посвящена анализу конфликтного вербального компонента в русской фольклорной традиции на примере волшебных сказок с позиций исследования «языка вражды». К изучению «языка вражды» привели, с одной стороны, исследования в рамках лингвистического анализа различных видов экспрессивной лексики, с другой — развитие общей теории конфликта. В статье рассматривается лексический компонент конфликта, описаны семантические отношения внутри конфликтной ситуации, роль разных частей речи при создании конфликтной ситуации. Анализ проводится методом количественного контент-анализа. Выявлено, что лексика вражды играет роль морального обоснования непримиримой, антагонистической борьбы положительного героя. Понимание роли этого компонента позволяет в большей мере раскрыть мировоззрение народа через лингвокультурологический компонент.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, фольклор, конфликтотенная лексика, семантика, язык вражды

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы генезиса конфликта рассматриваются в рамках различных гуманитарных наук. Более того, история общественной мысли человечества была сопряжена с непрерывающимися попытками осмысления феноменологии конфликтных ситуаций в их широком многообразии. Откуда берутся войны, преступления, межэтнические распри — эти проблемы волновали человечество с незапамятных времен.

Собственная конфликтологическая компонента присутствовала не только в науке, но и иных эпистемологических системах — религии, мифологии, литературе. Развитие междисциплинарной методологии изучения конфликтов привело к формированию самостоятельного направления научного дискурса — конфликтологии, позиционируемой часто в качестве самостоятельной сферы исследований.

Герменевтическое направление общей философской переориентации на анализ языка обусловило в мировой науке с 1960-х гг. актуализацию разработок лексической конфликтологии, перерастающей в лингвоконфликтологию. В широкий научный оборот входит дефиниция «язык вражды» (англ. 'hate speech'). К изучению «языка вражды» привело, с одной стороны, исследование в рамках лингвистического анализа различных видов экспрессивной лексики, с другой — развитие общей теории конфликта. Различные предметные поля исследования феноменологии «языка вражды» разрабатывались впоследствии в трудах широкого ряда представителей зарубежных лингвистических и междисциплинарных школ: Б. Ванакера, К. Тиллмана, Б. Барнетта, Дж. Джошуа, Л. Заплеталовой, Д. Боромиза-Ха-

баши, Т. Ван Дейка, П. Тэйлора, Б. Ван Стакума, Т. Киннея, Б. Маллена, Д. Райс, Дж. Смита, Э. Вебер, Дж. Холландера, С. Бенеш, Д. Бринка, Дж. Дэниэлс, Ш. Тэйлор, К. Хаупта, А. Диаса, И. Иньиго-Мора, Т. Вебба, А. Рихтера, Я. Менгисту, Т. Джея, Р. Брауна, К. Фрэзера и др. Особое внимание в работах по проблематике «языка вражды» уделялось вопросам ксенофобии, культурных и иных дискриминаций, политических противоречий, проявлений ‘hate speech’ в пространстве массовых коммуникаций.

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ»

Для отечественной науки изучение «языка вражды» как самостоятельной предметной линии является сравнительно новым, формирующимся направлением. В его рамках в 1990—2010-х гг. обращают на себя внимание работы В.И. Жельвиса, И.Ю. Черепановой, Т.В. Воронцовой, С.А. Колосова, А.В. Денисовой, А.В. Евстафьевой, В.Н. Степанова и др.

Широкий диапазон исследований «языка вражды» затрагивает также и базовые тексты конкретных этносов, в которых в рафинированной форме представлено мировоззрение того или иного народа. К таким текстам можно отнести фольклор, а именно народные (не авторские) сказки.

Русский фольклор включает в себя большое количество сюжетов и образов, которые в метафорическом, а часто — гиперболизированном виде отображали социо- и лингвокультурную реальность общества и времени, в рамках которых они возникали и существовали. Поскольку окружающая реальность наполнена противоречиями и бинарными оппозициями аксиологического и этического характера, постольку в фольклорно-сказочной традиции эти антиномии отразились в полной мере. Содержание текстов многих сказок насыщено лексикой и фразеологией вражды в достаточно высокой степени, что характерно и для фольклора, и для эпоса практически всех стран и народов, нередко даже в большей степени, чем русского. В процессе литературной обработки в связи с необходимостью сохранения канвы сюжета и персонажей в текстах сказок сохранялись множественные мотивы и реминисценции первоначального содержания, включающие в себя резкие эмоционально-образные речевые конструкции, которые могут быть квалифицированы, а затем проанализированы в качестве «языка вражды». Однако подобная лексика в рамках фольклорной традиции обладает особой спецификой функционирования по сравнению с другими типами устной и письменной речи.

При всей первоначальной (без литературной обработки) резкости сказочных текстов в большинстве из них явно или скрыто присутствует нравственный конфликт или нравственное наставление. В русских сказках устойчиво варьируется ситуация противостояния и конфликта добра и зла, олицетворениями которого выступают герои и антигерои. В процессе развития сюжета они часто вступают между собой в диалоги, во время которых дают друг другу различные характеристики, где, собственно, и выражается их негативное, позитивное либо нейтральное отношение к собеседнику. Большое значение традиционно придается речи сказителя, создающего фон повествования и разворачивающего сюжет перед мысленным взором читателя/слушателя. Сами представляемые ситуации с уча-

ствием героев обретают нравственную окраску, хотя далеко не всегда словам и действиям сказителем дается эксплицитная оценка.

Общая типология русских сказок основывается на классификации сюжетов по разновидности действия [1] и включает в себя бытовые, волшебные сказки и сказки о животных. В рамках каждого типа присутствуют в большей или меньшей степени сюжеты, основывающиеся на конфликте персонажей — следовательно, в каждом из них можно отыскать вкрапления «языка вражды». Рассмотрим один из известных сказочных сюжетов на предмет наличия и выраженности конфликтной лексики, контекста ее использования и реализованных смыслов.

1. СКАЗКА «ЗАМОРЫШЕК» [2]

1.1. Сюжетный контекст: деятельность главного героя и его братьев, появившихся на свет сказочным образом, в поисках невест, соответствующих числу братьев — 41. Сказка изобилует фантастическими эпизодами — от чудесного появления на свет братьев из 41 куриного яйца, затем — укрощение главным героем волшебной кобылицы, наконец — конь, говорящий человеческим голосом, и пребывание в гостях у первоначально латентно отрицательного персонажа — Бабы-яги. На протяжении большей части сказки никаких признаков конфликтности не наблюдается, равно как и самого отрицательного персонажа. Конфликт обрисован и разворачивается ближе к концу сказки и предстает как достаточно спонтанное, случайное следствие затянувшихся поисков нужного количества невест для братьев главного героя — Заморышка. Конфликт вспыхивает в результате односторонних враждебных действий Бабы-яги.

1.2. Смысловая контекстуализация конфликтных речевых конструкций: скачкообразное проявление конфликтности в завершающей части сказки. Конфликт обрисовывается не столько при помощи специализированной «лексики вражды», сколько за счет образных описаний, лексическое наполнение которых почти не выходит за пределы нормативного общения.

Таблица 1

Конфликтные речевые конструкции в сказке «Заморышек»

№ п/п	Фраза или лексема вражды	Смысловой контекст
1.	незванные-непрошенные	Встречает их Баба-яга: — Ах вы, незванные-непрошенные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?
2.	кричать	Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напои-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.
3.	кричать, рубить, воткнуть	Закричала Баба-яга зычным голосом: — Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы. Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям Бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены...
4.	озлобиться, огонь (огненный щит), смерть (помирать)	Поутру встала Баба-яга, глянула в окошечко — кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда молодцам спрятаться? Впереди синее море, позади Баба-яга — и жжет и палит! Помирать бы всем...
Итого:	9 лексем, маркирующих конфликт	Общее число слов в контекстных фрагментах — 120. Общее количество слов в сказке — 863

1.3. Интерпретация с позиций исследования «языка вражды». Действия отрицательных персонажей в сказке «Заморышек» носят неспровоцированный характер и являются истоком конфликта, равно как и придают ему ту непримиримую форму, которая выражается в словах и действиях всех фигурантов разворачивающегося сказочного сюжета. В данном случае наблюдается употребление прилагательного «незванные-непрощеные» гости из уст негативного персонажа. Оно несет в себе не столько констатацию статуса, сколько априорное обвинение в адрес гостей, что провоцирует конфликт. Если исходить из текста сказки, то его оказывается достаточно, чтобы легитимизировать для Бабы-яги ее собственные действия.

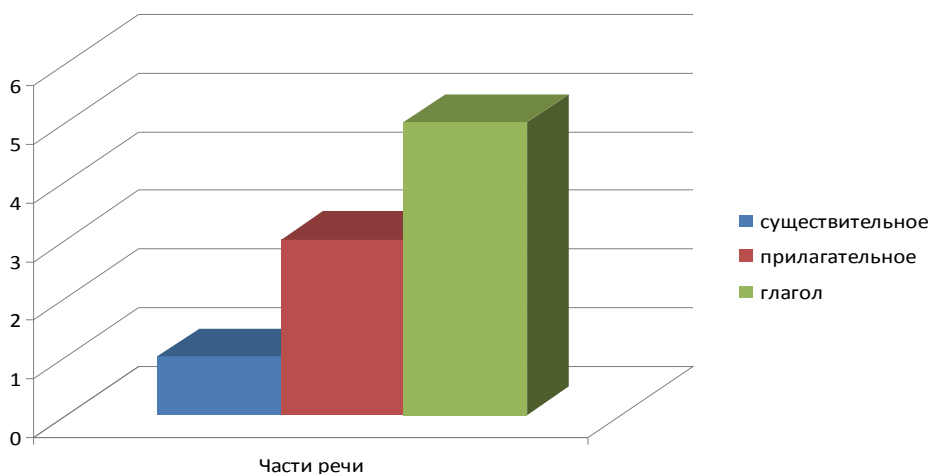
Положительные герои отличаются гораздо большей сдержанностью. Единственным высказыванием, которое они себе позволяют, является относительно нейтральный вопрос: «Чего кричишь?», что можно рассматривать как упрек в нарушении сакральных законов гостеприимства, но не более того. Причем конфликт может показаться исчерпанным после того, как хозяйка долг гостеприимства все-таки выполняет. После первоначального всплеска вербального конфликта следует его резкое сюжетное понижение.

Однако затем происходит следующий, гораздо более острый всплеск враждебности, в котором словесные формы являются только проектом действия. Если при встрече Баба-яга использует прилагательные для выражения своего недовольства, то во втором всплеске использованы глаголы, которые оказываются неразрывно связанными с немедленно последовавшими действиями.

Разрушительное враждебное действие — «рубите головы» — коррелирует с первоначальной отрицательной характеристикой — рубить головы следует *незванным* гостям. Сами положительные герои оказываются фактически свободными от главного негативного действия — головы дочерям Бабы-яги отрубили именно ее слуги и по ее приказу, поскольку дочери были переодеты в одежду гостей. Собственно же враждебное действие со стороны положительных героев заключается в глумлении над героем отрицательным — головы дочерей воткнуты на «железные спицы», по всей вероятности, как доказательство превосходства над противником, который своей неспровоцированной злобой наказал самого себя.

Последующие действия отрицательного персонажа оказываются логически обусловленными предшествующим и маркируются глаголом *озлобиться*, из чего вытекает стремление реализовать первоначальный замысел и уничтожить положительных героев — но теперь не с помощью хитрости, а с помощью волшебных артефактов, каковые также могут стать орудиями конфликта.

Примечательно, что благополучное спасение героев от гибели без уничтожения основного злодея в сюжете сказки выглядит как победа: «Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, Баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали». Объективно, первоначальные цели не достигнуты ни одним из фигурантов конфликта — Баба-яга не сумела уничтожить героев, тогда как братья не выполнили того намерения, ради которого уехали в странствия — они по-прежнему остались неженатыми. Тем не менее, конфликт завершен. Соотношение лексики конфликта по использованию частей речи выглядит в данной сказке следующим образом (рис. 1).

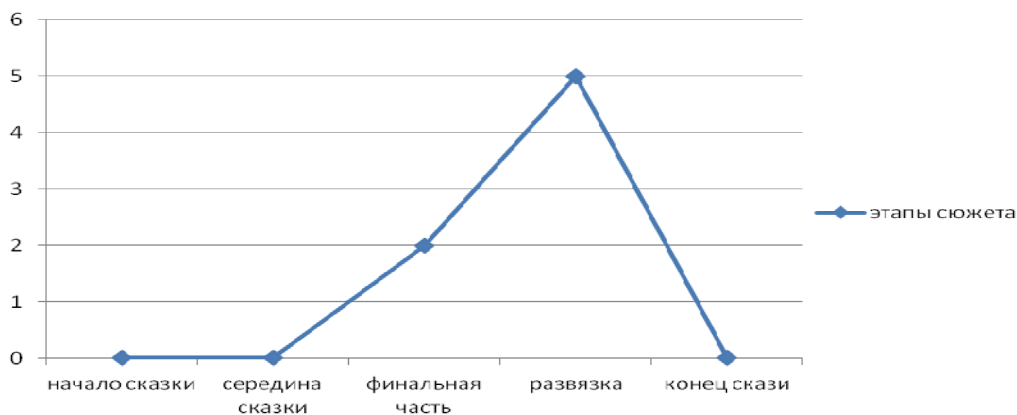
Рис. 1. Частота употреблений частей речи для маркировки вражды в сказке «Заморышек»

Таблица 2

Частота употреблений разных частей речи в сказке «Заморышек»

Части речи	Количество употреблений
Существительное	12
Прилагательное	10
Наречие	1
Глагол	23

ЭТАПЫ СЮЖЕТА

Рис. 2. «Пульсация» конфликта в зависимости от употребления конфликтной лексики по стадиям сюжета

Как видно, частотность употребления глагольных форм конфликтной лексики больше, чем любых других, и составляет в данном случае более половины использованных терминов для маркировки негативных эмоций и действий (5 из 9). Но ритмичность в этой сказке качественно иная — кульминация конфликта наступает ближе к финалу, а сам конфликт характеризуется гораздо меньшей темпоральной протяженностью. Но как закономерный исход враждебности здесь наблюдается «нанесение физических повреждений, несовместимых с жизнью».

Смещение лексики вражды к финальной части сюжета порождает усиленный эффект воздействия — Баба-яга начинает общение с ругательств, выражая свое неудовольствие от прибытия «незваных-непрощеных» гостей.

Таким образом, задается вектор вражды, предопределяющий последующую развязку. Враждебные действия гостей получают легитимацию превентивными враждебными высказываниями и действиями отрицательного персонажа. Хотя в данном случае положительные герои не претендуют на сотериологическую функцию в онтологическом масштабе — перед ними стоит гораздо более прозаическая задача — спасение собственной жизни. По всей вероятности, именно этим и объясняются как отсутствие инвективных определений в отношении отрицательного персонажа, так и «открытый финал», при котором главный и единственный отрицательный персонаж не подлежит уничтожению — предполагается, что наказание/возмездие уже осуществлено.

Так анализ языка вражды помогает выявить феномен соразмерности в действиях конфликтующих сторон. Уничтожение отрицательного персонажа не всегда является желаемой целью героев, о чем свидетельствует сюжетный контекст «языка вражды».

2. СКАЗКА «ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ» [2]

2.1. Сюжетный контекст: сюжет сказки построен вокруг одного из наиболее популярных не только в русском, но и в мировом фольклоре образов — судьба девочки-сироты после смерти матери. Сам конфликт представлен как противостояние кротости, мудрости и трудолюбия жадности, злобе и зависти. Данные негативные качества олицетворяют собой мачеха и две ее дочери.

Конфликт развивается на всем своем протяжении как односторонний. Он представляет собой не единственную сюжетную линию в сказочном тексте — ему предшествует рассказ о собственно сиротстве главной героини, а после исчерпания конфликта следует повествование о пост-конфликтной судьбе. Таким образом, собственно конфликт носит отчетливо «проходной» характер, в принципе биографический сюжет героини мог бы вполне состояться и без него. В таком случае встает вопрос о функциональном назначении конфликтного сюжета, помещенного к тому же в центр повествования. Ведь, как обосновано отечественными филологами и культурологами, в русском фольклоре каждый компонент играет свою, четко определенную роль [1]. Беспольных и излишних элементов в сказочном повествовании не бывает в принципе. Для понимания функционального предназначения конфликтных речевых конструкций обратимся к частотному анализу текста.

2.2. Смысловая контекстуализация конфликтных речевых конструкций: в отличие от рассмотренной выше сказки «Заморышек», конфликт в сказке «Василиса Премудрая» имеет более глубокое обоснование. Если образ Бабы-яги в различных сказках приобретает то отрицательные, то положительные черты, то образ мачехи, подвергающей падчилицу унижениям и стремящейся «сжить ее со свету», традиционен не только для русского фольклора — положительных образов мачехи мы не найдем ни в одной фольклорной традиции.

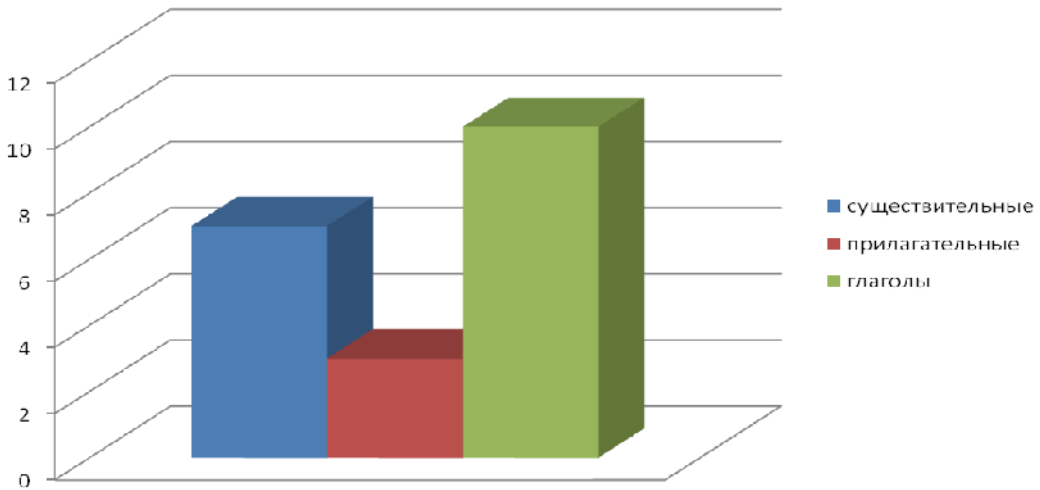
Конфликтные речевые конструкции в сказке «Василиса Премудрая»

№ п/п	Фраза или лексема вражды	Смысловой контекст
1.	мачеха, сестры, завидовали, мучили	Мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!
2.	злость, худела, дурнела	Мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости
3.	злая мачеха гонит...	Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света.
4.	злится, побои	Мачеха злится пуще прежнего, побоями вымещает зло на Василисе
5.	вытолкать...	Вытолкали Василису из горницы...
6.	человечьи кости, черепа, ужас	Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная.
7.	страшный шум	Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает.
8.	съесть	Поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем! Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем!
9.	убирайся от меня, вытолкала	Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных. Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота
10.	сжечь	Глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло
Итого:	20 лексем, обозначающих конфликт	Общее число слов в контекстных фрагментах — 226. Общее количество слов в сказке — 2336

2.3. Интерпретация с позиций изучения «языка вражды». По ходу развертывания сюжета становится очевидным, что импульсы вражды, проявляющиеся в лексической маркировке ситуаций, генерируются явно в одностороннем порядке. Их источниками является мачеха и ее дочери. В то время как главная положительная героиня — Василиса — вообще никак не проявляет своей конфликтной настроенности. Реплика по ходу повествования о том, что мачеха и ее дочери от злости «дурнели», показывает, что зло разрушительно прежде всего для себя самого, тогда как смирение оказывается лучшей защитой для героини наравне с материнским благословением. Добро в данном контексте вообще не конфликтует, оно просто действует в изначально заданном направлении, как будто не замечая деструктивной деятельности отрицательных героев, которые в конечном итоге наказывают сами себя. Негативные эмоции, вражда вообще маркируются при помощи преимущественно глагольных форм, в то время как прочие части речи по-прежнему играют заметно меньшую роль (рис. 3).

Вражда характеризуется преимущественно стремлением непосредственного нанесения физического ущерба исключительно со стороны отрицательных персонажей. В конечном итоге их конфликтная деятельность приобретает «эффект бумеранга», что также выражается использованием глагольных форм. Василису «вы-

толкали за дверь» — Баба-Яга «вытолкала Василису» — огненные глаза черепа «сожгли мачеху и дочек». Героиня самостоятельно не предпринимает никаких враждебных действий. После гибели отрицательных персонажей конфликт оказывается исчерпанным, сюжет сказки возвращается в тривиальное русло, судьба главной героини движется по восходящей линии.

Рис. 3. Частота употреблений частей речи для маркировки вражды в сказке «Василиса Премудрая»

Таким образом, возвращаясь к вопросу о функциональном предназначении лексики вражды в данной сказке, можно отметить, что ее предназначение — в демонстрации добродетелей главной героини, совокупность которых и является ключевым фактором жизненного успеха. Зло как бы проходит мимо нее и, в конечном итоге, обращается само на себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты анализа двух популярных русских волшебных сказок, можно прийти к следующим выводам.

1. В традициях русского сказочного фольклора «лексика вражды» присутствует как константа.
2. В различных сказочных сюжетах наблюдается различная ритмика употребления конфликтной лексики.
3. Развертывание конфликта инициируется в одностороннем порядке отрицательными персонажами. Их лексика выражает априорное неприятие жизни и добра, в то же время проявляя стремление к уничтожению.
4. Даже при маркировке отрицательных героев можно констатировать сравнительно низкий уровень использования терминов, которые бы указывали на имманентно негативную сущность — гораздо чаще отрицательная характеристика вытекает из действий. Это подтверждается соотношением используемых в качестве «лексики вражды» частей речи.

5. Общее соотношение числовых показателей конфликтной лексики и всей совокупности сказочных текстов оказывается приблизительно одинаковым.

6. Количество лексики вражды в русских сказках относительно невелико. Ее основное предназначение — явно дидактическое и призвано показать разрушительность вражды как таковой.

Соответственно, «лексика вражды» играет роль морального обоснования непримиримой, антагонистической борьбы положительного героя. Понимание роли этого компонента позволяет в большей мере раскрыть мировоззрение народа через лингвокультурологический компонент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Пропн В.Я.* (2002). Исторические корни волшебной сказки [*Propp V. Ya. Historic roots of magic fairytales*]. Москва: Лабиринт.
- [2] URL: <http://www.tale-store.ru/russkie-narodnye-skazki>.

THE VERBAL CONFLICT IN RUSSIAN FAIRY TALES

P.N. Khromenkov

Moscow State Regional University
Radio str., 10 a, Moscow, Russia, 105005
geleiter@mail.com

Deep understanding of folklore is necessary for representation of a language world picture, properly, the language picture of the Russian world. The article is devoted to the analysis of Russian folklore tradition by the example of magic fairy tales from positions of ‘hate speech’ research. Studying of ‘hate speech’ has resulted, on the one hand, from researches within the framework of the linguistic analysis of various kinds of expressive lexicon, on the other — development of the general conflict theory. In the article the lexical component of the conflict is examined, semantic relations inside a conflictogenous situation, role of different parts of speech are described. The analysis is carried out by a method of the quantitative content-analysis. It is revealed, that the lexicon of enmity has a role of a moral substantiation of irreconcilable, antagonistic struggle of the positive character. The understanding of a role of this component allows opening to a great extent people outlook by linguocultural component.

Key words: linguoconflictology, folklore, conflict lexicon, semantics, hate speech

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

П.Ю. Повалко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
polina.povalko@gmail.com

В статье рассматриваются категории пространства и времени в развитии — от сугубо философских понятий до явлений литературоведческого и лингвистического характера. При описании понятия пространства-времени как категории художественного текста в статье выделяются и характеризуются его основные функции: онтологическая, антропоцентрическая, прагматическая, эстетическая, сюжетобразующая, символическая, которые являются декомпозицией ключевой функции хронотопа, а именно — смыслообразующей. Предложенная функциональная декомпозиция требует актуализированного подхода к языковой репрезентации хронотопа, к иерархии языковых средств.

Ключевые слова: хронотоп, категории пространства и времени, функции хронотопа, смыслообразующая функция хронотопа, смыслообразование, художественный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Классическая философская наука рассматривала пространство и время как категории, независимые друг от друга и от происходящих в них процессов. Такое представление легло в основу субстанциальной концепции (Демокрит, Эпикур, Исаак Ньютон). Так, в учении И. Ньютона развитие получило представление о самостоятельном и независимом существовании пространства и времени. Ньютон выдвинул понятие «абсолютного пространства» и «абсолютного времени». Такое представление опиралось на геометрию Евклида и соответствовало законам классической механики.

Создание в XX в. теории относительности, развитие представлений о метрических свойствах пространства-времени, привели к кардинальной перестройке существовавшей концепции. Оказалось, что признанные классическими субстанциональные представления о пространстве и времени не окончательны и не универсальны. В рамках новой парадигмы, которая получила название реляционной, пространство и время рассматривались как системы отношений между взаимодействующими объектами. Данная концепция описывала пространство и время связанными друг с другом, образующими единый пространственно-временной континуум. В научный оборот было введено новое понятие «пространства-времени» как единой формы координации явлений.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Интерес к изначально сугубо философским категориям пространства и времени как к явлениям и лингвистического характера приобрел широкое распространение в научной литературе XX в. В первую очередь это было связано с так

называемым структурно-лингвистическим поворотом — своеобразной «золотой серединой» между бытием и ничто, материей и духом, объектом и субъектом или между онтологией и гносеологией, эмпиризмом и рационализмом» [6. С. 70]. Здесь ключевыми понятиями отныне стали: отношение, структура, функция, деятельность, язык, текст, организация, знак, дискурс, смысл, логос и т.д. Поэтому известная гипотеза Сепира—Уорфа о лингвистической относительности, в основе которой лежит идея о том, что «...язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения имеют оценочность и складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка» [12], изменила статус категорий пространства и времени, условно переведя их из исключительно философской плоскости в лингвистическую и литературоведческую.

Особую важность для исследования пространства и времени представляет понятие хронотопа, разработанное М.М. Бахтиным. Под хронотопом понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1. С. 234]. М.М. Бахтин указывал на то, что и художественно-литературный образ, и язык произведения в своей основе хронотопичны. Ученый показал необходимость принятия во внимание хронотопов автора произведения и слушателя-читателя.

Позднее пространство как самостоятельная категория вновь заняло место в исследованиях ученых, плодотворно разрабатываясь как в отечественной, так и зарубежной науке. Это видно, в частности, в работах и Тартуской (Ю.М. Лотман и др.) и Московской (В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Т.М. Николаева и др.) семиотических школ, представители которых соединили изучение структуры текста с изучением структуры пространства.

Лотман определяет художественное пространство в литературном произведении как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие», выделяя при этом несколько его подтипов: «волшебное и бытовое, внешнее или внутреннее». При этом «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [7. С. 264].

О пространственно-временном континууме говорил и Гальперин, который понимал его как единство пространственного и временного планов, «нерасчленимый поток движения во времени и пространстве» [4. С. 87]. Ученый отмечает, что континуум как категорию художественного текста можно представить в виде определенной последовательности фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, при этом отмечая, что «развертывание событий протекает не одинаково в разных типах текстов». Кроме того, в своих работах Гальперин предложил систему текстообразующих категорий, выделив в их составе категории содержательные и формально-структурные, при этом он подчеркивал их взаимообусловленность. Среди текстообразующих категорий ученый отмечал и континуум — логическую последовательность, темпоральную и пространственную взаимосвязь.

В.Н. Топоров в своих исследованиях акцентирует внимание на разграничении бытового, научного (ньютонического) и мифопоэтического понимания простран-

ства. Работы ученого явились своего рода стимулом для изучения пространства как текста (или «текста пространства»). Также в сферу научных интересов В.Н. Топорова входило и исследование связи природного и культурного начал, их «макроконтекст», в котором встреча «духовно-физических» и «великих» текстов культуры порождает духовные ситуации «высокого напряжения».

В научных трудах Д.С. Лихачева мы находим продуктивное понятие «концептосфера», рассматриваемое как совокупность сгустков понятий, концептов, образов и мотивов, из которых складывается художественный мир писателя, в котором, несомненно, пространство и время, хотя бы как семантические примитивы [3. С. 53], занимают ведущее положение.

В современной науке отмечается усложнение концепции пространства-времени. Предметом пристального внимания лингвистов являются типы пространственно-временных отношений (М.Ю. Лотман, И.Р. Гальперин, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А.Ф. Папина, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин и др.), формирование параметров хронотопа в процессе идентификации и самоидентификации отдельных культур (Д.С. Лихачев, В.Н. Топоров, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Е.С. Яковлева, И.И. Свирида, В.П. Руднев, С.М. Белякова, М.Н. Закамуллина, В.И. Бессуднова, Н.К. Фролов и др.), ключевая роль пространства-времени в процессе реконструкции авторского концептуально-смыслового плана и при организации текстовой структуры в целом (Ю.М. Лотман, Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева, Л.Г. Панова, Ю.Д. Тильман, Д.А. Щукина, Т.Е. Яцуга и др.).

ФУНКЦИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Понятие пространства-времени широко используется исследователями и при анализе художественного текста: и время, и пространство служат конструктивными принципами организации литературного произведения.

Образуемая категориями пространства и времени система моделирует повествование в художественном тексте, обеспечивает целостное восприятие художественной действительности, организует структуру произведения и, что немаловажно, формирует художественный смысл. По Бахтину, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1. С. 406].

Однако смыслообразование, как функция хронотопа высшего порядка, требует определенной декомпозиции. На наш взгляд, следует рассматривать и такие функции хронотопа, которые работают на ключевую смыслообразовательную функцию, но могут и должны рассматриваться отдельно. То есть, являясь функциями, обеспечивающими смыслообразование конкретного художественного текста, они фактически и формируют значение хронотопа в различных его конфигурациях.

Первой такой функцией является **онтологическая**. Почему? Именно в хронотопе закодирована «модель мира», представленная автором. И, по точному утверждению Л.А. Ноздриной, хронотоп позволяет: «правильно декодировать зашифрованную в тексте „картину мира“ автора и, таким образом, позволяют художественному тексту осуществлять одну из важнейших задач искусства — быть средством познания» [8. С. 15].

Второй функцией, напрямую связанной с первой, может быть названа **антропоцентрическая** функция категорий пространства-времени.

М.М. Бахтину принадлежит антропоцентрическая концепция хронотопа художественного текста: 1) мир (модель пространства и времени) изображен извне, как окружение героя и 2) мир (модель пространства и времени) изображен изнутри как душевно-духовная сфера, включающая в себя намерения, мысли, чувства. Соглашаясь с подобным подходом к анализу текста и хронотопа и выделяя антропоцентрическую функцию категорий времени и пространства как определяющую художественный смысл, мы конкретизируем направление исследования для категорий времени и пространства в конкретном художественном тексте.

Тесно связан с антропоцентрической функцией текста и хронотопа так называемый прагматический аспект, о котором писал Лотман: «В действительности же прагматический аспект — это аспект работы текста, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне. Будет ли это „извне“ — другой текст, или читатель (который тоже «другой текст»), или культурный контекст, он необходим для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность. Поэтому процесс трансформации текста в читательском (или исследовательском) сознании, равно как и трансформации читательского сознания, введенного в текст (по сути, мы имеем два текста в отношении „инкорпорированные — обрамляющие“ (...), не искажение объективной структуры, от которого следует устраниваться, а раскрытие сущности механизма в процессе его работы» [7. С. 67].

Из вышеизложенного очевидно, что прагматический аспект текста порождает **прагматическую функцию** художественного текста. Для нас же это означает, что и отдельные категории художественного текста могут быть исследованы в прагматическом аспекте: то есть могут быть проанализированы с точки зрения реализации прагматической функции.

Текст, как и отдельная категория текста, может быть реализован в эстетике. Такая реализация предполагает наличие следующей функции текста, а, значит, и категорий времени и пространства: **эстетической**. Почему? В определениях сущности эстетической функции используется понятие трансформации (В.И. Заика): в художественном произведении эстетико-познавательная функция трансформирует все другие функции языка, преломляя их в желаемом направлении (И.Р. Гальперин), эстетическая функция — «образно-эстетическая трансформация средств общенародного языка» (В.В. Виноградов), при помощи языка осуществляется «творческая трансформация обычного предмета действительности в особый художественно моделируемый предмет» (Л.А. Новиков), поэтическая функция языка проявляется во внутреннем перерастании языковой семантики в поэтическую (С.Т. Золян). И, если «художественный текст любого типа — это продукт эстетической реализации языка» [5. С. 111], то, очевидно, что одна из смыслообразующих функций категорий времени и пространства — эстетическая.

Давно ставшее классическим высказывание М.М. Бахтина, что время и пространство «являются организационными центрами основных сюжетных событий романа», предполагает наличие **сюжетообразующей** функции. Именно сюжето-

образующая функция хронотопа наиболее полно изучена отечественной филологической школой. Анализу ее реализации в художественном тексте посвящены работы М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.Б. Храпченко, Н.М. Лейдерман, Б.Н. Эйхенбаума, Г.Н. Поспелова, З.Я. Тураевой, Н.Ф. Ржевской, Н.К. Гея, З.Я. Минц и мн. др.

Последняя из выявленных нами функций — **символическая**. Наиболее полные научные изыскания (от идеи до реализации в культуре и тексте, как проекции культурного пространства) в отношении символической функции представлены в трудах А.Ф. Лосева, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова.

Таким образом, обозначенные функции категорий пространства-времени — онтологическая, антропоцентрическая, эстетическая, сюжетобразующая, символическая — работают на создание смыслов в художественном тексте, а значит, реализуют основную функцию хронотопа — смыслообразующую.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРОНОТОПА

Реализация смыслообразующей функции категорий пространства-времени средствами языка являлась предметом изучения представителей различных семантических школ (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, И.В. Галактионова, А.А. Зализняк, М.С. Исмаилов, М.А. Кунижев, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева, др.).

Однако предложенная нами функциональная декомпозиция требует актуализированного подхода к языковой репрезентации хронотопа, к иерархии языковых средств.

Понимание иерархии языковых средств (в т.ч. языковых средств конкретных текстовых категорий) напрямую связано с пониманием (определением) структурной лингвистики как научного направления и структурным методом как способом лингвистического анализа. Представляется важным уделить особенное внимание тем исследовательским идеям в области структурной лингвистики, которые наиболее полно отвечают цели анализа языковых средств выражения категорий времени и пространства в художественном тексте.

Один из основоположников практического применения методов структурного анализа в лингвистике Эмиль Бенвенист определял уровни языка и иерархию этих уровней следующим образом: любая языковая единица становится воспринимаемой лишь тогда, когда она может быть идентифицирована в единице более высокого уровня, фонема — в слове, слово — в предложении. Предложение, которое уже не может быть включено так называемое единство другого типа, является порогом, «высшим уровнем» для языка как иерархической системы.

Из всего этого, по мысли Бенвениста, следует, что данный, «высший» уровень не является чем-то внешним по отношению к анализу: он входит в анализ; уровень и есть способ анализа. Для понимания основных направлений анализа языковых единиц, согласно идее ученого, важен следующий постулат: «Форма языковой единицы определяется как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня» [2. С. 130].

В русской лингвистической школе ученым, развившим идеи Бенвениста, стал Ю.С. Степанов. Новаторство его работ связано с проработкой функционально-семиологического подхода к изучению языковых единиц. То есть языковая единица рассматривается не только по принадлежности уровню в иерархии, но и по функциональному назначению.

С точки зрения семантической парадигмы Степанов рассматривает язык как совокупность имен вещей, открывающих путь к познанию сущностей. Три основные черты этой парадигмы: а) понятие имени служит исходной точкой; б) доминирует понятие сущности, в) понятия имени и сущности сопровождаются понятием иерархии.

Основная, вторая парадигма, по мысли Степанова, — синтаксическая, или «философия предиката». Синтаксическая парадигма для Степанова — это прежде всего явление «семантического согласования» между предикатом и субъектом предложения, как языковой единицы высшего уровня, и исследование этого явления.

Наконец, третья, прагматическая парадигма, которую рассматривает Степанов, или «философия эгоцентрических слов». Эта парадигма отличается от предыдущих в следующих отношениях: 1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с «Я»; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения — все теперь рассматривается как функции разного рода.

Языковые единицы (они же — языковые средства в художественном тексте), соответственно, реализуются и рассматриваются как функции по представленным парадигмам — номинация, предикация, локация, но не только. Степанов в своей статье о Бенвенисте выделяет основной принцип анализа языковых средств в формате парадигм и их взаимодействия: «Каждое анализируемое явление исследователь стремится поставить в две линии соответствий — с одной стороны, в ряд „языковых категорий“, что у Бенвениста всегда оказывается связанным в той или иной степени с содержательным, семантическим анализом, с другой стороны — в ряд „синтаксических функций“, что в понимании Бенвениста приближается к формальному анализу» [10. С. 9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подход в лингвистическом анализе, при котором языковые средства выражения могут быть рассмотрены с точки зрения их функционирования в парадигмах, позволяет нам не только обнаружить формат взаимодействия парадигм на «высшем» уровне иерархии в конкретном художественном тексте, но и осуществить семантический и синтаксический анализ отдельных категорий художественного текста, в том числе — категории пространства и времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бахтин М.М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе [Bakhtin M.M. Forms of time and of the chronotope in the novel]. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература. С. 234—407.
- [2] Бенвенист Э. (1974). Общая лингвистика [Benveniste É. Problèmes de linguistique générale]. Москва: Прогресс.

- [3] *Вежбицкая А.* (2001). Понимание культур через посредство ключевых слов [*Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words*]. М.: Языки славянской культуры.
- [4] *Гальперин И.Р.* (2006). Текст как объект лингвистического исследования [*Galperin I.R. Text as an object of linguistic study*]. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига.
- [5] *Заика В.И.* (1998). Эстетическая функция языка и категории художественного текста [*Zaika V.I. The aesthetic function of language and categories of literary text*] // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе / Отв. ред. Т.Г. Рамзаева СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена; изд-во «Сударыня». С. 111—113.
- [6] *Кутырев В.А.* Крик о небытии [*Kutyrev V.A. Cry for nothingness*] // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66—79.
- [7] *Лотман Ю.М.* (2002). Текст в тексте [*Lotman Yu.M. The text within the text*] // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект.
- [8] *Ноздрина Л.А.* (2009). Интерпретация художественного текста [*Nozdrina L.A. The interpretation of a literary text*]. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. Москва: Дрофа.
- [9] *Степанов Ю.С.* (1985). В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [*Stepanov Yu.S. The three-dimensional space of language*]. Москва: Наука.
- [10] *Степанов Ю.С.* (1974). Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [*Stepanov Yu.S. Emil Benvenist and Linguistics in the way of reforms*] // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: «Прогресс». С. 5—16.
- [11] *Топоров В.Н.* (1983). Пространство и текст [*Toporov V.N. Space and Text*] // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Цивьян Т.В. Москва: Наука. С. 227—285.
- [12] Словарь гендерных терминов (2002). [Dictionary of gender terms] / Под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информация XXI век.

SPACE AND TIME AS THE CATEGORIES OF A LITERARY TEXT

P.Yu. Povalko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
polina.povalko@gmail.com

In the article the evolution of the categories of space and time is considered, from purely philosophical concepts to literary and linguistic phenomena. The idea of space and time as the categories of a literary text is described with the definition and characterization of their main functions: ontological, anthropocentric, pragmatic, aesthetic, story forming, symbolic, which are decomposition of chronotope's key function, specifically, sense-making. The decomposition of chronotope's sense-making function as described in the article requires the new approach to language representation of space-time category and linguistic means ranking.

Key words: chronotope, time and space categories, chronotope's function, sense-making function, semantics, literary text

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕНТРАТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Файе Фату Диоп

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
faya2010@mail.ru

В статье рассматривается иерархическая система лексических концентраторов содержания текста, которые будучи частью ЛКМ автора, формируются в процессе творения текста, отражая, с одной стороны, языковую личность автора, а с другой стороны, относятся к творимым автором текста возможным мирам. В этом смысле лексические концентраторы содержания текста синергичны и склонны к саморазвитию в процессе творчества.

Ключевые слова: лексические концентраторы, лингвокультурный образ, лингвокультурная универсалия, лингвокультурная картина мира, текст, информационная насыщенность, интерпретационное поле

ВВЕДЕНИЕ

Лексические концентраторы занимают важное место в иерархической системе содержания текста. Поэтому необходим анализ их функционирования.

Иерархическая система подразумевает несколько иерархических рядов.

Если попытаться выстроить наличествующие в тексте концентраторы лингвокультурных смыслов в логической последовательности, то получится следующий недетализированный иерархический ряд: ЛК-универсалия → ЛК-образ → ЛКМ (лингвокультурная картина мира).

В означенном ряду ЛК-образ занимает промежуточное место между ЛК-универсалией и ЛКМ. ЛК-образ — это уже не универсалия, но еще не картина мира.

Понимание ЛКМ как динамичной системы ЛК-образов и представлений, определяющих поведение персонажей художественного текста, позволяет связать отдельные ЛК-образы текста не только с ЛКМ данного текста и сопутствующей ЛКС конкретной исторической эпохи, но и со всей ЛКМ этноса, социальной группы, отдельной языковой личности, с их лингвокультурой в целом.

Эти ЛК-образы, объективируемые в лексическом пространстве текста, служат отражением определенных фрагментов целостного этнического ЛК-образа мира, реализуемых в семантике возможных *миров*, в различных типах дискурсов, в различных культурных кодах. Согласно данным «Философского словаря» [10. С. 375], картина мира целиком определяет своеобразие восприятия и интерпретации любых событий и явлений, служит фундаментом действий человека в мире.

Лингвокультурологический подход предполагает принципиальную неразграниченность для нашего сознания лингвистических и энциклопедических знаний; фильтрующая информацию роль ЛКМ обнаруживает себя в управлении поведе-

нием человека, своим и чужим, в рефлексии и саморефлексии. По словам Л.С. Выготского, «сознание есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. И в этом его положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, то есть субъективно искажать действительность в пользу организма» [2. С. 347].

Формирование всех структур мозга человека, и древних, и новых, под влиянием его потребностей, мотивационной сферы стало предметом внимания ученых-специалистов по нейронаукам, интересующихся когнитивными проблемами [4].

Если рассматривать контекст в широком лингвокультурологическом плане, как среду бытования языка и его единиц, связь лингвистических и энциклопедических знаний становится еще более очевидной. По словам М. Бахтина, «слово нет забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [1. С. 418].

Эта память слова отчетливо выступает в случаях рефлексии специалиста, профессионально работающего со словом. Приведем фрагмент переписки Л.К. Чуковской с поэтом Д. Самойловым: «Я старше Вас на 15 лет, и потому дореволюционное словоупотребление помню, а Вы знаете его только из книг и допускаете некоторые невозможности. Так, например, слово „*переживать*“ не употреблялось так, как употребляет его Алевтина; переживать можно было и горе, и радость, оно употреблялось всегда с дополнением („Я пережил потрясение, счастье, смерть отца“ это только теперь „она так переживает“ значит: расстраивается, волнуется, огорчается: „Она переживает, что ее сын провалился“, „Как? Ваша жена еще переживает?“ и т.д. Это современное мещанское выражение — уже повсеместное — а не тогдашнее... было: „это человек *обязательный*“ в том смысле, что положиться можно, а вместо теперешнего „*обязательно*“ было непременно... не говорили „*представляете*“ без „себе“, если без — то „вообразите“; не говорили „к *примеру*“, но только „*например*“. Тут можете мне поверить на слово... Слово гардероб не значило тогда шкаф для платья (он назывался „*платьяной шкаф*“ или „*зеркальный шкаф*“), а гардероб — это было *самое платье*, то есть вся ваша одежда в совокупности: „мой гардероб весьма скуден, убог или богат“. Кроме того, слово „*забрать*“ означало отнять, отобрать насильно или арестовать: „его забрали“. А сейчас стали говорить: „я забрал свою шапку“ вместо „взял“. Приведенные фрагменты иллюстрируют действие в языке не только собственно лингвистических закономерностей (расширение значения, метонимический перенос по пространственной смежности, семантическое стяжение и др.), но и общих тенденций к стилистическому снижению, опрошению и даже, согласно авторской рефлексии, „омещаниванию“ языка, к отходу от норм интеллигентной речи. Показательно, что разговорное „к примеру“ проникает даже в научные тексты начинающих лингвистов-исследователей. Об активном влиянии историко-культурной среды на осмысление слова свидетельствуют и целенаправленные, от-рефлектированные явления произвольной этимологизации: *Аэроплан* — наркотик,

продаваемый в самолетах. *Галстук* — информатор в галстук. *Гейша* — завязавший со своей нетрадиционной ориентацией. *Джек-пот* — *Джек-Потрошитель* на наших улицах. *Лишайник* — член комиссии по делам несовершеннолетних. *Муфтий* — слесарь по трубам. *Пролетарий* — прогоревший бизнесмен. *Страхование* — просмотр фильма ужасов. *Феномен* — мужчина, пользующийся феном. *Штукатурка* — Турецкая тысяча» [8. С. 77].

Кроме того, с номинацией реалии в разных языках связаны различные ассоциации со словом в зависимости от условий культуры, быта, географии и т.д., и это различие в номинативной деятельности отчетливо обнаруживают явления лакунарности. Например, в случаях видо-родовых замен в языке перевода, не располагающем однословными номинациями для передачи дифференциальных признаков лексического значения слова исходного языка. Ср. фрагмент текста Н.В. Гоголя: «бережлива старушка, и *салону суждено* пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться племяннице внучатой сестры...». Подчеркнутая номинация переводится на немецкий язык словом “Mantel”: 1. Пальто, плащ, шинель.

Как видим, здесь не отмечена и утрата ассоциаций, связанных со словом русского языка, в связи с изменением историко-культурного контекста. По словам Л. Перловского, английское слово «прайвэси» (privacy) трудно перевести на русский язык, потому что оно содержит концепцию, почти не существующую в русской культуре — концепцию человеческой личности, независимой от других людей, государства и социальных институтов» [5. С. 222].

И если «инстинкт к знанию соединяет концепции мысли с предметами и действиями», то мысль безусловно имеет для человека смысл и он «хочет выразить мысль словами... Например, русский человек, мысля о национальной гордости, говорит: «русский дух, Евразия», а слушающий воспринимает эту мысль как «Порабощение стран Восточной Европы». В этом примере у говорящего и слушающего различный жизненный опыт и одна фраза вызывает различные эмоции и имеет для них различный смысл» [5. С. 227].

Различие в типах ментальности этносов может проявляться и в эмоциях героев художественного текста по поводу словоупотребления оппонента, в разных стратегиях обращения к слову-маркеру автора и персонажа, в нарушении принципа толерантности в межкультурном взаимодействии: «Все было не по ней, все не так: и зачем Танечка чад напускает на кухне, если можно сходить поужинать в ресторан, почему *получку отбирает* у супруга вплоть до последнего *цента*, и как она *смеет говорить* про него — козел...» (В. Пьецух. Три рассказа) [7].

Разные ассоциации могут быть связаны со словом и у носителей одного языка, в зависимости от их духовного облика, субкультуры, групповой принадлежности и становления значения в онтогенезе. Так, сходные с отмеченными выше различиями в межкультурной коммуникации признаки становятся дифференцирующими значения слов в детской речи, в диалогах со взрослыми:

- *Хлеба хочешь?*
- *Да.*
- *Тебе корочку?*
- *Нет, хлеба.*

Или разожгли костер:

— *Это огонь или пожар?*

— *Это костер.* (Про себя уточняет: «Нет, это не огонь и не пожар, а костер»).

Другой диалог:

— *Наденешь шапку?*

— *Нет, шапку.*

Спустя некоторое время: *А шапка, что ли, тоже шапка?*

Современная языковая личность может принимать или не принимать внешние и внутренние заимствования, более того, они привлекают внимание говорящих как слова-сигналы определенного времени, слова-хронофакты. Так, индивидуально-авторские ассоциации обнаруживает лексическая структура рассказов В. Пьецуха, дающего в подстрочнике толкование тех ассоциаций, которые слово вызывает: «Переворот этот заключался в том, что ничего не стало стыдно — ни голого меркантилизма, ни жестокости, ни тяги к подлым удовольствиям, не говоря уже о том, что стало не стыдно не знать простых истин».

Здесь можно говорить и о мире ЛК-образов как отражении образа или ЛКМ (автора и персонажа) в связи с их персониферой, семантикой имен собственных и заглавия текста.

Таким образом, даже элитарная языковая личность не только оказывает влияние на среду обитания, но и испытывает обратное влияние этой среды: еще Л.С. Выготский знал, что регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности [2. С. 321].

Информационная насыщенность слова и лексической структуры текста выступает следствием обработки его единиц разными типами дискурсов и отраженных в них функциональных стилей, а следовательно, разными типами мышления, знания, наборами значений и смыслов, связанных с различными ситуациями деятельности и коммуникации.

Так, рождение окказионального термина «монодиалолил» в прозе В. Аксенова связано с обусловленностью текстового фрагмента научно-популярным стилем и жанровыми особенностями лекций, прочитанных для американских студентов. Текст требует активности адресата в постижении авторского мнения о философском содержании терминов «материализм», «идеализм», «реальность». Пример монодиалолила из прозы В. Аксенова: «— Когда вы говорите „из ничего“, вы, должно быть, не имеете в виду полнейшую пустоту? Конечно. Катаев прав — ведь пустоты не существует, ведь мир же *материален*. Вы помните, он приводит надпись на памятнике Канту, появившуюся сразу после взятия Кенигсберга: «Теперь ты видишь, Кант, что мир материален». Однако мне кажется, что у господина Катаева сквозь продуманный *материализм* просвечивает стихийный *идеализм*... Но почему же? *Ведь фантазия художника — это тоже реальность*. Фантазия, быть может, не менее реальна, чем шелест листьев. Простите, но это более таинственное явление, более или менее, не правда ли? Вы шутите, сэр? О нет, я иногда полагаю, что реальные явления, окружающие нас, такие, как закат, течение рек, камни, птицы, песок, не *менее таинственны, чем фантазия*.

Общекультурную значимость разных видов информации, замыкающейся на слове, обнаруживает диффузность и энциклопедичность семантики идентифицирующих слов, прежде всего конкретных имен, имен собственных, синкретичность значения которых делает их неудобными для проведения семного анализа, но благодатным объектом анализа концептуального, культурологического.

Культурная составляющая находит свое воплощение и в реалиях обыденного сознания, преломляемых в именах собственных как в художественных текстах, как и текстах языка практического. Пример прослеживается в объяснении названия языческого праздника в газете «Аномалия»:

«Купала — праздник летнего солнцеворота.

Летний солнцеворот, макушка солнечного лета, самое красивое время года, носит на Руси емкое имя — *Купала*. *Купала* вмещает в себя такие понятия, как „купать“, „купель“, связанные с купанием, как и „купу“, „купину“ — большой сбор, ведь на этот праздник собирается много народа. В других славянских странах этот праздник носит название „собутка“, что несет в себе тот же смысл. В это время зерно скупляется в колосья, накапливает энергию. По народной молве, дети, зачатые на *Купалу*, рождаются здоровыми, красивыми и добрыми» (Аномалия, № 12 (120), 2009).

Рассмотрим следующий текст:

Redя

Мой кот по кличке Redя —

Желтый, как пустыня,

Он никому не вRedен,

Лишь хомяку противен.

Он Кеако хулиганит,

Царапается Redко,

Он дремлет на диване,

Как сытый рысь на ветке.

За нрав смиренный, Redий,

За Redкую породу,

За цвета меди морду,

Он носит имя Redька.

МатвейфМишталъ.

(ДЖД, май, 2008. № 582)

Имена собственные, как видим, будучи ключевыми словами текстового фрагмента и текста в целом, организуют его ассоциативно-семантическое поле, передающее фрагмент ЛКМ и авторскую концепцию одного из возможных миров, формирующих образный уровень текста, и выполняют в нем не только жанров (рассказ) и стиле образующую функцию, но и сюжетообразующую. Это относится к текстам языка не только практического, но и к художественной речи, где композиционно-стилистическая функция имен собственных особенно очевидна:

Почтеннейшая публика, предлагаю вашему вниманию новый аттракцион! Выступает девица собачьего племени Фенемпа Дикая!!! (Речь идет об аттракционе в вагоне метро, придуманном для заработка пенсионером Василием Степановичем)... А почему Дикая? Не намек на то, что Феня пришла из дикого собачьего племени. И тем более — не воспоминание об актере Диком, который когда-то играл в кино самого Сталина. Дикая она стала в честь Дика, ведь это Дик (пес) ее

нашел когда-то беспомощной малюткой, а не нашел бы — не было бы выступлений в метро, поздних возвращений, пьяного в Таврическом пруду (топоним создает иллюзию достоверности происходящих в повести событий, служит одним из сигналов художественного хронотопа), паралича задних лап... Вот так в жизни все цепляется одно за другое. Но пассажирской публики это решительно не касалось.

(М. Чулаки. Атракцион).

В иерархической структуре культурных ценностей этические нормы, действующие в культуре, признаются одним из важнейших критериев различения картин мира в тех или иных субкультурах (об этом уже частично шла речь в предшествующем изложении). Борьба за свою этическую позицию, свою ЛКМ порождает коммуникативную стратегию самообороны, особенно в условиях бытового, семейного и т.п. конфликтного общения, где несдерживаемая эмоция получает непосредственное выражение. Ср. фрагменты из бесед в транспорте: очень полный пожилой мужчина уступает место женщине, а та сажает свою больную внучку. Мужчина негодует, стыдит девушку. Бабушка: «Ксюша, уступи место человеку, а то ему скоро в декрет идти, он стоять не может»; в ответ на замечание пассажира «Вот поэтому они (молодежь) и садятся нам на шею» звучит реплика: «Вам это не угрожает. Садятся на умную голову». У каждой стороны своя правда, и отсутствие толерантности к ценностям другого рождает взаимное непонимание, речевую агрессию.

Культурные смыслы, утверждающие определенные этические ценности, возникающие в случаях необычных сочетаний слов или иронического использования языковых стандартов, в явлениях текстовой семантизации слова, особенно разнообразны в художественных текстах, их образной системе. Так, для выражения нетривиальной концепции автор может возвращаться к зародышу ЛК-универсалии, стоящей за словом, к ее первоначальному, буквальному и синкретичному смыслу, раскрывая содержание ключевого слова-номинации художественного текста.

Для текстовой семантизации ЛК-универсалии задействованы и стандартные причинно-следственные связи (потеря — безразличие), и вся совокупность лексикосистемных связей (от родо-видовых в передаче различных видов состояния персонажа до метонимических, связанных с перенесением особенностей восприятия мира на его реалии, и антонимических; а также связи синтагматические — формула спокойствия, безразличия с метафоризацией состояния отчуждения — и ассоциативно-деривационные), и рефлексия над словом, и указание на тему фрагмента как элемент его композиционной структуры, но апелляция к гендерному аспекту, к препозициям в характеристике мотивацией на уровне самосохранения.

Разнообразные культурные смыслы, включая и этические, просматриваются в лексической структуре художественных текстов других авторов. Так, интерпретации подвергаются культурные традиции, особенности ментальности современника, его словоупотребление, его связь с типом дискурса и статусом личности, научные термины, расширяющие набор своих концептуальных признаков и утрачивающие однозначность и точность смысла при перенесении их в иностилевую среду: «А какие у людей были *подробные отношения*. Из-за того, что телевизоры еще не появились, моя родная тетка три года переписывалась со сво-

им женихом, который жил в соседнем колхозе, потом два года его муржила, наконец, вышла замуж и развелась. Говорит мне потом: „Вот что значит *скоро-спелые браки*“. Как-то я впопыхах не обратила внимания, что он всю *дорогу* выговаривает «магАзин»... Кеша: «А что такое, по-вашему, русский *интеллигент*? Я: Наверное, это такая степень любви к самому себе, которая обеспечивает почтительное отношение к последнему паучку...»

По причине такой *избыточной и прихотливой витальности* (грабежи, убийства, пьянство) того оказалось мало, что «один Сергей Христофорович Свистунов охранял по ночам *церковное имущество...*» (В. Пьецух. Три рассказа) [7].

Итак, ЛКМ как комплексный образ конкретного текста или образ этноса находится в коррелятивных отношениях с мирами образов, создаваемых в конкретных ситуациях общения, в лексической структуре иных текстов.

ЛК-универсалия, наряду с ЛК-образом, является единицей ЛКМ и в этом качестве представляет особый интерес. Однако нелимитируемость ЛК-универсалии особенно очевидна при обращении к невербализуемым личностным смыслам индивидуального авторского сознания. Да и само понятие ЛК-универсалии оказывается востребованным в свете представлений об объективности идеального, оно появилось как вызов на стратегии семантики возможных миров и виртуальной реальности. Именно их неисчерпаемость и принципиальная неисчислимость признаков ЛК-универсалии позволяет рассматривать ее как элемент дискурса определенного типа.

Соотношение ядерной и интерпретационной части универсализированного поля оказывается разным в разных типах дискурса, в одних ядерная часть просматривается с достаточной определенностью, в других преобладает интерпретационное поле. Первый случай обнаруживается в попытке истолковать национально-специфическое содержание ЛК-универсалии в отличие от способов универсализации явления в инокультурной общности.

В этом плане лексическую разработку концепта *дружба* у М. Эпштейна «Для нас дружба — это, прежде всего доверительное общение, взаимная исповедь, осознание братства и совместной устремленности к высшему началу. И лишь в последнюю очередь это партнерство, партнерские отношения, восходящие к рыцарскому воинскому товариществу. Но ведь именно этот рыцарский союз и есть дружба в собственном, узком смысле слова, подобно тому, как любовью в узком смысле слова называется чувство между мужчиной и женщиной, а не братская привязанность» [9. С. 42].

Способами экспликации концепта здесь выступают предикатные структуры, ассоциативные поля ключевых слов *дружба* и *любовь* — номинаций концепта. Иерархия признаков, позволяющих отграничить ядро и базовую часть концепта от интерпретационного поля, раскрывается текстовыми маркерами типа «прежде всего», в «последнюю очередь», ссылками на «собственный, узкий смысл» слов, историко-культурные реалии, родившие концепт. Но имена собственные персониферы культуры могут передавать и базовые признаки ЛК-универсалии, тогда как нарицательные связываются с признаками, относимыми к интерпретационному полю ЛК-универсалии, с чем мы, например, сталкиваемся в художественном дискурсе в построении поля лексемы «гармония»: «Снегопад. Чуть видны березы

над оврагом. Улица становится белой, словно она деревенская, с колеями от колес. Всю жизнь, как опустится снежный занавес, замирает душа, будто перед нею долгожданный предел, за которым невыразимая печальная красота. Снегопад представляется весь сразу, как он накрывает далекие поля со стогами, притихшие леса, безлюдные, с дымками из труб деревни...Как уместна здесь музыка, скажем, второй струнный квартет Бородина! И камерные шедевры Петра Ильича Чайковского здесь всегда хороши, Шуберт и Брамс, конечно, тоже. Как соединится музыка с бесконечным шелестом снега, так и не захочешь завтра, не захочешь продолжения, неспособного стать таким вот совершенством» (Г. Новожилов. Другие жизни).

Вообще интерпретационное поле ЛК-универсалии преобладает в текстах, связанных с выражением личностных смыслов, необычного мироощущения и мировидения, адекватно переданных лексической структурой текста.

К сказанному можно добавить, что состояние сознания и одного человека не остается неизменным, как и его ЛКМ во всех своих составляющих.

Большинство исследователей согласны с тем, что одним понятием не исчерпывается содержание лексического концентратора смысла, однако пути их разведения оказываются различными. Так, в попытке отграничить понятия от других типов концептов, таких, как представление, схема, прототип, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают понятие «преимущественным отражением научной и производственной сфер деятельности (терминология)» [6. С. 72].

Еще более значимо интерпретационное поле ЛК-универсалии при переконцептуализации уже известных явлений и реалий, создании новых гипотез и концепций, нарушающих привычные представления и прогнозирующих новые возможные миры. Так, по представлениям Поповой и Стернина, концепт «свобода» включает в себя и языковую свободу, позволяющую мыслить стереоскопически: «Возможно, стерео-текстуальность — это будущее человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением один другому. Вместо перевода, поиска эквивалентов, возникает деятельность сведения, и разведения языков для выражения одной мысли, которая, таким образом, обнаруживает новые смыслы в процессах своих языковых перевоплощений. Стереотекст — это наложение разноязычных текстов для более рельефного, «слоисто-глубинного» представления одного комплекса идей» [6. С. 121].

В этих ориентациях лексический концентратор смысла с его интерпретационным полем может быть представлен как один из видов протеизма информации, если иметь в виду его устремленность в будущее. «Цивилизация будущего протейна, поскольку она состоит из потоков энергии и информации, легко меняющих свою материальную форму в конкретных условиях своего прохождения через ту или иную среду» [3. С. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, система лексических концентраторов в тексте иерархична и, говоря образно, устроена по принципу матрешки. Менее значимые концентраторы взодят в поле более значимых.

Однако вся эта иерархия не статична. Так или иначе ЛК-универсалия может быть осмыслена с позиций синергетики как науки о саморазвивающихся системах. Иными словами, на ЛК-универсалию можно взглянуть в ракурсе иной научной парадигмы. Несмотря на то, что литературный (написанный и напечатанный) текст объективно статичен, его лексические концентраторы дополняются новыми смыслами по мере развития культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бахтин М.М.* (1994). Проблемы поэтики Достоевского [*Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics*]. Киев.
- [2] *Выготский Л.С.* (1982). Мышление и речь [*Vygotsky L.S. Thinking and speech*] // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Москва.
- [3] *Кочергин А.Н.* (1996). Философия и глобальные проблемы [*Kochergin A.N. Philosophy and Global Problems*]. Москва.
- [4] Первая Всероссийская конференция по когнитивной науке [First All-Russian Conference on Cognitive Science] (2004). Казань.
- [5] *Перловский Л.* (2003). Сознание, язык и математика [*Perlovskiy L. Consciousness, language and mathematics*] // Звезда. № 2.
- [6] *Попова З.Д., Стернин И.А.* (2007). Семантико-когнитивный анализ языка. Морфология [*Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic and Cognitive Analysis of Language. Morphology*]. Воронеж: изд-во «Истоки».
- [7] *Пьецух В.* (1995). Драгоценные черты [*Petsuh V. Precious features*] // Дружба народов. № 5, 6.
- [8] *Чуковская Л.* (1981). Переписка [*Chukovskaia L. Correspondence*]. Москва.
- [9] *Эпштейн М.* (2001). Debut end siecle // Знамя № 5.
- [10] Философский энциклопедический словарь (1989). [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. М.: Советская энциклопедия.

THE LEXICAL HUB OF CONTENT IN THE PROCESS SELF-ORGANIZATION OF TEXT AND DISCOURSE ON THE BACKGROUND OF SENEGALESE TRADITION

Faye Fatou Diop

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia
Faya2010@mail.ru

The article deals with a hierarchical system of lexical hub of the content of the text, as part of the coatings of the author, formed in the process of creation of text, reflecting, on the one hand, the language personality of the author, and on the other hand, are created by the author of the text possible worlds. In this sense, the lexical hub of the content of synergies and prone to self-development in the process of creation.

Key words: lexical hubs, text, linguocultural universal, linguocultural picture of the world, linguocultural image, information saturation, interpretative field

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ДРАМАХ В. ШЕКСПИРА

М.Ю. Фигурнова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
m.j.f_88@mail.ru

Е.А. Паймакова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
e.paymakova@gmail.com

Статья посвящена функциональному аспекту библейской образности в драмах В. Шекспира. В статье рассматриваются функции языковых образных средств в самой Библии (номинативная, иллюстративная, описательная, усилительная, экспрессивная, объяснительная, затемняющая, эвристическая/когнитивная, реминисцентная, связующая, интегрирующая, символическая) и особенности функционирования библейских образов в шекспировских трагедиях, комедиях и проблемных пьесах, где помимо аллюзивно-иллюстративной, коннотативно- и подтекстоформирующих функций выделяются драматическая, функции формирования сюжета и основных идей. Особо подчеркивается **моделирующая** роль библейской образности по отношению к последующим текстам, где образы Библии используются в качестве порождающей модели. В статье также освещена роль образности в создании амбивалентности, основные ситуации и мотивы, генерирующие образность.

Ключевые слова: аллюзия, библейская образность, Библия, интекст, интертекстуальность. образные средства языка, символ, цитирование, Шекспир, функциональный аспект

ВВЕДЕНИЕ

Образные средства в Библии, как и в художественных текстах, выполняют разнообразные функции. Иногда — несколько функций одновременно. Наблюдая за их проявлениями и переплетениями в библейском тексте, мы выделим и проанализируем наиболее, на наш взгляд, характерные: это номинативная, иллюстративная, описательная, усилительная, экспрессивная, объяснительная, затемняющая, эвристическая/когнитивная, реминисцентная, связующая, интегрирующая, символическая функции.

ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТЕКСТАМ В. ШЕКСПИРА

Прежде всего, явно различима *номинативная* функция библейской образности. Носителями этой функции являются прямая метафора и троп типа «квази-тождество» (N_1 is N_2). С их помощью невыразимые иными средствами божественные явления получают название, а нуждающиеся в выделении явления и предметы действительности обретают новое имя, точнее отражающее их суть, e.g.:

With joy shall we draw water out of the wells of salvation (Isa., XII, 3).

The wholesome tongue is a tree of life (Prov., XV, 4).

A bundle of mirth is my well beloved unto me (Song, I, 13).

Чаще всего, однако, библейские авторы выбирают описательные средства для образной характеристики явления. Функцию, которую при этом выполняет

образное средство, можно назвать *дескриптивной*. С этой ролью лучше всего справляются эпитеты и предметные сравнения (a wounded spirit, brave as a lion).

Ситуативные сравнения, иногда перерастающие в параболы (e.g. евангельские притчи о Царствии), выполняют сходную — *иллюстративную* — функцию:

Then shall the Kingdom of heaven be likened unto ten virgins, which took their lamps and went forth to meet the bridegroom (Matt, XXV, 1).

Носителем *эмотивной* или *усилительной* функции может быть (и часто бывает) любое образное средство. Но первенство в этой роли принадлежит гиперболе: “he will rain snares on the wicked”.

Большинство образных средств в Библии, выражая важные и сущностные свойства предметов и явлений, передавая и возбуждая при этом определенные сильные чувства и переживания, выполняют, таким образом, *экспрессивную* функцию. Экспрессивный и усилительный эффект может достигаться также за счет конвергенции подобных или различных образных средств, отражающих одно явление.

Амбивалентную пару образуют *объяснительная* и *затемняющая* функции образа. «Язык есть просветляюще — утаивающее явление самого бытия» (М. Хайдеггер) [см. 3]. Особенно эта амбивалентность заметна, когда, объясняя на доступном людям простом образном языке Небесное и Человеческое, Христос одновременно затемняет сокровенные смыслы от не готовых принять их, «говоря притчу» и надеясь, что «имеющий уши да услышит».

Следующую функцию образности используют те авторы Писания, основной целью которых являются поиски истины, они ищут и находят метафоры и сравнения, характеризующие Бога, его действия, истинное и ложное в человеческой жизни. Помогаящие им в этом образы выполняют свою *эвристическую* или *когнитивную* функцию (книги Иова, Послание апостолов) — “I am a sea?” (Job.).

Образы переходят из одной книги Писания в другую, заимствуются, сохраняя при этом «воспоминания» о предыдущих контекстах в виде коннотаций, указаний на прошлые референты. Таким образом, подтверждается пророческий характер более ранних высказываний, ссылка на авторитет напоминает о традиционной правомерности именно такого образного отражения истины. Это *реминисцентная* функция образа: “the lamb of God”, “table of our hearts”: «Текст вообще не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо (исторический или условный) контекст. Текст существует как контрагент внетекстовых структурных элементов, связан с ними как два члена оппозиции» [1. С. 204]. «Художественная конструкция строится как протяженная в пространстве — она требует постоянного возврата к, казалось бы, уже выполнившему информационную роль тексту, сопоставление его с дальнейшим текстом... *Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения*» [1. С. 89].

Предыдущая функция является основой для следующей — *связующей* (*когерентной*) функции образности. Многократно повторяясь, претерпевая дополнение и развитие, употребляясь в различных ситуациях применительно к разным референтам, образуя лейтмотивы, образные средства создают ощущение единства и постоянства Божественного Откровения во все времена, а также преемствен-

ности в способах его восприятия и средствах отражения. Эта функция является основой традиции библейского изложения и вместе с *интегрирующей* функцией объединяет отдельные книги в единую Библию.

Рассмотрим особо еще одну функцию библейской образности — *моделирующую*. Она распространяется как на функционирование образов в самой Библии, так и за ее пределами — в качестве принадлежности христианской культуры вообще.

В данном случае под моделью мы подразумеваем образец, пример, прецедент. Так образы более ранних книг Ветхого Завета подхватываются более поздними, а также получают новую жизнь в Новом Завете.

Моделирующая функция заключается не столько в повторении, воспроизведении уже известных образов, сколько в создании образных средств путем наполнения существующих структурных моделей новым содержанием. В этом смысле библейский образ можно назвать *порождающей моделью*.

Очевидно, что переводы Библии обогащали образный язык культур, становившихся христианскими. Библейские реалии существенно расширили спектр агентов образных средств, пригодных для использования в поэтическом языке.

Библейские образы заимствовались для употребления в сходных и совсем иных контекстах — для иллюстрации, аллюзивного проецирования, формирования сюжета, выстраивания подтекста на всем известной библейской основе. Но и без прямой ссылки на Библию поэты и писатели пользовались арсеналом принципов построения образных средств, их функциональных возможностей, способов их развития, сочетания, варьирования, разработанным и представленным в библейских текстах.

И наконец, наиболее важной представляется нам *символическая* функция образов в Библии, то есть способность отдельных библейских образных средств, обозначая невыразимые иными средствами понятия и обладая свойством многозначной «полнозначности», становиться универсальными для христианской культуры символами, например: чаша, змий, голубь, источник и т.п. Многие из наиболее известных символов имеют корни еще в добиблейской традиции.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ БИБЛЕЙСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ШЕКСПИРОВСКОЙ ТРАГЕДИИ, КОМЕДИИ И ПРОБЛЕМНОЙ ПЬЕСЕ

Выделенные в библейских текстах функции образности свойственны и шекспировской образности, в том числе ее библейской составляющей. При этом библейские образные средства, являющиеся носителями не только определенного образа, но и аллюзивной информации с характерной коннотативной окраской, привлекаются Шекспиром в свой текст с дополнительной целью — дать предмету, человеку или явлению характеристику более емкую, с точки зрения смысла, обогащенного возникающими ассоциациями, порой неоднозначными, даже противоречивыми. Так при экономии средств достигается расширение смыслового фона, углубление смысловой перспективы описываемой ситуации.

Одновременно реализуется одна или несколько исходных образных функций (например, номинативная, дескриптивная, иллюстративная, эмотивная, экспрессивная).

Если библейский образ участвует в решении драматических задач, то помимо присущей ему аллюзивной функции и полученных в новом контексте локально-ситуативных функций, он выполняет и функции драматические (связующую, интегрирующую, реминисцентную, символическую).

Очевидно, что функциональная нагрузка библейского образа значительно, чем рядового шекспировского, который тоже почти всегда полифункционален.

Так, И.П. Смирнов пишет следующее относительно использования автором интертекстуальных включений в своих целях: «Самый выбор писателем тех или иных интертекстуальных операций корреспондирует с содержанием того сдвига, которым художественный текст подытоживает развертывание архетипической темы. По ходу переработки элементы предшествующих текстов приводятся в такой порядок, который отвечает финальной идее создаваемого произведения. Тематическое задание литературного произведения интертекстуально связывает в смысловое целое результаты интертекстуальных операций. Имеющие универсальный, безличный характер операции получают тем самым конкретную функцию, определяемую аргументом, посредством которого младший писатель заново мотивирует архетипическую смысловую связь» [4. С. 66].

Поэтому полагаем, в каждой из драматических форм (трагедия, комедия, проблемная пьеса) функции библейских образных заимствований будут подчинены их специфическим идейным и драматическим задачам.

Так, У. Найт в эссе “Mystic Symbolism” [7. С. 65] подразделяет поздние пьесы В. Шекспира на три группы:

- 1) пьесы «страдания и интеллектуального отчаяния» (например, «Гамлет»);
- 2) пьесы «трагического величия», «печальные внешне, но внутренне сильные своим мистическим оптимизмом» («Король Лир»);
- 3) особая группа пьес, в которых «трагическая тема развивается в направлении, противоположном естественной логике человеческой жизни и венчается счастливым концом» («Перикл», «Зимняя сказка»).

По мнению Найта, более ранние из этих драм имеют «универсальное трагическое значение», а финальные пьесы — «универсальное мистическое значение»: «они символически репрезентируют воскресение того, что казалось умирающим». Инструментами для реализации этих значений становятся вполне определенные библейские доктрины, сюжеты, образы.

П. Милвард [11. С. 87] отмечает, что в комедиях Шекспир обращается к текстам книг Бытия, Матфея и Послания к Ефесянам, рассматривающим проблемы брака, семьи; в исторических Хрониках — к книгам Самуила (Царств), где королевская власть определяется как священный институт; «Великие трагедии» основаны на историях Падения Адама и Страстей Христовых; проблемные пьесы — на учении апостола Павла о грехе и спасении, последние пьесы — на учении Христа о прощении и проповеди Павла о новой жизни во Христе.

Р.К. Хассел указывает, что «ключевые моменты в шекспировских романтических комедиях обозначены легко узнаваемыми аллюзиями на учение Святого Павла» [6. С. 371], особенно общеизвестным сопоставлением божественной и че-

ловеческой любви, религиозной веры и любовной верности. Шекспир пользуется материалами из Посланий Апостолам также для оформления своей «концепции индивидуального действия, направленного на духовное возрождение» и «идеального общества», реализуемой в комедийной модели [6. С. 378].

Б.К. Левальски добавляет, что «использование романтической любви в качестве символа любви божественной является общим местом в мистической литературе и берет свое начало в Песне Песней Соломона» [9. С. 337]. Указанное уподобление является лейтмотивом в романтической комедии.

Особые функции выполняют намеренно трансформированные библейские интексты и пародийные искажения Писания. Более всего они характерны для речи шекспировских злодеев и шутов. В трагедии они выполняют серьезную функцию — извращенные слова Писания или произнесенный без изменения, но устами отрицательного персонажа библейский образ усиливают пейоративную характеристику богохульствующих злодеев.

Основанные на библейской аллюзии каламбуры шутов и шутки (иногда непристойные) комедийных героев производят комический эффект, особенно в неконгруэнтном контексте. Защищая от пуританской критики использование библейских цитат в речи шекспировских шутов, П. Милвард пишет «Их слова могут звучать глупо и пародийно, однако высшая истина чаще глаголет их устами, чем устами более мудрых персонажей» [11. С. 89].

Учитывая определение знака в искусстве как понятия «строго функционального», как «пучка функций» и то, что «в искусстве обозначаемое (содержание) передается всей моделирующей структурой произведения, то есть текст становится знаком, а составляющие текст единицы — слова... становятся элементами знака» [1. С. 64], можно следующим образом описать суть процесса функционирования библейских элементов (знаков) в новых текстах: «знак или его смыслообразующий элемент может одновременно проектироваться на несколько (или на множество) фонов, становясь в каждом случае носителем различной семантики... Знак и фон образуют релевантную пару».

Итак, библейские образные средства в пьесах Шекспира представляют собой набор функций, в который входят как функции, присущие образности вообще, так и свойственные интертекстуальным включениям — аллюзивно-иллюстративная, коннотативно- и подтексто-формирующая, а в некоторых пьесах, как мы видели — функция формирования сюжета и основных идей.

БИБЛЕЙСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПОЗДНИХ СОЧИНЕНИЯХ В. ШЕКСПИРА. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

В более поздних, зрелых произведениях Шекспира ощутимо различается присутствие одной или нескольких книг Писания, порой формирующих основу сюжета, ведущие идеи и мотивы всей пьесы [см. 11]. В «Гамлете», например, это книга Иова (хотя значительное количество библейских образов заимствовано из книг Исаяи, Иеремии, Псалмов, Притчей, посланий к Коринфянам и Римлянам). Для «Короля Лира» определяющим является тот же Иов и притча о Блудном Сыне.

В основе сюжета «Отелло» видны три библейские истории: Падение Адама (Отелло — Адам, Дездемона — Ева, Яго — Сатана), Каина и Авеля (пролитие невинной крови) и предательства Иуды (как в образе Яго, так и в образе Отелло).

При разборе особенностей шекспировской образности В. Клеменом у нас не раз возникали ассоциации с подобными свойствами образности библейской. Так, например, метафорическое *выражение абстрактного через конкретные образы* у Шекспира (например, Гамлет пользуется образами, заимствованными из повседневной жизни: обихода, ремесел, наук, развлечений [5]) соответствует характеру образности Христа, чье учение «облечено в конкретные поэтические фигуры: лоза, смоковница, урожай, стада, птицы, еда, питье, одежда, деньги, свадебное застолье» [7. С. 71].

Драматическая функция образности у Шекспира тоже вряд ли изобретена им самим, ибо она отчетливо прослеживается в библейской истории, когда реальный предмет, явление или событие из Ветхого Завета становится метафорой в Новом (скрижали, жертвенный агнец) или, когда в книгах Пророков образно пересказываются будущие реальные катаклизмы и Пришествие Мессии, а образы Евангелия (Книга Жизни, Блудница, геенна огненная, Царствие и др.) становятся «реальностью» Апокалипсиса.

Образность как излюбленное шекспировское средство создания амбивалентности выполняет эту функцию и в Библии (одновременно объясняющие и «затемняющие» образы притчи). То, что Шекспир (в поздний период), по выражению Клемена, «только намекает, подсказывает, указывает на вещи и редко открыто называет их» [5. С. 90], справедливо и в отношении Христа.

Прием персонификации — с помощью глагольной метафоры — также является перенятой Шекспиром библейской моделью. Особенно заметно сходство *способа порождения образности* у Гамлета и библейских пророков: «Когда он начинает говорить, образы текут потоком, без малейшего усилия, — не как сравнения или сознательные парафразы, но как непосредственно и спонтанно возникающие видения... он визионер, ясновидящий, для которого вещи этого мира олицетворяют и символизируют мысль» [5. С. 106]. Этот поток видений и способ фиксации их с помощью образов Б. Пастернак назвал «скорописью духа» [2. С. 552].

Исходя из того, что «образы появляются в драматически значительные моменты и помогают усилить и возвысить внутренние переживаемые события, одновременно трансформируя в поэтическую картину внешние элементы ситуации» [5. С. 222], Клемен придает большое значение набору ключевых драматических ситуаций и мотивов, которые генерируют наибольшее количество образов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения позволяют нам определить основные ситуации и мотивы, генерирующие образность в Библии. Это ситуации видений/пророчеств, обвинения/обличения (грешников, врагов), молитвы (хвалебной, покаянной), проповеди, философских размышлений на духовную тему, выражение любовного восхищения (песнь). Основные мотивы — Пришествие Спасителя :: конца света, жизни :: человеческой брэнности :: смерти :: вечной жизни, Царствия Небесного :: геенны огненной, греха :: покаяния :: праведности, взаимоотношений человека с Богом,

с ближним (Церковь), суда, прощения, любви, радости. Все эти мотивы присутствуют и у Шекспира и провоцируют (особенно в драматической форме монолога) как рождение его оригинальных образов, так и заимствование им библейских образных средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Лотман Ю.М.* (1994). Лекции по структуральной поэтике [*Lotman Yu.M. Lectures on structural poetics*]. М.: Гнозис.
- [2] *Пастернак Б.Л.* (1980). Замечания к переводам из Шекспира [*Pasternak B.L. Notes to translations of Shakespeare*] // Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова. М.: Радуга. С. 549—568.
- [3] *Мечковская Н.Б.* (1998). Язык и религия. [*Mechkovskaya N.B. language and religion*]. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР».
- [4] *Смирнов И.П.* (1995). Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) [*Smirnov I.P. Generating intertext (elements of intertextual analysis on the examples of B.L. Pasternak's works)*]. СПб.
- [5] *Clemen W.H.* (1967). The Development of Shakespeare's Imagery. London.
- [6] *Hassel R.Ch.J.* (1971). Saint Paul and Shakespeare's Romantic Comedies. Pauline allusions // *Thought* 46. P. 371—378.
- [7] *Knight G.W.* (1967). Shakespeare and Religion: Essays of Forty years. London.
- [8] *Knight G.W.* (1960). Shakespeare's Imagery. London.
- [9] *Lewalski B.K.* (1962). Biblical Allusion and Allegory in the Merchant of Venice // *Shakespeare Quarter* by 13.
- [11] *Milward P.* (1987). Biblical Influences in Shakespeare's Great Tragedies // *Catalogue of echoes, critical discussion: Indiana University Press*.
- [12] *Milward P.* (1975). Biblical Themes in Shakespeare Centering on King Lear. Tokyo: The Renaissance Institute.
- [13] *Milward P.* (1974). Shakespeare's Religious Background. London: Sidgwick and Jackson, Bloomington: Indiana University Press.

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF BIBLICAL IMAGERY IN SHAKESPEAREAN DRAMA

M.Yu. Figurnova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
figurnova_myu@pfur.ru

E.A. Paymakova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
paymakova_ea@pfur.ru

The article is devoted to the functional aspect of biblical imagery in Shakespearean drama. It deals with the functions of imagery in the Bible itself (e. g. nominative, illustrative, descriptive, emotive, emphatic, expressive, explaining, veiling, cognitive, reminiscent, cohesive, integrative, symbolic etc.), as well as

the functional peculiarities of biblical images in Shakespeare's tragedies, comedies and problem plays, where besides the allusive and illustrative functions they also form connotations, subtext, sometimes — the plot and the main ideas. Specifically emphasized is the **modeling** function of biblical imagery in the consequent texts, where the images from the Bible serve as a model for imagery coinage. The article also covers the role of biblical imagery in creating ambiguity, along with the major situations and motives generating imagery.

Key words: allusion, biblical imagery, Bible, functional aspect, imagery, intertext, intertextuality, quotation, symbol, Shakespeare

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Н. Денисенко, И.А. Лексина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
denissenko@mail.ru; irina_lexina1991@mail.ru

Статья посвящена описанию глаголов эмоционально-оценочных отношений с точки зрения лингвopsихологии. Процесс фиксирования эмоциональных процессов психичен: эмоциональное состояние проникает в семантическую слова, закрепляется в них, «хранится» и при необходимости манифестируется, закрепляя таким образом эмотивность слова. Художественные произведения с преобладанием эмоциональной лексики определенного настроения особым образом воздействует на психологическое состояние читателя.

Ключевые слова: семантика, эмоции, глаголы, психолингвистика, эмотивность, оценка, отношения, фоносемантика

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции человека давно находятся под пристальным наблюдением представителей русской и зарубежной психологии, физиологии, философии и психиатрии. В языкознании данная проблематика подробно рассматривалась в лингвистических работах Ш. Балли, М. Бреалья, К. Бюллера, Э. Сепира, Г. Гийома и др., вызывая споры, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Ш. Балли и М. Бреаль считали выражение эмоций центральной функцией языка. На их работы в последствии опирался В.И. Шаховский, который рассматривает оценку в психологическом аспекте, а также ее взаимосвязь с эмотивностью и экспрессивностью, а также дает обоснование эмотиологии (лингвистике эмоций) [8]. Н.Д. Арутюнова изучает прагматику языковой ситуации, специфику функционирования оценочных предикатов, Е.М. Вольф в своих трудах разрабатывает семантические проблемы функционирования оценки на материале прилагательных и номинаций состояния, В.Н. Телия — формирование и функционирование оценочных значений в качестве компонентов коннотации.

Язык невозможно понять сам по себе, в себе и для себя, не выходя за его пределы и не обратившись к его создателю и носителю — к человеку. Так возни-

кает идея лингвистической антропологии, концепция языковой личности, в основе которой лежит разделение культуры на два типа: антропоцентрический (личностный) и геоцентрический (внеличностный). В любом случае, говоря о лингвистике как науке, всегда следует учитывать одну из важнейших ее особенностей, заключающуюся в том, что субъект и объект — исследователь языка и сам язык — включены друг в друга. [4. С. 6—7]. В последнее время все чаще гуманитарное знание смещается в сторону антропоцентризма, и в связи с этим эмоции человека, как объект изучения различными смежными науками, занимают одно из главных мест и в современном языкознании. Лингвистика в интерпретации эмоциональной сферы человека опирается на результаты, полученные учеными в смежных областях знания, например, психологии и физиологии. В свое время это обусловило появление такого направления в языкознании, как психолингвистика — раздела языкознания, изучающего лингвистические явления как феномен человеческой психики, иными словами, изучающего лингвистические явления в цепочке «объективная действительность — знания, которые хотел донести говорящий/пишущий об этой объективной действительности и которые воплотил в ту или иную словесную форму, — смысл, которые понял слушающий/читающий об объективной действительности из данной словесной формы» [9].

ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ЗНАНИЮ

Существует переход от уровня значений к уровню знаний, набору сведений, объединенных в упорядоченную систему, сохраняющуюся в памяти. В данном отношении можно говорить о коллективных общечеловеческих знаниях и представлениях, тезаурусе всего человечества, позволяющем людям вне зависимости от их принадлежности к той или иной культуре понимать друг друга, и о тезаурусе индивидуальном [8. С. 9].

Хотя и у психологов, и у лингвистов единый объект изучения, подходы к нему различаются. В.И. Шаховский сформулировал лингвистический подход к изучению эмоций следующим образом: «Фиксирование эмоциональных процессов происходит посредством психического механизма отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов-образов тех объектов, с которыми оно соотносится. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова. Так эмоции „проникают“ в слова, закрепляются в них, „хранятся“ в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов» [7. С. 5].

Как известно, эмоциональная система — одна из самых сложных систем человека. Сложность данного явления с точки зрения психологии рассматривает К. Изард. В своей работе он дает такие пояснения: одна из сложностей заключается в том, что эмоций много, и каждая из них по-своему проявляется, кроме того, эмоции — очень непростое явление, которое активизирует нейронные, когнитивные и моторные процессы. К. Изард предлагает следующее определение: «Эмоции — это нечто, что переживается как чувство (feeling), которое мотивирует,

организует и направляет восприятие, мышление и действие» [5. С. 27]. Что касается количества базовых эмоций, здесь ученые расходятся во мнениях. Например, К. Изард выделяет 10 базовых эмоций: интерес-волнение, удивление, радость, гнев, страдание, отвращение, презрение, страх, вина, стыд. Джонсон-Лэрд выделяет всего 5: отвращение, гнев, печаль, страх и счастье.

Вопрос о количестве эмоций и их классификации до сих пор остается спорным. Несмотря на это эмоции составляют значительный фрагмент картины мира, многими учеными подчеркивается необходимость изучения языковых репрезентаций эмоций [6. С. 27—33].

Как бы сложны ни были эмоции и как бы ни классифицировались, все они находят свое отражение в языке. Для интереса-волнения это глаголы *интересоваться*, *симпатизировать*, *увлекаться*, *жалеть*, *сострадать*, *сочувствовать*, например: «*Чем я оскорбляю татарина, что **сочувствую** моей вере и единоверцам, чем гоню его веру?*» [11. С. 11792]; для радости — *аплодировать*, *смеяться*, *чествовать*, сравните: «*Отца ее не сослали и оправдали, хорошо сделали (хотя **аплодировать** решению присяжных, по-моему, публике бы и не следовало, а аплодисмент, говорят, раздался); но все же девочку притянули в суд, она фигурировала; она все видела, все слышала, сама отвечала за себя: “Je suis voleuse, menteuse”*» [11. С. 11193]; страх передается глаголами *коситься*, *сомневаться*; презрение и отвращение выражается в глаголах *бесславить*, *глумиться*, *грозить*, *издеваться*, *иронизировать*, *насмехаться*, *оскорблять*, *позорить*, *попрекать*, *порочить*, *уязвлять*, например: «*С какой-то злобной яростью „Емельян“ стал глумиться над Иваном Федотычем, поносить его непристойными словами, давать ему насмешливые прозвища*» (Эртель, Гарденины) и т.д.

Все эти глаголы и многие другие составляют группу глаголов эмоционально-оценочных отношений (глаголы ЭОО) в семантическом поле межличностных отношений. Типовая семантика глаголов ЭОО — ‘относиться (отнестись) к кому-, чему-либо каким-либо образом, проявляя какие-либо чувства’. Ядро данной группы составляет полярная пара антонимов *любить—ненавидеть*, а все остальные слова, формирующие околядерную часть, центр и периферию, можно разделить на подгруппы в зависимости от качества испытываемых чувств: это может быть благожелательное отношение, враждебное, сочувственное, безразличное, ласковое, жестокое и пр. Обычно рассматривается около 25 подгрупп.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Не удивительно, что любой текст, а тем более художественное произведение, в котором сконцентрирована эмоционально нагруженная лексика, определенным образом воздействует на психологическое состояние читателя. При лингвистическом анализе художественного текста выявляются те «лингвистические средства, посредством которых выражается идейное и эмоциональное содержание литературного произведения» [15. С. 97].

Российский психолингвист В.П. Белянин в книге «Основы психолингвистической диагностики» [1] представляет психолингвистическую типологию худо-

жественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте. Основываясь на психологических критериях, он выделяет такие типы текстов, как «светлые» (В. Каменский «Развесенье»), «темные» (В. Катаев «Сын полка»), «печальные» (И.С. Тургенев «Повесить его» из «Стихотворений в прозе»), «веселые» (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»), «красивые» (Б. Гимараенс «Рабыня Изаура») и «сложные». Допускается возможность существования текстов «активных», «усталых», «интенсивных», а также предполагается наличие текстов «смешанных», в основе которых лежит несколько эмоционально-смысловых доминант. Предлагаемая типология открытая.

В.П. Белянин представляет принципиально новый подход к анализу художественного текста, который базируется на следующих постулатах:

«Первый постулат: за языком стоит не только система языка, но и психология. Каждый языковой элемент обусловлен не только лингвистическими, но и психологическими закономерностями.

Второй постулат: за разными текстами стоит разная психология. Разнообразие психологических типов людей рождает разнообразие когнитивных структур.

Основным является третий постулат: структуры художественного текста коррелируют со структурами акцентуированного сознания. Художественный текст в ряде случаев является результатом порождения акцентуированного (или психопатического) сознания.

Четвертый постулат: организующим центром художественного текста предстает его эмоционально-смысловая доминанта. Будучи ядром модели порождения текста, эмоционально-смысловая доминанта организует семантику, морфологию, синтаксис и стиль художественного текста.

Пятый постулат: текст — это не имманентная сущность, а элемент целой системы «действительность — сознание — модель мира — язык — автор — текст — читатель — проекция».

Шестой постулат: Читатель имеет право на собственную интерпретацию смысла художественного текста. Эта интерпретация зависит не только от текста, но и от психологических особенностей читателя. Максимально адекватно читатель интерпретирует тексты, созданные на базе близких ему как личности психологических структур» [1. С. 6].

Психологический взгляд на художественную литературу — выражение крайне субъективного подхода к литературе. Основы его заложены в работах В. Гирша, Э. Кречмера, А. Одина, В. Штекеля. Применение психиатрических знаний в отношении семантики языкового материала позволяет исследователям ставить диагноз как персонажам художественного текста, так и его автору [1. С. 15].

КОМПЬЮТЕРНАЯ ДИАГНОСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Современные компьютерные технологии способствуют появлению новых методов диагностики состояния человека. Принципиальное отличие этих методов в том, что диагностика проводится без сознательного участия самого человека. Это так называемые невербальные, подсознательные или неосознаваемые системы

психодиагностики. Со времени появления компьютера исследователи текста стали активно изучать его возможности для автоматизированного подсчета различных факторов (лингвистических категорий), которые уже после этого могли быть подвергнуты анализу и содержательной интерпретации. Кроме того, есть потребность в экспертных программах, которые бы делали анализ независимо от эксперта, обеспечивая большую объективность выводов. Сегодня уже почти все формальные исследования в экспериментальной психолингвистике могут быть проведены при помощи специальных компьютерных программ. В России сейчас широкое распространение получили компьютерные программы фоносемантического анализа текстов [2. С. 196].

Одним из психологических выходов стала разработка В.П. Беляниным совместно с В.И. Шалаком программы ВААЛ. Это экспертная компьютерная психолингвистическая система «Психиатрический анализ текста» (ПАТ), целью которой является психологический контент-анализ текстов как художественных, так и публицистических или рекламных.

Проверим в этой программе некоторые тексты, содержащие глаголы ЭОО, например: *«И представьте, эта низость почти всем им понравилась, но... тут вышла особенная история; тут вступились дети, потому что в это время дети были все уже на моей стороне и стали любить Мари»* [11. С. 2303]. Данный текст в программе ВААЛ определяется как хороший, красивый, безопасный, добрый, светлый, легкий, нежный и производит общее впечатление женственного текста. Если анализировать конкретно глагол ЭОО *любить*, то это слово производит впечатление хорошего, красивого, безопасного, светлого, легкого, нежного, женственного, веселого, яркого, что во многом определяет настроение текста, содержащего его.

Система ВААЛ предназначена оценивать воздействие слов и русскоязычных текстов на подсознание. Научная часть программы опирается на положение о том, что естественный язык — одно из сильнейших средств воздействия на человека. Психологические теории новой волны рассматривают его как средство программирования поведения людей. Для эффективного воздействия на большие массы людей важны не только и не столько логичность и аргументированность в употреблении языка, а скорее эмоциональное воздействие на слушателя или читателя [1. С. 134].

Такие данные позволяют определить нагрузку, которую несет на тот или иной канал определенный текст, и, соответственно, спрогнозировать возможное воздействие этого текста. В этой программе имеется также блок психиатрического анализа, созданный на основе экспериментальных исследований автора [10. С. 197]. На основе исследований с помощью данной программы можно сделать выводы и об идеографическом стиле писателя, о его языковой картине мира и о том, какое место в ней занимает эмоционально-оценочная лексика.

В последнее время понятие языковой картины мира стало весьма популярным и распространенным в лингвистике. Это понятие берет свое начало из предположения о существовании двух миров — первичного и вторичного: «...существует

два мира, которые соотносятся друг с другом как первичный и вторичный, независимый и зависимый. Объективность двух миров — объективного и субъективного — не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос — об отражаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека», по словам Г.В. Колшанского.

Таким образом, категория «картина мира» — это принадлежность к вторичному, отраженному миру, хотя она и является, согласно Г.В. Колшанскому, объективной. Этот вторичный, идеальный, мир существует в виде языка. Таким образом, имеет смысл говорить о «языковой картине мира», а точнее, как пишет Г.В. Колшанский, и с этой точкой зрения мы полностью согласны, «о языкомыслительной картине мира», т.е. о концептуальной картине мира. Человеческий фактор в этом случае проявляется не в создании языковой картины мира, а в создании языка как средства выражения мышления в биологическом филогенезе человека и его мозга как высшей организации материи [3. С. 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмоциональная сфера считается одной из самых сложных систем концептуального мира человека. Глаголы эмоционального состояния передают различные эмоциональные переживания субъекта, возникающие в результате его активного или пассивного взаимодействия с объектами действительности и находящие выражение в определенных видах отношений между ними. Исследования эмоциональной сферы на стыке лингвистики и психологии представляют собой актуальное направление. Теоретические выводы могут послужить дальнейшему развитию и углублению изучения данного направления, а разработанные прикладные программы обеспечат более быстрый и точный анализ текстов и слов на эмотивность для исследований не только в области языка, но и антропологии, психологии и отчасти психиатрии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Белянин В.П.* (2000). Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) [*Belyanin V.P.* Fundamentals of psycho-linguistic diagnostics. (World models in literature)]. М.: Тривола.
- [2] *Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю.* (2008). Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие [*Denisenko V.N., Chebotareva E.Yu.* Modern psycho-linguistic methods to analyze speech communication: Textbook]. М.: РУДН.
- [3] *Денисенко В.Н.* Метод семантического поля и языковая картина мира (наименования изменения в русском языке) [*Denisenko V.N.* Semantic field method and language world view (namings of changes in Russian)] // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2006. № 8. С. 5—16.
- [4] *Денисенко В.Н.* (2010). Моделирование системы языка в аспекте языковой личности [*Denisenko V.N.* Modelling the language system in the aspect of language personality] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 1. С. 6—12.
- [5] *Изард К.Э.* (1999). Психология эмоций [*Izard K.E.* The Psychology of emotions]. СПб.: Изд-во «Питер».
- [6] *Лаврищева Е.В.* (2010). Репрезентация негативных эмоций в языковой картине мира русского и немецкого языков (на материале соматической лексики) [*Lavrishcheva E.V.* Repre-

sentation of negative emotions in the language world view of Russian and German (the case-study of somatic lexis) // Вестник ИГЛУ. 2010. № 3. С. 27—33.

- [7] *Шаховский В.И.* (2008). Лингвистическая теория эмоций: монография [*Shakhovskoy V.I. Linguistic theory of emotions: monograph*]. М.: Гнозис.
- [8] *Шаховский В.И., Капасин В.И.* (1987). Эмотивность и модальность в семантике слова [*Shakhovskoy V.I., Kapasin V.I. Emotiveness and modality in the semantics of words*] // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж.
- [9] *Демидович С.В.* Несколько слов об использовании психолингвистических экспериментов при изучении лексики [*Demidovich S.V. A few words on using psycho-linguistic experiments in course of studying lexis*]. URL: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/218083.pdf> (дата последнего обращения: 30.04.2016).
- [10] *Щерба Л.В.* (1957). Избранные работы по русскому языку [*Scherba L.V. Selected works on the Russian Language*]. 1957. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/scherba_izbrannye-raboty-russkomu-yazyku_1957 (дата последнего обращения: 30.04.2016).
- [11] Библиотека русской классики (2010) [Library of the Russian Classical Literature]. Вып. 11: Федор Михайлович Достоевский / под ред. Н. Башкова (CD). М.: Директ-Медиа.

PSYCHOLINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE VERBS OF EMOTIONAL-EVALUATIVE RELATIONS

V.N. Denisenko, I.A. Leksina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
denissenko@mail.ru; irina_lexina1991@mail.ru

The article is devoted to description of the verbs of emotional-evaluative relations from the linguistic and psychological points of view. The process of capturing emotional processes is in the sphere of psyche: emotional state enters into the semantic structure of the word, secured, “stored” and if necessary becomes evident, thereby strengthening the word emotive component. Thus, literature with a predominance of the emotional vocabulary of a certain mood affects the psychological state of the reader in a special way.

Key words: semantics, emotions, verbs, psycholinguistics, emotive component, assessment, relationships, phonosemantics

**СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В СИМВОЛИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ
(на материале славянских и южно-немецких говоров)**

М.М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, 108, Ярославль, Россия, 150000
mmkondratenko@gmail.com

Статья посвящена вопросу о степени репрезентации в объективном языковом значении, фиксируемом диалектными словарями, символики реалемы, характеризующей традиционную культуру. Материалом послужила лексика различных славянских и восточно-франконских южно-немецких говоров, впервые представленная в сопоставительном аспекте с локализацией по диалектным микроузлам. По итогам исследования делается вывод о важности роли обрядового контекста для полноты представления о культурной значимости определенного образа, в данной статье — зайца. Собранный материал позволил установить, что обозначения зайца активно используются как в различных славянских, так и в южно-немецких говорах для наименования широкого круга предметов и явлений, связанных с плодородием и браком, метеорологией, народным календарем и др., что обуславливает его символическую семантику в традиционной культуре.

Ключевые слова: славянская и немецкая диалектология, традиционная культура славян, славяно-германские семантические параллели, обозначения зайца в славянских и немецких диалектах

ВВЕДЕНИЕ

Диалектография представляет собой одно из самых плодотворно развивающихся направлений современного языкознания, как германского, так и славянского. Помимо введения в практику лингвистических исследований нового и очень ценного материала использование словарей представляет интерес и с точки зрения ответа на многие вопросы, касающиеся фундаментальных теоретических положений. Диалектный материал в случае его тщательного сбора и лексикографической интерпретации на должном уровне (с указанием принадлежности к той или иной микрозоне, с отсеиванием случайных, индивидуальных примеров словоформ и т.п.) играет важную роль в разных отраслях языкознания. В частности, нельзя не отметить его значение для ответа на один из самых принципиальных вопросов этнолингвистики, а именно: в какой степени в структуру языкового значения слова входит его культурная, или символическая, семантика. Иначе говоря, насколько обрядовый контекст выходит за рамки объективного языкового значения, зафиксированного словарями (исходя из специфики объекта исследования — феноменов традиционной духовной и материальной культуры — в данном случае речь должна идти в первую очередь о диалектных словарях).

ЛЕКСЕМА ЗАЯЦ В КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКЕ

Поскольку в культурно значимой лексике каждый пример обладает многосторонним и объемным семантическим потенциалом, целесообразно рассматривать каждую лексему индивидуально. Примером подобных слов, представляющих в говорах реалему с большой символической значимостью, является лексема, восходящая к праславянскому **zajęсь*.

Роль образа зайца в традиционной культуре славян уже достаточно подробно и основательно описана. Например, А.В. Гура в своем фундаментальном ис-

следовании выделяет разнообразные аспекты культурного значения реалемы «заяц» в славянских говорах. К ним он относит любовно-брачную символику, связь с хлебом и плодородием, с демоническими силами, с огненной стихией, с метеорологическими явлениями, с народной хрононимией; отмечается также влияние зайца на сон, зрение людей, а также на такие свойства зайца, как прыткость и трусливость. При этом культурная семантика определяется на основе как лексического или фразеологического значения соответствующего слова (например, *zečji san* — ‘заячий сон (сон с открытыми глазами), который непременно будет у ребенка, если мать употребляет во время беременности зайчатину’) в говорах Боснии), так и по результатам интерпретации текстов, в которых непосредственная номинация зайца может отсутствовать (примером этому может служить белорусское поверье, которое не находит выражения в устойчивом словосочетании: если в новую хату во время строительства забежит заяц, то она непременно сгорит) [3. С. 177—199]. Сходную картину традиционной символики зайца дает соответствующая словарная статья в другом масштабном труде — этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [6. С. 284—288]. Отсюда возникает вопрос: в какой степени культурное значение обладает языковым/диалектным статусом? Для ответа на этот вопрос имеет смысл привлечь данные славянской диалектной лексикографии, представляющей комплекс лексических и фразеологических значений языковых единиц, фиксируемых для определенной территории.

Для выявления степени универсальности или специфичности исследуемого семантического феномена целесообразным представляется его сопоставительный анализ с аналогичным феноменом в генетически удаленных говорах. В настоящей статье в сопоставительных целях использованы данные южнонемецких восточнофранконских говоров, распространенных в северной части Баварии. Привлечение немецкого диалектного материала позволяет рассмотреть исследуемую проблему на более широком лингвогеографическом фоне и уточнить диалектные зоны, охватываемые изосемами.

Спектр языковых значений лексем, обозначающих зайца, во многом предопределяется семантической мотивацией праформы. На славянской языковой территории обычно она связывается (благодаря привлечению балтийского материала — литовского *zuikis*) с мотивационным признаком ‘прыгать, скакать’; аналогичной мотивацией, по-видимому, обладает псков. *трусак* [5. С. 276]. Кроме того, наименование зайца может быть мотивировано серым цветом (польское *szarak* ‘разновидность зайца’, немецкое *Hase*, прусское *sasins* [21. С. 394—395]), а в литовском *kiškis* усматривается происхождение от обозначения подколенной впадины [18. С. 260]. Таким образом, этимологически наименование зайца обуславливается функциональным и некоторыми внешними признаками.

Анализ диалектного материала показывает, что сфера лексической и фразеологической семантики слов, обозначающих зайца, намного шире и сложнее этимона. Ее структура складывается из многих фрагментов, обладающих определенными ареалами распространения как на славянской, так и на неславянской языковой территории и нередко образующих изосемы, связывающие эти ареалы. К числу таких семантических фрагментов можно отнести некоторые приведенные ниже.

ЗАЯЦ И ХЛЕБ, ПИЩА, ПЛОДОРОДИЕ

В славянских говорах практически повсеместно распространено выражение *заячий хлеб* ‘остатки еды, приносимые с полевых работ’, например, в русских говорах Урала — *заячы гостинцы* [10. С. 206]; *to je od zajca* [25. С. 172], верхне-лужицкое *zaječi khlěb* [23. С. 961]. Кроме того, отметим полес. белор. *заец, зайчык* ‘сухие боковые выросты на печеном хлебе’ [13. С. 95,98] *зайцэ* ‘верхний снопок овса’ в говорах Гродненской обл. [12. С. 150]; *нива-та гони зайци* ‘нива колышется от ветра’ [2. С. 144], *зайци* ‘дырки в хлебе’ [1. С. 587] в болг. говорах; *zajoc* ‘продолговатый хлеб’ в кашубских, *зец* ‘рождественский калач’ у сербов.

В южнонемецких говорах это также *Hasenbrot* (заячий хлеб) в значениях: ‘сухой хлеб без дополнительных продуктов, вкусный, поскольку отец отобрал его у зайцев в поле’, ‘грибок на фруктовых деревьях’, а кроме того: *Rote Hasen* (красные зайцы) ‘оладьи из жареного тертого сырого картофеля’, *Dachhase* (заяц с крыши) ‘табузирванное название кошки, употребляемой в пищу в голодное время’ [16].

С влиянием на плодородие связаны кашуб. *zajki, zajqće morgi* ‘неплодородная местность на юге Кашуб’, *zajkove* — жители этой местности [25. С. 174], а также восточнофранконское *die Sandhasen* (песчаные зайцы) ‘жители местности с песчаной почвой, в частности, Волленбаха’. Во Франконии о неплодородной и, соответственно, безлюдной местности говорят *wo sich Fuchs und Hasen gute Nacht sagen* (где лиса и заяц желают друг другу спокойной ночи) [16]. То же значение безлюдной местности — *заячий остров* ‘отрезанный рекой от дорог, от «большого мира» участок’ [7. С. 248].

Тематически к этой же группе относятся пермск. *заяц* ‘невыкошенное место’ [8. С. 320], в русских говорах Карелии ‘нескошенная часть’ [9. С. 244] и кашуб. *zajc* ‘последние колоски или кусты картофеля’, *zajca uxvacёc* ‘закончить копку картофеля, сопровождая это особым обрядом, состоящем в том, что все встают вокруг «зайца»; тот, кто первым «схватил зайца», получает хлеб’ [25. С. 173].

ЗАЯЦ И НАРОДНАЯ ХРОНОНИМИЯ

На славянской языковой территории это ‘*зайков ден*’ ‘27 октября, в этот день не работают, чтобы зайцы не объедали хлебную ниву; пахарь, если на улице есть лед, кладет лемех в огонь’ в болгарских говорах [3. С. 186]. В восточнофранконских южнонемецких говорах зафиксированы следующие лексемы: *Hasentage* (заячы дни), временное значение здесь не имеет календарной приуроченности, а связано с определенными днями недели, когда в семье из-за недостатка средств едят только растительную пищу; *Grünhase* (зеленый заяц) ‘четверг перед Пасхой’ (в литературном немецком языке в этом значении выступает лексема *Gründonnerstag* (зеленый четверг), а *Osterhase* — ‘пасхальный заяц’) [16]. В поверьях западных славян заяц также связан с Пасхой: он на этот праздник откладывает яйца, однако в данном случае речь, по-видимому, идет о немецком влиянии.

ЗАЯЦ И ЗНАНИЯ О МИРЕ, ОПЫТ

В кашубских говорах на вопрос «что нового?» существует ответ: *zajce jak хоżëłë tak i хоґо* (зайцы как ходили, так и ходят) [25. С. 172]; в словенском языке отмечено выражение *v tem grmi zajec tiči* (в этих кустах сидит заяц) ‘здесь собака

зарыта' [24. С. 837]; в кашубских говорах — *mě ješ uzdržimě jak ten zajc pobega* (посмотрим, как этот заяц побежит) 'это еще не ясно' [25. С. 172]; в болгарских — *лови с кола зайци* ((он) охотится на зайцев на повозке) 'выполняет работу с хитростью'; *минЖль му заякъ пЖть* (заяц перешел ему дорогу) 'у него будут плохо идти дела' (в отличие от встречи с волком, которая сулит удачу) [2. С. 144], в словацких говорах — *robota ňe zajac ňe usekňe* 'работа не волк — в лес не убежит' (у словаков «не убегает» заяц) [17. С. 316].

Данная культурная семантика характерна и для южнонемецких говоров: *wis-sen, wie der Hase läuft* (знать, как бежит заяц) 'знать причину явления'; *er ist kein diesjähriger Hase* (он старый (буквально: старше, чем один год) заяц) 'опытный человек'; *Märzenhäuschen* (мартовский зайчик; март — время появления потомства у зайцев) 'юная девушка' [16]. В русских говорах Карелии — *заячий век* 'период детства' [9. С. 244].

ЗАЯЦ И ЛЮБОВЬ, БРАК

В смоленских говорах *заяц* — 'палка, закинутая молодым, на пути следования брачного поезда' [4. С. 262]; *заяц* в русских говорах Карелии и ярославских — 'в свадебном обряде: платок, свернутый особым образом, напоминающий зайца' [9. С. 244; 15. С. 115], отметим также название хороводов «заеньки», *заяушко* в говорах русского Севера [7. С. 246]; *zajíc, co po lopatě skáče* 'svatební koláč' в чешских ходских говорах [20. С. 117].

В восточнофранконских говорах зафиксирована лексема *Bethhase* (кроватный заяц) 'любовник' [16].

Тематически к этой группе значений, связанных с браком, рождением детей, можно отнести *заяуха* 'женщина, отказавшаяся, удалившаяся от ребенка' (подразумевается, что зайчиха не кормит зайчат, а убегает) [9. С. 243]; *zajča gąba* 'заячья губа, являющаяся следствием того, что во время беременности женщина смотрела на зайца' [25. С. 174].

ЗАЯЦ И МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

В севернорусских говорах представлена лексема *зайцы* 'хлопья снега' [15. С. 115], 'белые гребни волн' [10. С. 203], 'иней, изморозь внутри дома' [7. С. 247]; 'первый снег осенью' [10. С. 203]. В словенских говорах с метеоявлениями связано выражение *zajčki krmo sušijo* 'о появлении перистых облаков' (зайцы сушат корму) [24. С. 836]. В кашубских говорах *zajc* 'резкий сильный ветер на море', *zajce* 'небольшие облака, предвещающие непогоду' [25. С. 173].

Данная тема достаточно широко представлена и в восточнофранконских говорах: *Die Hasen kochen eine Suppe, backen Brot, rauchen Tabakpfeiffe* (зайцы варят суп, пекут хлеб, курят трубку) 'состояние погоды, когда в лесу после дождя парит' [16].

ЗАЯЦ И ПОДВИЖНОСТЬ, ПРЫГУЧЕСТЬ КАК ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА

В говорах Ярославской области для характеристики дома, стоящего в стороне от других домов, или домов, разбросанных по деревне в беспорядке, используется выражение *как заячий лом* (лом — 'прыжок, скачок') [15. С. 115]. В болгарских говорах зафиксировано название игры *зайчо*, характеризующейся подпры-

гиваниями [2. С. 74]. Отметим также севернорусско-кашубскую семантическую параллель, связанную с использованием обозначения зайца: пермск. *заяц стреляный* ‘о спотыкающемся человеке’ [8. С. 320]; каш. *uxvasëc zajca* — ‘упасть, потерять равновесие’. Возможно, мотивация подвижностью используется в болгарских говорах наименовании *заякъ* ‘округлое бревно, подкладываемое под тяжелые предметы, чтобы их передвинуть’ [2. С. 144].

Восточнофранконский материал дает выражение *ein hockender Hase* (путешествующий заяц) ‘любящий путешествовать, перемещаться (т.е. «скакать») человек’ [16].

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В белорусских говорах на Лоевщине зафиксировано выражение *зайца скакаць* ‘о тесноте’ (у *сенцах етых нача зайца скакаць — цесната*) [14. С. 133]; далее эта тематическая группа представлена в псков. — *заяц наестся может* в значении ‘мало’ [5. С. 276]; *заяц может перескакать* ‘о мелкой реке’ [7. С. 248]; в кашубских — *tu bë są ani zajc ñe skrìł* (здесь заяц не спрячется) ‘о неглубокой вспашке’ [25. С. 172]; в польских загожанских говорах о начале увеличения светового дня говорят, что *na Nowy Rok przybyło dnia na zajuncy sklok* (день прибывает на заячий шаг) [22. С. 219].

БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО, БОЛЬШАЯ СТЕПЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ

В псковских говорах — *как у зайца холомков* в значении ‘много’ [5. С. 276]; в кашубских *goniëc zajãce* — ‘быть очень усталым’ [25. С. 174].

ЗАЯЦ И ЗРЕНИЕ, СОН

У славян широко распространено выражение *заячий сон* ‘чуткий сон незакрытыми глазами’, например, в болгарских — *заяшкый сънь* [2. С. 144], кашубских — *Mec spik jak zajc* [25. С. 172]; в восточнофранконских говорах — *der schlãft wie ein Hase* (спит как заяц) ‘иметь чуткий сон’ [16].

ОБРАЗ ИНФЕРНАЛЬНОГО СУЩЕСТВА

Проявляется, в частности, в кашуб. *kulavi zajc* (хромой заяц) ‘демонологическое существо в образе хромого зайца’ [25. С. 173].

ИНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

В кашубских говорах *zajãca droga* — ‘тропинка, протоптанная в поле в колосьях’ [25. С. 174], в восточнофранконских — *Haseweg* (заячий путь) ‘лесная тропинка’ [16]; *Aprilhase* (апрельский заяц) ‘жертва розыгрыша 1 апреля’ [16].

ЗНАЧЕНИЯ БЕЗ МАНИФЕСТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЕЙ

В ряде случаев «культурное» значение, приводимое в диалектных словарях, определяется на основе контекста. Так, в говорах Западной Герцеговины при характеристике снежной погоды, после которой должен наступить сильный холод, говорят, что *заяц ищет/будет искать свою мать* [19. С. 563]; в восточных белорусских говорах зафиксировано следующее описание: *як заяц бяжыць — глянеш на дзяцёнка, паўляіць — на глаза ніхарошы будзіць* [11. С. 197]; кашубы о детях, рожденных зимой, то есть в отсутствие аиста, говорят, что их принес заяц [25. С. 172].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ собранного материала позволяет сделать вывод о том, что роль внеязыкового контекста для выявления всей символики зайца в традиционной культуре все-таки очень важна. Весь комплекс представлений о роли в ней этого животного не сводится исключительно к языковому значению, отмечаемому в лексике и фразеологии. Даже при наличии языковой единицы, репрезентирующей определенный фрагмент «культурного» значения, остаются дополнительные компоненты, несводимые исключительно к лексической или фразеологической семантике и выражающие целый комплекс представлений о поведении человека в его взаимосвязи с окружающей действительностью. Однако в значительной степени «культурная» семантика фиксируется для языковых единиц как часть их лексического или фразеологического значения. Одним из доказательств объективности этого феномена являются изосемы, связывающие различные ареалы на славянской и неславянской языковой территории. Наиболее обширная роль отмечается по результатам анализа собранного материала для обозначения хлеба, оставшегося несъеденным во время работы в поле и принесенного обратно домой, называемого «заячий хлеб». Подобное выражение распространено практически на всей славянской территории, также в южнонемецких говорах, а с учетом литовского *zuikio pyrãgas* — и в балтийских. Широко представлены в культурной символике зайца, по данным славянской диалектографии, кроме того, темы плодородия и брака, подвижности и прыгучести, а также использование образа зайца в народной метеорологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Български етимологичен речник (1971). [Bulgarian etymological dictionary]. Т. I. София: Издателство на Българската академия на науките.
- [2] Геров Н. (1897). Рѣчник на бльгарский языкъ [Gerov N. Dictionary of Bulgarian language. Часть втора Е—К. Пловдив: Дружествена печатница «Съгласие».
- [3] Гура А.В. (1997). Символика животных в славянской народной традиции [Gura A.V. Symbolism of animals in Slavonic folk tradition]. М.: Издательство «Индрик».
- [4] Добровольский В.Н. (1914). Смоленский областной словарь [Dobrovolsky V.N. Smolensk regional dictionary]. Смоленск.
- [5] Псковский областной словарь с историческими данными (1996). [Pskov's regional dictionary with historic data]. Выпуск 12. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- [6] Славянские древности. Этнолингвистический словарь (1999). [Slavonic ancientry. Etymological dictionary]. Т. 2. С. 284—288. Москва.
- [7] Словарь говоров русского Севера (2009). [Dictionary of Northern Russian dialects]. Том IV. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- [8] Словарь пермских говоров (2000) [Dictionary of Perm dialects]. Выпуск 1. Пермь: Изд-во «Книжный мир».
- [9] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [Dictionary of Karelia and its adjoining areas dialect]. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
- [10] Словарь русских народных говоров (1976). [Dictionary of Russian folk dialects]. Вып. 11. Ленинград: «Наука».
- [11] Слоўнік Сенненшчыны (2013). [Dictionary of Sennenschina]. Т. 1 А—К. Мінск: «Беларуская навука».

- [12] *Сцяшкови́ч Т.Ф.* (1983). Слоўнік Гродзенскай вобласці [*Stsyashkovich T.F. Dictionary of Grodno region*]. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [13] Тураўскі слоўнік (1982). [*Turauskiy dictionary*]. Т. 2 Д—К. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [14] *Янкова Т.С.* (1982). Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны [*Yankova T.S. Dictionary of dialects of Loeushchiny*]. Мінск: «Навука і тэхніка».
- [15] Ярославский областной словарь. Учебное пособие. (1985). [*Yaroslavl regional dictionary*]. Вып. 4. Ярославль: Изд-во ЯГПИ.
- [16] Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Fürth. (No date).
- [17] *Buffa F.* (2004). Slovník šarišských nářecí. Prešov.
- [18] *Fraenkel E.* (1962). Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen.
- [19] *Gusič I.* (2004). Rječnik govora Dalmatinske zagore i Zapadne Hercegovine.
- [20] *Hruška J.* (1907). Dialektický slovník chodský. Praha.
- [21] *Kluge F.* (2002). Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. Berlin-New York.
- [22] *Kobylińska J.* (1866). Słownik gwary gorczańskiej (zagórzańskiej). Kraków: Wydawnictwo Naukowe AP, 2001.
Pfuhl C. Łużiski serbski słownik. Budyšin.
- [23] *Pleteršnik M.* (1894—1895). Slovensko-nemški slovar. B. I—II. Ljubljana.
- [24] *Sychta B.* (1973). Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Tom VI U—Ż. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

SLAVONIK-GERMAN PARALLELS IN SYMBOLIC MEANINGS OF REGIONAL DIALECT LEXIS (case-study of slavonic and southern german dialects)

M.M. Kondranenko

Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K.D. Ushinsky
Respublikanskaya str., 108, Yaroslavl, Russia, 150000
mmkondratenko@gmail.com

The article is devoted to the question of the representation of language in the objective value of the recorded dialectal dictionaries, symbolism reality, characterizing traditional culture. The study concludes on the importance of the role of ritual context for completeness of the presentation on the cultural significance of a certain way, this article is the hare. The collected material has allowed to establish that the designation of a hare are widely used in various Slavic and South German dialects to refer to a wide range of objects and phenomena, associated with fertility and marriage, meteorology, folk calendar.

Key words: Slavonic and German dialectology, traditional Slavonic culture, Slavonic-and German semantic parallels, naming of a hare in Slavonic and German dialects

**СЕМАНТИКА ЧИСЛОВОГО ИЕРОГЛИФА ОДИН
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставительном аспекте
с русскими лексемами *один* и *единица*)**

Н.В. Перфильева, Цзя Цянь

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
nperfilieva@yandex.ru; jiaqian1989@yeah.net

В статье исследуется семантика китайского иероглифа, выражающего значение числа *один* на материале словаря 道德经 [Дао Де Цзин] 'Книга пути и достоинства' (составитель 老子 [Лао Цзы]), 易经 [И Цзин] 'Книга перемен' (автор 周文王 [Чжоу Вэньван]) и словарь 说文解字 [Шовэнь Цзецы] 'Происхождение китайских символов' (составитель 許慎 [Сюй Шэнь]). Подробно рассматривается семантика числового иероглифа *один*, пересечение или частичное совпадение его семантического объема с русскими лексемами *один* и *единица*. Изоморфизм онтологического содержания числового иероглифа *один* в китайском языке и лексем *один* и *единица* в русском языке, тем не менее, не приводит к совпадению внутренних форм данных языковых знаков.

Ключевые слова: словарь Шовэнь Цзецы, даосизм, семантика числовых иероглифов, Книга пути и достоинства, Книга перемен, изоморфизм.

ВВЕДЕНИЕ

Для анализа семантики числового значения иероглифа 'один' рассмотрим сначала современное толкование иероглифа, которое зафиксировано в «Словаре китайской философии» [1. С. 678]. Иероглиф *один* представлен комплексом следующих значений:

1. 数名, 最小的正整数 'числительное количество, единица. Число и количество 1'.
2. 纯, 专: 专一, 一心一意 'особенно, исключительно, только, например, целиком сосредоточиться на чем; всей душой'.
3. 全, 满: 一生, 一地水 'весь, полный, например, всю жизнь; вода пролилась на весь пол'.
4. 相同的: 一样的, 颜色不一 'тот же самый, тождественный, например, одинаковый, не тождественный цвет'.
5. 另外的: 工作是一回事儿, 玩又是另一回事儿 'какой-нибудь в ряду сходных или сопоставляемых друг с другом, например, одно дело работать — другое гулять'.
6. 表示动作短暂, 或是一次, 或具有试探性: 算一算, 试一试 'выражает короткое действие, или действие совершенное один раз, или действие, носящее исследовательский характер, например, посчитай; попробуй'.
7. 部分联成整体: 统一, 各种方言融合成一种语言 'части составляют целое, например, единый; наречия слились в один язык'.
8. 初次: 一见如故 'первый раз, например, подружиться с первой встречи'.
9. 乃, 竟: 一至于此 'являться, представлять собой, оказаться, например, оказывается, вот в чем дело'.

СЛОВАРНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ КВАНТИТАТИВА **ОДИН** В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Семантика иероглифа — ‘один’ в современном китайском языке сохранила древние значения, зафиксированные уже в 4 и 3 веках до н.э. в трудах китайских философов. Так, в «Книге пути и достоинства» Лао Цзы объясняет смысл понятия Дао, используя иероглиф *один*. Он подчеркивает непосредственную связь числового иероглифа *один* с Дао. Лао Цзы пишет: «道生一，一生二，二生三，三生万物，万物负阴而抱阳，冲气以为和。人之所恶，唯孤寡不古，而王公以为称。故物或损之而益，或益之而损。人之所教，我亦教之。强梁者不得其死，吾将以为教父» ‘Дао рождает один, один рождает два, два рожают три, а три — все вещи. Дао содержит в себе Инь и Ян, которые вместе образуют стабильное состояние. Человек и вещество должны соблюдать законы развития вещи. Снижение иногда получает повышение, а увеличение, наоборот, приводит к уменьшению. Другие так меня учат, а я тоже так их учу’ [2. С. 6].

В другой древней работе 700 г. до н.э. — в *Книге перемен* 易经 [И цзин], по мнению автора 周文王 [Чжоу Вэньван], число *один* означает небо, а *два* — землю. Первоначальная сила делит хаос на две части: тяжелая превращается в землю, а легкая — небо. Наш разум делит мир на небеса и землю, день и ночь, свет и тьму, правое и левое, мужчину и женщину, на я и мы [3. С. 20].

Сюй Шэнь, автор словаря «Шовэня» (147 г. н.э.), развивая идеи даосизма, изложенные Лао Цзы, дает числу *один* объяснение, которое основывается на понятии Дао. Число 1 выступает как первоначало всего сущего. Дао, по мнению Сюй Шэня, существовало изначально, его невозможно выразить словами, но из нелинейного сознания Дао происходит **единое (один)**, единица это два, два это три, три — это все множество вещей. Таким образом Сюй Шэнь объясняет семантику числовых иероглифов, которая неразрывно связана с идеей образования мира. Автор словаря с позиции *даосизма* не только объясняет числовое значение *один*, *два* и *три*, но и с точки зрения *даосизма* выясняет скрытый философский смысл чисел. Приведем цитату Сюй Шэня: 一，惟初太始，道立于一，造分天地，化成万物，凡一之属皆从 — ‘единица — это начало всех начал; Дао существует и получает отражение в единице; Дао разделяет хаос на небо и землю’ [4. С. 1].

Итак, в современном толковании иероглифа — ‘один’ содержатся идеи, изложенные в древних философских текстах, а именно:

- число 1, количество;
- единое целое;
- являться, представлять собой.

Рассмотрим подробнее другие значения полисемантического иероглифического комплекса, которые, очевидно, также представляют собой древние значения знака *один*:

- 数名，最小的正整数 ‘числительное количество, единица;
- 纯，专：专一，一心一意 ‘особенно, исключительно, только, например, целиком сосредоточиться на чем; всей душой’;
- 全，满：一生，一地水 ‘весь, полный, например, всю жизнь; вода пролилась на весь пол’.

Приведенные значения иероглифа — ‘один’ могут быть легко объяснимы в диахроническом аспекте. Так, Се Гуанхуй в «Этимологическом словаре китайских иероглифов» о происхождении древнего китайского иероглифа 壹 ‘один’ пишет: “形声字 篆书壶表意，以水壶藏液体而不泄漏表示专一而不涣散；吉表声，表示吉祥幸福需心智专一地追求才能得到 本义专一 后用作数字‘一’的大写” [5 С. 538]. ‘Иероглиф 壹 относится к иероглифам фонетической категории.

В письменности Сяожуань отчетливо видна модель образования иероглифа, состоящего из двух частей: 壺 ‘кувшин’ и 吉 ‘счастье’. Иероглиф 壺 ‘кувшин’ выражает значение ‘вода в кувшине не будет уходить’, которое является символом сосредоточенности на чем-либо, а иероглиф 吉 ‘счастье’ представляет собой символ того, что ‘во время стремления к счастью нужно быть сосредоточенным’.

Семантический объем иероглифа 壹 ‘один’ включает в себя значение ‘сосредоточенность’, позже в нем развиваются значения ‘один, единица’, и он начинает употребляться как числовое выражение — ‘один’. В современном иероглифе сохраняются древние значения: ‘сосредоточиться на чем-либо, всей душой, вся жизнь, вода пролилась на весь пол’, которые восходят к пиктограмме древнего иероглифического знака.

Можно предположить, что значение ‘один, единица’ появилось в данном иероглифическом комплексе как результат метонимического переноса:

кувшин с водой —————> целый объект
 целый объект —————> единица, один.

Рассмотрим подробнее следующие значения иероглифа *один*: ‘являться, представлять собой, части составляют целое’. В словаре «Шовэнь»¹ семантика числа *один* объясняется с точки зрения философии даосизма, так числовой иероглиф — ‘один’ выражает единство, начало исчисления, начало всего сущего, Сюй Шэнь пишет: «惟初太始一，道立于一，造分天地，化成万物 凡一之属皆从一。惟初太始 惟初太始²». Смысл толкования заключается в том, что иероглиф *один*, с одной стороны, трактуется как хаос/космос, с другой стороны, как закон/дао,

¹ 说文解字 [Шовэнь цзецзы] (сокращенное название «Шовэнь» 许慎) является первым китайским словарем, в котором была упорядочена форма написания иероглифов, а также сами иероглифы были классифицированы по ключам (был завершен к 100 г. н.э.). Особенностью словаря является распределение 9353 иероглифов по 540 ключам. Начинается словарь с числового ключа — ‘один’ и заканчивается ключом 亥 ‘хай, двенадцатый циклический знак из двенадцати земных ветвей’. По мнению Сюй Шэня, Дао существует в числе — ‘один’, которое отделяет небо от земли и постепенно превращается во все существа. Числовые иероглифы сопровождаются пояснениями составителя словаря, в котором составитель Сюй Шэнь объясняет семантику числовых иероглифов с точки зрения различных философских концепций Древнего Китая. Толкуя смысл числовых иероглифов *один* и *два*, автор словаря основывается на идеях даосизма и натурфилософии школы Инь и Ян.

² ‘Единица — это начало всех начал; Дао существует и получает отражение в единице; Дао разделяет на небо и землю. ‘начало всех начал’, период хаоса. Хаос/космос еще не делится на небо и землю: он един [здесь и далее перевод наш. — Н.П.; Ц.Ц.]’ [6. С. 103].

делящий хаос на небо и землю, т.е. *один* в философии Дао представляет собой двуединую сущность: **единое целое и то, что делит космос на небо и землю**; другими словами, семантика иероглифа — ‘один’ с точки зрения даосизма представляет собой начало жизни. Отметим, что в русском языке идея **единства** также может быть выражена именем со значением ‘один’ — *единица*. Таким образом, в русском и китайском языках обнаруживается изосемичность в толковании семантики значения *один* с той разницей, что в китайском иероглифе со значением *один* соединены два именных значения русского языка — имени числительного *один* и имени существительного *единица*. Дериваты имени существительного *единица*, как, например, *единый, единение*, раскрывают семантику «нечто неделимое».

Рассмотрим толкование семантики числового иероглифа — ‘один’ в новейшем философском словаре Чжан Дайняня. В словаре значение иероглифа *один* определяется как видимое *Дао* (Бог, слово, логос, путь). Чжан Дайнянь пишет: «**夫道，有情有信，无为无形；可传而不可受，可得而不可见；自本自根，未有天地，自古以固存，神鬼神帝，生天生地；在太极之先而不为高，在六极之下而不为深，先天地生而不为久，长于上古而不为老**» (в переводе: «Дао — правдивость и достоверность, Дао не имеет содержания (имени) и формы; Дао можно чувствовать, но ему невозможно научиться; Дао можно воспринимать, но его нельзя видеть; Дао является корнем всего; Дао уже существовало до возникновения Земли и Неба; Дао есть везде и всегда: Дао раньше всего и всех появилось») [1. С. 678].

Современное толкование семантики иероглифа — ‘один’ продолжает идеи даосизма в интерпретации числового иероглифа — ‘один’ как начала мироздания и как видимого олицетворения *Дао*, который делит космос на небо и землю, т.е. *Дао* порождает небо и землю. *Дао* есть невидимая сущность, — ‘один’ обозначает видимое Дао, т.е. Дао существует в виде видимой единицы.

Отметим, что в русском языке в выражении *закон един*, наблюдается совпадение с семантикой китайского числового иероглифа — ‘один’. Однако в отличие от китайского языка, где смысл концентрируется в одном иероглифе, в русском языке произошло расщепление некогда единого смысла. Так, русская лексема *закон* восходит к праславянскому **zakonъ* «закон», которое образовано с помощью приставки *za* «за-» от **kōpъ* «предел, начало, конец, граница», производного от глагола **kenti/*kъnti* «появляться, наступать». Первоначально лексема *закон* совмещала два противоположных смысла: «то, с чего все начинается, и то, чем все кончается». Совмещение двух противоположных значений в одном и том же корне (начало и конец) обнаруживается во фразеологических оборотах и поговорах: *без начала, без конца*. О.Н. Трубачев предположил наличие у слова *закон* семантики «установления, регламентации поведения, обязательств, главным образом между людьми», что также перекликается с семантикой китайского иероглифического знака — ‘один’ [7; 8].

Итак, два разноструктурных языка — изоморфный китайский и флективный русский языки — обнаруживают удивительное совпадение в понимании и толковании семантики числа *один*. Значения анализируемых единиц систематизированы в матрице.

Матрица значений числа один в китайском и русском языках

Значения в китайском языке	Значения в русском языке
1. 数名, 最小的正整数 числительное, количество	числительное, количество
2. 纯, 专: 专一, 一心一意 'особенно'	единственный
3. 全, 满: 一生, 一地水 'весь'	единство
4. 相同的: 一样的, 颜色不一 'тот же самый'	один в один
5. 另外的: 工作是一回事儿, 玩又是另一回事儿 'какой-нибудь элемент в ряду сходных или сопоставляемых друг с другом'	говорить в один голос
6. 表示动作短暂, 或是一次, 或具有试探性: 算一算, 试一试 'выражает короткое действие'	один раз
7. 部分联成整体: 统一, 各种方言融合成一种语言 'части составляют целое'	все как один
8. 初次: 一见如故 'первый раз'	первый раз +
9. 乃, 竟: 一至于此 'являться'	—

В обоих языках сохранилось:

- значение *закона/дао*, который порождает и регламентирует этот мир;
- значение единства (лексемы *единица, единый, закон един* и т.д.).

Однако со временем в русском языке некогда единый смысл числа *один* дифференцировался: значение единичности передается лексемами *один, одиночество*, а значение *единства* – старославянскими по происхождению лексемами *единый, единство*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав семантику китайского иероглифа — 'один' на материале словаря Лао Цзы «Книга пути и достоинства», Чжоу Вэньван «Книга перемен» и Сюй Шэнь «Происхождение китайских символов», можно прийти к следующим выводам.

◆ Семантический объем китайского иероглифа со значением числа — 'один' и русских лексем со значением *один* — имени числительного *один* и имени существительного *единица*, а также производных (*одиночество, одинокий, единый, единство* и т.д.) обнаруживает изоморфизм значений. Значимость анализируемых лексем также обнаруживает сходство, что, по-видимому, может быть объяснено несколькими причинами.

◆ Изначально слова со значением *один* в русском и китайском языках не использовались как начало счета, а служили для идентификации объекта, отсюда в китайском языке внутренняя форма числового иероглифа — это кувшин с водой, в русском языке — указательное местоимение.

◆ Как в китайском, так и в русском языках в результате метонимического переноса появились значения, которые выражают *нечто целое; особенный или исключительный*.

Таким образом, проведенный анализ семантики иероглифа с числовым значением *один* и русских лексем, выражающих аналогичные значения, доказывают,

что, несмотря на разные структуры языков, различные лексические и грамматические способы выражения идеи числа *один*, русский и китайский языки демонстрируют удивительное сходство, что можно кратко резюмировать фразой В. фон Гумбольдта о том, что язык есть сочетание всеобщего и индивидуального: каждый человек говорит на своем языке, но все мы говорим на одном языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] 张岱年. 中国哲学大辞典[M]. 上海: 上海辞书出版社 (2010). *Чжан Дайнянь*. (2010) Словарь китайской философии. М.: Шанхайское словарное издательство.
- [2] 老子. 道德经 [M]. 长沙: 岳麓书社 (2011). *Лао Цзы* (2011) Дао Дэ Цзин. Издательство Юйлу. *Lao Czu* (2011) Dao Dje Czin.
- [3] 于春海. 易经[M]. 长春: 吉林文史出版社(2006). *Юй Чуньхай*. (2006) Ицзин: Цилиньское издательство художественных и исторических произведений.
- [4] 许慎. 说文解字. 北京: 中华书局 (1963). *Сюй Шэнь*. (1963) Шовэньцзецзы. Китайское книгоиздательство.
- [5] 谢光辉. 汉语字源词典. 北京: 北京大学出版 (2000). *Се Гуанхуй*. (2000) Этимологический словарь китайского языка. Издательство Пекинского университета.
- [6] [清] 段玉裁. 说文解字注. 上海: 上海古籍出版社 (1988). *Дуань Юйцай* (1998) Комментарий о «Шовэньцзецзы». [Династия: Цзин Шанхайское издательство старинных книг].
- [7] Трубачев О.Н. (1990) В поисках единства [Trubachev O.N. Looking for the unity] // Русская речь. М., 1990. № 2.
- [8] Преображенский А.Г. (1958) Этимологический словарь русского языка [Preobrazhensky A.G. M. Etymological dictionary of the Russian language]. Москва.

SEMANTICS OF CHINESE HIEROGLIF NUMBER WORD *ONE* (in comparison with russian lexemes *один* and *единица*)

N.V. Perfilieva, Jia Qian

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
NPerfilieva@yandex.ru; Jiaqian1989@yeah.net

The article studies the semantics of Chinese number word *one* on the material of “the Classic of the Way and the Power” (by the sage Laozi, 4—3 centuries. BC.), “the Book of Changes” (by The King Wen, 700 BC.), and the dictionary “Shuowen Jiezi” (by Xu Shen, about 147 BC.). The paper deals with the semantics of Chinese number *one* in detail, offering detailed analyses and intersection and overlaps between Chinese number *one* and Russian lexemes *один* and *единица*. Although there is no distinction in term of isosemia, ontological content of Chinese number *one* and Russian lexemes *один* and *единица*, it doesn't result in the coincidence of internal forms of those linguistic signs.

Key words: Shuowen Jiezi, the Taoism doctrine, semantics of number words, the Classic of the Way and the Power, the Book of Changes, isosemia

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОГОЭПИСТЕМ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

М.Б. Нагзибекова, З.Д. Мирзоева

Таджикский национальный университет
просп. Рудаки, 17, Душанбе, Таджикистан, 734025
mnagzibekova@mail.ru; zara_m56@mail.ru

В статье на основе фактического материала русской и таджикской паремиологии, а также проведенной классификации ассоциативно-образных групп логоэпистем рассматриваются фразеологизмы с символическим компонентом «*хлеб/нон*» в русском и таджикском языках. Проводится их лингвокультурологический анализ в сопоставляемых языках. Для русской и таджикской картин мира в паремиологической репрезентации концепта *хлеб/нон* наряду со сходными чертами обнаруживаются также и отличительные особенности.

Ключевые слова: хлеб/нон, культура, фразеология, символ, компонент, ценность, язык

ВВЕДЕНИЕ

Используя фактический материал русской и таджикской паремиологии, а также проведенную классификацию ассоциативно-образных групп логоэпистем, мы получили возможность провести сопоставительный анализ концепта *хлеб/нон* в русской и таджикской языковых картинах мира.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ КОНЦЕПТА *ХЛЕБ/НОН*

Хлеб в русских и таджикских паремиях представляется как основа жизни: *Хлеб — всему голова* и аналогично *Нон — сутуни дил*. Философские теории признают хлеб жизненно важным началом как естественно-природным, так и духовным.

Носители русского и таджикского языков утверждают: *Был бы хлеб, а у хлеба люди будут, Нон бошад нонхур бисёр*, что означает 'хлеб объединяет людей'. И для русского, и для таджика особую ценность имеет хлеб, добытый своим трудом, сравните: русск. *Чужой хлеб в горле петухом поет, Чужой хлеб приедчив*; таджик. *Аз палови касс нони загораи худ беҳ, Нони ҷавини худам беҳтар аз каботи дигарон*. В этом ассоциативно-образном значении делается акцент на 'честно-заработанном хлебе', что в таджикской ментальности усугубляется 'дозволенностью или недозволенностью' (тадж. 'ҳаром/ҳалол'), то есть под лексемой **честный** подразумевается 'разрешенный Богом и шариятом' ср.: *Хлеб черствый — обед честный*; тадж. *Нони мехӯрдагии худро ҳалол карда хӯрдан. Нону намакро ҳалол карда хӯрдан*.

Заработанный своим трудом хлеб вкусен и слаще вдвойне, поскольку заработать или добыть хлеб — это труд не из легких: *Пóтом добытый хлеб и черствый сладок, Лиха беда — хлеба нажить, а с хлебом — кому хочешь можно жить, Баловством хлеба не добудешь*; тадж. *Кор кунӣ, нон мехӯрӣ, Нон он хӯрад, ҷони бародар, ки кор кунад, Санги бомехнат, беҳ аз нони бемехнат*.

В ходе исследования было выявлено наличие в идиоматике рассматриваемых языков так называемых концептуальных связок. Так, уникальную концептуаль-

ную связку образуют лексемы *хлеб* и *соль*, репрезентированные в русских и таджикских паремиях в качестве самых важных продуктов: «Хлеб-соль дружбу водит, а ссору выводит», «Хлеб-соль есть, да не про вашу честь», «Помяни соль, чтобы дали хлеба», «Ба қадри нону намаки хўрдағи расидан», «Нону намакро андеша кардан», «Нону намак кашидан».

Њар дуи инъо њам калонзодағони Бухоро буда, бо таъбири њамон забон «устухонъошон бо нону намаки њаноби олі сохташуда» буд. «Ёддоштъо». к. IV. саъ. 628. — Они с малолетства готовились к придворной службе, оба происходили из знатных семей Бухары, и, как тогда говорили: «Кости их окрепли на хлебе и соли его величества». «Воспоминания», ч. 4, стр. 370.

Аналогичную концептуальную связку составляют лексемы *вода* и *хлеб*: *Хлеб вскормит, вода вспоит, Хлеб да вода — молодецкая еда; тадж. Обу нони касе, чизе шудан.*

Более того, таджикская языковая картина мира обусловила использование в речи носителей этого языка ткой концептуальной связки как «ошу нон» — «ошу нон додан» — содержать: *Онъо барои ошу нони туро хўрдан гун мешаванд, вагарна ба хонаи ман чаро намераванд, чунки дар он њо ошу нони барзиёд нест. «Ёддоштъо», к. II, саъ. 274. — Они приходят твоего плова поесть. Иначе почему они у меня не собираются? Потому, что у меня нет ни лишнего плова, ни лепешек. «Воспоминания», ч. 3, стр. 14.*

Ман мешунавам, ки шумо даъ сар аспи кўпкориги нигоъ дошта, ба чандин нафар чапандозон њам ошу нон медиъед. «Ёддоштъо», к. II, саъ. 275. — Я слышал, что для конских игр, для козлодранья ты держишь десяток отборных лошадей и при них содержишь несколько человек для той же игры. «Воспоминания», ч. 3, стр. 15.

Ассоциативно-образную концептуализацию достатка и благосостояния наивная картина мира рассматриваемых языков представляет и в другой связке — хлеб/масло: «Кушать хлеб с маслом, «Нони касе равғанин шудан», «Нон бо равған хўрдан».

Аналогичность в способах репрезентации концепта *хлеб/нон* в русской и таджикской идиоматике позволило выделить 18 категорий со схожими символическими значениями, представленных следующими лексемами: *хлеб-основа, достаток/благосостояние, труд, профессиональный заработок, бережливость, запас, свой/чужой, голод, нажива/выгода, насилие, благодарность, бедность, дружба/знакомство, судьба/доля, отказ, честный/дозволенный, гостеприимство, часть.*

Однако в силу того, что национальная самобытность восприятия мира того или иного этнокультурного социума заложена в психологии и образе жизни народа, которые нашли свое отражение в языке семантической структурой языковых знаков, рассматриваемые наивные картины мира проявляют также и различия в представлении концепта ХЛЕБ/НОН.

Так, на Руси хлеб добродушно сравнивали с отцом и кормильцем, подчеркивая при этом родственные отношения человека с главным в его жизни продуктом питания: «Хлеб — дар божий, отец, кормилец», «Хлеб — батюшка, водица — матушка».

В русских паремиологических единицах заложено концептуальное символическое значение ‘хлеб — единственная и значимая пища’, например: *Калач приесться, а хлеб — никогда, Без денег проживу, а без хлеба не проживу, Худ обед, коли хлеба нет*. Также акцентируется и другая особенность хлеба — ‘здоровая пища’: *Хлеб сердце человеку укрепит, Хлеб да вода — здоровая еда*.

В отличие от таджикской, русская языковая картина представлена уникальным концептом **тоска**, непосредственно связанным с важным в жизни человека хлебом: *Хлеба ни куска, так и в горле тоска, Хлеба ни куска — и в горнице тоска*; концептом **зависть**: *В чужих руках ломоть (пирог) велик, а как нам достанется мал покажется, В чужих руках краюха за ковригу (кус за ломоть)*.

В этнокультуре Таджикистана народное признание хлеба как главного продукта служит индивидуальной и общественной характеристикой, поскольку данное понятие регулируется общественным устоем и порядком, ведь именно социальные нормы формируют людские гастрономические предпочтения человека. Продовольственные традиции содержат в себе ценности и антиценности общества, его нормы и обычаи. К примеру, паремиологический образ муллы — мусульманского священника — в таджикской традиции часто может быть репрезентирован посредством пищевого кода культуры, актуализируя такие отрицательные качества, как «ненасытность», «жадность», «алчность»: *Шири мурғу пой мору нони мулло кас надид, Аз нони мулло (мумсик) ситора наздиктар аст, Нони мулло хӯрӣ, ишкамчанг шавӣ*. В противовес русской паремиологии ассоциативно-образная категория «жадность» представлена только по отношению к одному субъекту — к мулле.

Примечателен тот факт, что и в русской идиоматике с концептом **хлеб** отмечена субъектная направленность на священнослужителей, однако служителям культа, как правило, присущи положительные качества, например: *Попы за книжки, а миряне за пышки*.

Таджикская языковая картина, нашедшая свое отражение в паремиологических единицах, наиболее широко представлена в такой безэквивалентной ассоциативно-образной категории, как **жизненные трудности**: *Якто нони касе дуто нашудан, Бахт баргардат агар, атолла дандон бишканад, Нонаи ҳаргиз бутун нашуд, Нон дар нондон, калидаи дар осмон*. Таджикская ментальность нашла свое воплощение в содержащих концепт **нон** пословицах и поговорках символических категорий **неблагодарность**: *Нону намак ба касе ҳаром бод, Дар чое, ки нону намак хӯрди, ба намакдон туф накун, Нонро пешто задан*; ср. русск. **трудный хлеб**: *Нони шавҳар арра дорад, арраи шаштарра дорад, Нони шӯяхӯрдам ба дандони оҳанин, нони бача хӯрдам ба дандони пӯлотин*.

Таким образом, для русской и таджикской картин мира в паремиологической репрезентации концепта **хлеб/нон** наряду со сходными чертами обнаруживаются также и отличительные особенности, выражающиеся в следующих ассоциативно-образных категориях:

1) **для русского языка** — *пища, Бог/святыня, лень/праздность, сон, зависть, займы, деньги, нажива/выгода, пьянство, отдельный/целостный, счастье/удача, тоска, мир/споры, сила, горе, характер человека, судьба/доля, отказ, верное/надежное, страх, просьба, разное/одно, много/мало*;

2) для таджикского языка — *неблагодарность, жизненные трудности, постоянное занятие, неопытность, отнимать/терять, наказание, трудный хлеб, помощь, благословение, помолвка, упитанность, непривлекательность, хвастовство, терпение отговорка, разумность, глупость, прочный брак, вежливость, обман, риск, безосновательность.*

Репрезентацию концепта хлеб/нон, выраженных в выявленных 36 ассоциативно-образных категориях, можно сконцентрировать в табл. 1.

Таблица 1

Репрезентация концепта хлеб/нон в русском и таджикском языках

Ассоциативно-образная категория	Русский язык	Таджикский язык
1. хлеб-основа	<i>Хлеб — всему голова</i>	<i>Нон — сутуни дил</i>
2. достаток/ благо-состояние	<i>Хлеб на стол, так и стол престол</i>	<i>Нон боравған хурдан</i>
3. труд	<i>Пóтом добытый хлеб и черствый сладок</i>	<i>Кор кунӣ, нон мехӯрӣ</i>
4. профессионал, заработок	<i>С ремеслом и увеченный хлеба добудет</i>	<i>Нони касбу кора хурдан</i>
5. бережливость	<i>Ешь пироги, а хлеб вперед береги</i>	<i>Гушба чен карда нон додан</i>
6. запас	<i>Поезжай на неделю, а хлеба бери на два</i>	<i>Роҳи як рӯза равӣ, нони серӯза гир</i>
7. свой/чужой	<i>Чужой хлеб в горле петухом поет</i>	<i>Нони чавини худам беҳтар аз кабоби дигарон</i>
8. голод	<i>Не давать голодному хлеб резать</i>	<i>Гушнаро нон ба танӯр дер мепазад</i>
9. нажива/выгода	<i>У хлеба не без крох</i>	<i>Дӯсти чонӣ беҳ аз дӯсти нонӣ</i>
10. насилие	<i>Не корми калачом, да не бей в спину кирпичом</i>	<i>Як мушт зада як бурда нон додан</i>
11. благодарность	<i>И собака на того не лаает, чей хлеб ест</i>	<i>Ба қадри нону намаки хӯрдагӣ расидан</i>
12. бедность	<i>У богатого груз на корабле, а у бедного хлеб на уме</i>	<i>Ба як бурда нон зор будан</i>
13. дружба/знакомство	<i>Делить (водить) хлеб-соль с кем-л</i>	<i>Бо дӯстон нону пиёз</i>
14. судьба/доля	<i>Кому чин, кому блин, а кому клин</i>	<i>Нону насиб бошад</i>
15. честный/дозволенный	<i>Хлеб черствый — обед честный</i>	<i>Нону намакро ҳалол карда хурдан</i>
16. гостеприимство	<i>Хлеб-соль в воротах, так не своротишь</i>	<i>Нону намак кардан</i>
17. жадность	<i>Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою</i>	<i>Нони муллоро хурӣ, ишкамчанг шавӣ</i>
18. бог/святыня	<i>Бог на стене, хлеб на столе</i>	
19. неблагодарность		<i>Нону намаки касеро хӯрдан, ба намакдон туф кардан</i>
20. благословение		<i>Рӯят нон барин гарм шавад</i>
30. горе	<i>Горе можно с хлебом съесть</i>	
31. характер человека	<i>Тертый калач</i>	
32. терпение		<i>Гар сабр кунӣ, аз ғӯрра ҳалво мепазӣ</i>
33. просьба	<i>Проси как хлеба просят</i>	
34. прочный брак		<i>Нон ба як рӯ мепазад</i>
35. обман		<i>Нони касеро уштур кардан</i>
36. безосновательность		<i>Даъвои нони қоқ</i>

Следует отметить, что концептуальная лексема *хлеб/нон* в рассматриваемых языках описана также с помощью перцептивных характеристик, например, цвета, размера, вида, консистенции, формы: *Отрезанный ломоть к хлебу не приставишь. Потом добытый хлеб и черствый сладок. Хлебец ржаной — отец наш родной. Старая хлеб-соль не забывается. Хлеб черствый — обед честный. Дай*

Бог покой да хлеб святой. Тертый калач. Сравните тадж.: *Даъвои нони қоқ. Нони ҷавини худам беҳтар аст аз кабоби дигарон. Нони равганин хӯрдан. Нону намаки ҳалол хӯрдан. Роҳи як рӯза равӣ, нони се рӯза гир.*

Заархивированные в идиомах константы мифологического сознания могут быть исследованы также по пути от плана выражения к плану содержания, так как концепт может быть репрезентирован разными лексемами. Так, проведенный анализ паремиологических и фразеологических единиц, характеризующих концепт *хлеб/нон*, позволил выявить, что данная концептуальная единица представлена несколькими лексемами. В русском языке паремии содержат лексемы *блин, коврига, ломоть, краюха, пирог, калач, кусочек, урожай, оладьи, пряники, крошки, пышки*; аналогично в таджикском — *хамир, чалпак, фатир, ҳалво, оталла, нонтарӣ*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было выявлено, что паремиологические единицы, репрезентирующие концепт *хлеб/нон*, зачастую характеризуются компаративной структурой. Семантическая организация паремий и фразеологизмов обусловлена их структурно-синтаксическими особенностями и синтаксической связностью, в большинстве случаев достигнутой посредством приема антитезы, то есть использования антонимов, а также лексической полярности, сравните: тадж. *Аввал нон, баъд имон, Санги бо меҳнат, беҳ аз нони бемеҳнат, Оишхӯр ба ош кам не, нон хӯрда — нон, Нон калон газу гапи калон назан, Дӯсти ҷонӣ беҳ аз дӯсти нонӣ*; русск. *Вино веселит, а хлеб спит, У богатого груз на корабле, а у бедного хлеб на уме, Выпивши пиво — да тестя в рыло; поев пироги — тещи в кулаки*. Таким образом, репрезентация концепта *хлеб/нон* в русской и таджикской языковой картине мира, отразившаяся в паремиологических и фразеологических единицах, характеризуется как сходными, так и отличительными особенностями.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LOGOEPITEM IN RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

M.B. Nagzibekova, Z.D. Mirzoyeva

Tajik National University
ave. Rudaki, 17, Dushanbe, 734025
mnagzibekova@mail.ru; zara_m56@mail.ru

On the basis of the factual material of Russian and Tajik paremiology and classification of associative-image groups of logoeptem the idioms with symbolic component of “bread” in Russian and Tajik languages are studied. Lingvo-culturological analysis of the idioms in the compared languages is made. For the Russian and Tajik pictures of the world in representation of the concept paremiological the concept “bread” along with similar, specific features are also found.

Key words: bread, culture, phraseology, a signifier, a component, value, language

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

УДК 81'32

РАЗВИТИЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ЕГО МЕСТО В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Ю. Карцева

Российский университет дружбы народов (РУДН)
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198
lenakartseva@inbox.ru

Т.Д. Маргарян, Г.Г. Гурова

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
ул. 2-я Бауманская, 5, Москва, Россия, 105005
t.margaryan@bmstu.ru, ggurova@bmstu.ru

Межкультурную коммуникацию сложно представить без использования перевода, но приобретение компетенции переводчика требует много времени и усилий. Поэтому трудно переоценить актуальность изучения и решения проблем, связанных с машинным переводом, и важность его практического применения в преодолении языкового барьера. В статье авторы обращаются к истокам возникновения машинного перевода, характеризуют основные этапы развития данного вида перевода, анализируют его достоинства и недостатки для профессионального общения, обсуждают перспективы данной технологии в межкультурной профессиональной коммуникации и представляют результаты проведенного исследования. В статье авторы приходят к выводу, что автоматический перевод станет повседневной и существенной частью глобального информационного общества.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматический период, межкультурная профессиональная коммуникация

ВВЕДЕНИЕ

Каждое занятие по иностранному языку — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире [14]. Перевод имеет важное значение для правильного восприятия мира с его многогранностью и для межкультурной коммуникации. Но в общении между специалистами из разных стран по-прежнему имеют место языковые барьеры или трудности перевода. При обучении английскому языку в университетах, в том числе и технических, основ-

ное внимание отводится традиционным методам преодоления языковых барьеров — это обучению переводу на разных этапах подготовки специалистов. Следует признать, что с ростом экономических, политических и культурных связей между странами повышается и интенсивность информационных потоков между ними, и этих методов становятся уже недостаточно. Расширение международного сотрудничества делает проблему оперативного перевода корреспонденции, деловых предложений и контрактов и т.д. особо актуальной. И одним из решений этой проблемы может быть создание и развитие систем машинного перевода, которые могли бы стать эффективным инструментом в работе специалистов различных профилей. Цель данной статьи — дать краткий обзор основных этапов и подходов в развитии машинного перевода (МП), сравнить уже существующие системы МП и оценить возможности машинного перевода для профессиональной межкультурной коммуникации. Проблемами МП занимались многие исследователи и практики [1—3; 6; 7; 11], но стремительно развивающиеся информационные технологии изменили подход к МП и расширили сферу его применения, а современных работ, которые представили бы целостную картину развития МП и его современные возможности в сфере профессиональной коммуникации, к сожалению, нет. Решая задачу машинного перевода, необходимо учитывать богатый опыт межкультурного общения и опыт переводческой деятельности, накопленный человечеством.

ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Нужно отметить, что перевод как ремесло имеет долгую историю, и своими корнями он восходит к тем далеким временам, когда несколько языков могли выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин. Круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, научные и научно-технические книги, статьи из самых разных областей знания, документы, деловые бумаги, выступления и обсуждения профессионалов, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи посредника — «толмача».

Так что же такое перевод? Переводом называют процесс и результат создания на основе исходного текста на одном языке равноценного ему в коммуникативном отношении текста на другом языке. При этом коммуникативная равноценность, или эквивалентность, понимается как такое качество текста перевода, которое позволяет ему выступать в процессе общения носителей разных языков в качестве полноценной замены исходного текста (оригинала) в сфере действия языка перевода [1].

В последнее время многим стало очевидно, что знание иностранных языков может понадобиться не только в путешествии или на приеме гостей, для участия в научных конференциях или обмене мнениями с коллегами, но и в собственном доме, например, при просмотре популярных зарубежных кинолент, при чтении инструкций по использованию техники, или чтении популярных Web-страниц по интересующей тематике. Оказывается, что, даже не покидая родных стен, мы нуждаемся в услугах переводчика. И необходимую помощь нам вполне может

оказать домашний компьютер. Системы машинного перевода давно перестали быть диковинкой, вместо бессвязного текста они начинают изъясняться на вполне понятном, «человеческом» языке. Еще совсем недавно такие программы были не только очень дорогостоящими, но и весьма сложными и капризными в применении. И вот появились первые переводчики, пригодные для использования на домашнем компьютере (ПК). Но можно ли доверять таким переводам? Учитывают ли они профессиональную и культурную специфику?

Возможность механизации такого казавшегося рутинным умственного труда, как перевод, давно привлекала внимание. По свидетельству биографов, еще выдающийся математик XIX в. Чарльз Бэббидж пытался убедить британское правительство в необходимости финансировать его исследования по разработке «вычислительной машины». В числе прочих благ он обещал, что когда-нибудь эта машина сможет автоматически переводить разговорную речь [9].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Развитие машинного перевода и его современное состояние можно представить как диалектическое взаимодействие, борьбу двух основных направлений, двух подходов к проблеме. Эти подходы определяются тем, что берется за основу системы описания входного языка для конечной цели перехода к выходному естественному языку в условиях сохранения содержания, смысла переводимого текста.

Первый подход характеризуется использованием максимально универсального мощного языка смысла. К нему можно отнести метод «семантических множителей, тезаурусный метод, метод фильтров, анализ через синтез, модель «смысл-текст» и прочие.

Второй подход, который хронологически возник раньше первого, был создан математиками и инженерами; теперь, когда мы оцениваем высказанные в то время соображения, следует признать, что интуиция и здравый смысл дали возможность уже в то время сформулировать важные индуктивные концепции. Этот подход базируется на таком представлении о промежуточном языке, которое близко к идее переводных соответствий на чисто языковом уровне. Методическая суть этого подхода: изучение индивидуального поведения языковых единиц, особенно в языковом контексте; моделирование человеческого владения языком, особенно в процессе межъязыкового перевода; переход от простого, легко формализуемого, находящегося на поверхности, к более сложному, формализация которого достигается постепенно, последовательным движением от простого [6; 11].

История машинного перевода как научно-прикладного направления началась в середине прошлого века. В 1933 г. было запатентовано механизированное переводное устройство П.П. Смирнова-Троянского, своего рода лингвистический арифмометр. В марте 1947 г. Уоррен Уивер, директор отделения естественных наук Рокфеллеровского фонда, в переписке с Эдрю Бутом и Норбертом Винером впервые сформулировал концепцию машинного перевода (МП), которую несколько позже (в 1949 г.) развил в своем меморандуме, адресованном Фонду [16].

Собственно МП начинается с применения электронных вычислительных машин (ЭВМ) к обработке текстов на естественных языках. Эта идея основывалась на успехах, достигнутых в применении ЭВМ к криптографическим задачам. В 1946 г. в дискуссии между У. Уивером и А.Д. Бутом было высказано предположение, что основные элементы языка могут быть обнаружены с помощью устройств, разработанных во время Второй мировой войны и предназначенных для расшифровки секретных кодов противника [12].

После публикации работ К. Шеннона по математической теории связи [17], оказавших большое влияние на развитие математической теории информации, были сделаны попытки применить к анализу языка инструментарий средств, пригодных для обнаружения общих свойств кодов, и машинный перевод рассматривался как еще одна область применения техники дешифрования. При этом важно, что предполагалось осуществить обнаружение на первых порах самых общих свойств «кода».

В меморандуме У. Уивера — одном из исходных документов, от которых началось развитие машинного перевода, — приводится пример дешифрования и отмечается важное качество языковых сообщений, а именно инвариантность языковых характеристик на разных уровнях, позволяющая найти хотя бы самые общие свойства кода: «...Можно было догадаться, что при расшифровке использовалась частотность букв и комбинаций букв, которые почти не зависят от того, каким языком написан зашифрованный текст. Сразу же возникает предположение, что на том этапе, когда человек изобретал и развивал языки, возникли некоторые их инвариантные свойства, которые опять-таки неточно, но до некоторой статистически полезной степени присущи всем языкам» [12]. Порядок установления иерархии языковых уровней в общем случае переустройства системы знаков может быть иной — не от низших уровней к высшим, а от общих уровней к частным. Можно считать, что на становление и развитие машинного перевода оказал влияние криптоанализ.

Процесс криптоанализа подразумевает совместную работу человека и ЭВМ; работа аналитика состоит из рутинной обработки больших массивов текста в непрерывной связи с тонкими умственными догадками, требующими лингвистической интуиции и знаний культурных особенностей.

Датой рождения МП (как области исследований) принято считать 1947 г., когда А.Д. Бут и Д.Г.В. Бриттен разработали подробный «код» для пословного машинного перевода. Через год Р.Г. Риченс предложил правила разбиения словоформ на основу и окончание.

В 1952 г. состоялась первая конференция, организованная знаменитым математиком Бар-Хиллелем, на которой исследователи обменялись мыслями относительно организации множества синтаксических правил языка, способов описания семантики, морфологических структур, структуры словарей для систем перевода. Достижения в академических исследованиях стимулировали коммерческий интерес к проблеме МП, и фирма ИВМ совместно с Джорджтаунским университетом в США в 1954 г. в Нью-Йорке представили первую систему МП —

IBM Mark II (это событие вошло в историю как Джорджтаунский эксперимент). Представленная программа была очень ограничена в своих возможностях: она имела словарь в 250 единиц и всего 6 грамматических правил. Тем не менее, был осуществлен первый публичный эксперимент по машинному переводу: были переведены 49 специально подготовленных и отобранных русских предложений на английский язык. Этот эксперимент положил начало исследовательскому буму, и в последующие 10 лет правительство и военные ведомства США затратили на исследования в области МП около 40 млн долларов. Казалось, что создание систем качественного автоматического перевода вполне достижимо в пределах нескольких лет, при этом акцент делался на развитии полностью автоматических систем, обеспечивающих высококачественные переводы; участие человека на этапе постредактирования расценивалось как временный компромисс.

Таким образом, историю машинного перевода можно разделить на три периода: 1946—1957 гг., 1957—1967 гг., 1967 — настоящее время.

Первый период включает появление идеи и связанный с этим энтузиазм. Особое внимание отводилось построению машинных словарей, хотя уже складывались представления об алгоритмах морфологического, синтаксического, лексического анализа для МП. Если кратко подвести основные итоги этого периода, то они выглядели бы следующим образом:

- выдвинута концепция языка как кода;
- созданы первые машинные словари для МП экспериментального характера;
- разработано общее представление об МП, включающее машинный словарь, алгоритмы анализа и синтеза, программное обеспечение;
- созданы и опробованы первые экспериментальные системы МП, которые хотя и носили рекламный характер, обладали рядом существенных черт для систем МП.

Наиболее плодотворный второй период в истории развития МП закончился в некотором смысле декларированным отходом от МП как проблемы. В 1967 г. специально созданная Комиссия Национальной Академии Наук США признала машинный перевод нерентабельным, что существенно затормозило исследования в этой области. И в СССР развивались исследования в области машинного перевода. После демонстрации системы IBM Mark II группа ученых ВИНТИ начала разработку системы машинного перевода для машины БЭСМ, и первый образец перевода с английского на русский язык был получен к концу 1955 г.

Другое направление работ возникло в Отделении прикладной математики Математического института АН СССР (ныне ИПМ им. М.В. Келдыша РАН) по инициативе А.А. Ляпунова. Первые программы машинного перевода, разработанные этим коллективом, были реализованы на машине «Стрела». Благодаря работе над созданием систем МП оформилось такое направление, как прикладная лингвистика [13].

Более пристальное внимание к разработке компонентов систем МП показало, что слишком многие аспекты языковой деятельности чрезвычайно далеки от формализации и тем более алгоритмизации. Особенно следует отметить возникно-

вание и разработку идеи языка-посредника. Возникли и получили развитие такие лингвистические идеи, как гипотеза глубины, представление о проектировании синтаксических структур, были разработаны алгоритмы синтаксического анализа, способы изображения, представления и обнаружения синтаксических структур [6; 12]. Ряд действующих систем МП был внедрен в информационную практику именно в этот период: результаты работы этих систем позволили по-новому взглянуть на возможности и перспективу развития МП. Параллельно с развитием МП появилась идея создания автоматического словаря в помощь переводчику.

Третий период, начавшийся после 1967 г., характеризуется возникновением нового социального статуса МП. В это время сформировалась информатика — наука о научно-технической информации. Если ранее развитие научной мысли в области МП шло в некотором отрыве и без учета новых возможностей вычислительной техники, то этот период, можно считать, соединил новые достижения технической кибернетики с новыми результатами теории и практики лингвистических исследований в автоматической обработке текстов. Это соединение произошло на базе осознания социальных потребностей в области МП — преодоления языковых барьеров. В научном аспекте этот период характерен возвратом к построению цельных систем МП, и только к 1977 г. активизировалась работа в этом направлении. В последнее время благодаря появлению Интернет как платформы глобальной связи она стала привлекать широкое внимание.

С начала 80-х гг., когда ПК уверенно и мощно начали завоевывать мир, стало возможным получать необходимую информацию быстро и эффективно. Так МП наконец-то стал экономически выгодным, он вновь стал привлекательной областью вложения капиталов, как для частных инвесторов, так и для государственных структур. Появились системы перевода, которые используются и поныне: это Power Translator (компания Globalink), Language Assistant (компания MicroTac) и Transend (компания Intergraph).

90-е гг. можно считать подлинной эпохой возрождения в развитии МП, что связано не только с высоким уровнем возможностей ПК, с появлением сканеров и программ OCR, но и с распространением Интернет/интранет (Internet/intranet), обусловивших реальный спрос на МП. Наиболее популярными стали такие программы, как Stylus и PROMT. При разработке систем PROMT впервые был применен фактически революционный подход, который и позволил получить впечатляющие результаты. Системы перевода семейства PROMT — это системы, спроектированные на основе не лингвистических, а кибернетических методов. Первая система машинного перевода, выпущенная компанией PROMT в 1991 г., переводила с английского языка на русский специализированные тексты по программному обеспечению. Она использовала небольшой словарь — около 17 тыс. слов и выражений, работала в среде dos и не имела средств настройки для пользователя. Тем не менее, этот подход оказался очень плодотворным для самых разных языков.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

За последние несколько лет машинный перевод пережил значительные изменения. Большое количество исследований ведется в области статистического машинного перевода и машинного перевода на базе примеров перевода. Сегодня

немногие компании используют статистический машинный перевод в коммерческих целях, например, Microsoft использует свою собственную патентованную статистическую программу МП для перевода статей базы. Возобновился интерес к гибридизации, исследователи совмещают синтаксические и морфологические знания в статистических системах с уже существующими правилами [12; 13]. Наиболее популярными в последнее время стали он-лайн переводчики, среди них пальму первенства завоевал Google-переводчик. Но Google-переводчик, как и другие инструменты автоматического перевода, имеет свои ограничения. Этот инструмент может помочь пользователю понять общий смысл содержания текста на иностранном языке, он не предоставляет точных переводов, особенно что касается профессиональной сферы.

Из-за того, что выдача вариантов контролируется статистическим алгоритмом, при переводе общеупотребительных слов Google-переводчик может предлагать в числе возможных вариантов нецензурные слова, что часто может очень усложнить межкультурную коммуникацию. Постоянно ведется работа над качеством перевода, разрабатываются переводы на другие языки. Наряду с этим появился целый ряд профессиональных словарей, созданных на основе лингвистических корпусов. Наиболее популярными являются он-лайн словари АBBY Lingvo, Multitran.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В МГТУ им. Н.Э. Баумана был проведен опрос среди студентов 1—3 курсов, магистров и аспирантов. Как показало исследование, на младших курсах почти 100% студентов используют он-лайн переводчики, а именно — Google-переводчик при работе с текстами общетехнического содержания. На старших курсах, работая с научно-технической литературой, они все чаще обращаются к специализированным словарям, используют он-лайн словари АBBY Lingvo, Multitran. Более успешные студенты, магистры и аспиранты в 80% случаев предпочитают работать с он-лайн словарями, а не с переводчиками. Это говорит прежде всего о том, что преподаватели английского языка в технических вузах должны учитывать этот факт при разработке курса и планировании своей работы со студентами на разных этапах обучения [4; 8].

Что же касается специалистов-переводчиков, они все чаще обращаются к Concordance — программе, разработанной для контент-анализа. Появляются новые технологии. В частности, это технологии так называемой «памяти переводов» (Translation Memory). Эта технология позволяет создавать глоссарии корпоративной терминологии, а также автоматически отслеживать единство используемой терминологии, и, возможно, именно эта программа станет наиболее популярным инструментом МП среди профессионалов разных отраслей промышленности и экономики, в том числе инженеров. Исследователи в области МП уделяют все больше внимания основной проблеме выбора лексики (это уязвимое место для МП) [12], в частности — использование большого объема доступных сейчас лексических и текстовых ресурсов (например Интернета). В рамках кор-

пусной лингвистики появилась возможность по-новому описать такую важную единицу современной лексики, как термин. Поскольку современные базы знаний политематичны, большую роль в них играет контекстологический словарь, который можно эффективно исследовать и применять, используя принципы и методы корпусной лингвистики [15]. Эти разработки обещают быструю работу систем и более широкий и глубокий языковой охват.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя технологии МП по-прежнему имеют множество недостатков, многие специалисты стали вновь серьезно относиться к обещанию Бэббиджа. «Машинный перевод все еще далек от совершенства, но любой желающий с его помощью сможет, по крайней мере, понять основной смысл документа», — считает Луи Монье, технологический директор Alta Vista, крупного поискового web-узла, который работает с МП в онлайн-режиме [9].

Несомненно, средства машинного перевода никогда не смогут улавливать все смысловые нюансы. Различия в синтаксисе и семантике, особенно между западными и восточными языками, — например, английским, русским или арабским [15] — слишком велики. Но, работая с техническими текстами, инженеры, даже без глубоких знаний по английскому языку, все же смогут воспользоваться МП для профессионального межкультурного общения, изучать статьи своих зарубежных коллег и делиться своими профессиональными находками и достижениями на английском языке, работать с документами [10].

Итак, проанализировав современное состояние МП, можно заключить, что он становится полезным инструментом в профессиональной межкультурной коммуникации, прежде всего благодаря своей универсальности; возможности переводить в режиме онлайн; а также благодаря конфиденциальности и низкой стоимости [5].

Полагаем, что со временем «чистых» систем машинного перевода (коммерческих, онлайн или иных) будет становиться все меньше. Напротив, больше будет компьютерных инструментов и приложений, где автоматический перевод станет лишь одним из компонентов. Наиболее вероятная область применения МП — это профессиональная межкультурная коммуникация, где редко встречаются эмоционально окрашенные тексты, фразеологические обороты или тексты с культурным подтекстом, которые затрудняют машинный перевод. Комплексное программное обеспечение для автоматического перевода станет нормой, доступной для всех пользователей IT инструментов и устройств. Автоматический перевод станет повседневной и существенной частью глобального информационного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аристов Н.В.* (1959). Основы перевода [*Aristov N.V. Fundamentals of a translation*]. Москва.
- [2] *Бархударов Л.С.* (2010). Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [*Barkhudarov L.S. A language and a translation: issues of the general and partial theory of translation*]. Москва.

- [3] Бреус Е.В. (2000). Основы теории и практики перевода с русского языка на английский [Breus E.V. Fundamentals of the theory and the practice for translation from Russian into English]. Москва: УРАО.
- [4] Васильева А.Г. (2012). Использование модульного обучения в системе преподавания иностранного языка [Vasilyeva A.G. Modular education in foreign language teaching] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. #1(1)/2012. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/1.html>.
- [5] Ветухова Л.М., Жовтяк В.Д., Плохих Е.В. (2009). Применение программ машинного перевода в информационном обеспечении международных космических программ [Vetukhova L.M., Zhovtyak V.D., Plokhikh E.V. Application of computer translation programs in information maintenance of International space programs] // Сборник материалов XVI Международной конференции «Крым 2009: Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса». Крым, Судак.
- [6] Катфорд Дж.К. (2004). Лингвистическая теория перевода [Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. Москва.
- [7] Комиссаров В.Н. 2002. Современное переводоведение [Komissarov V.N. Modern science of translation]. Москва: ЭТС.
- [8] Кузнецов А.Н. (2015). Проблемы реализации профессионально-компетентного потенциала переводческой подготовки в техническом вузе [Kuznetsov A.N. The issues of the realization of the professional competency potential of training in translation: A case-study at technical universities] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. #2(28)/2015. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/pedagog/235.html> (дата обращения 25.11.2015).
- [9] Моуд Дж. [Машинный перевод: новое поколение технологий [Moad J. Machine Translation — The Next Generation. URL: <http://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=47418> (дата обращения 12.11.2015).
- [10] Нещадим И.О. (2013). Применение кейс-метода и интернет ресурсов в формировании коммуникативной компетентности у студентов технических ВУЗов [Neshchadim I.O. Developing communicative competence in engineering students using the web-based case study method] // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. #7(9)/2013. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/pedagog/92.html> (дата обращения 27.11.2015).
- [11] Раренко Н.В. и др. (2010). Основные понятия переводоведения (отечественный опыт) [Rarenko N.V. and al. Fundamentals of the translation theory based on a domestic experience]. Москва: Центр гуманитарных научно-информационных исследований.
- [12] Тагусева Н.Ю. (2015). Машинный перевод [Tagusheva N.Y. A Machine translation] // Материалы научно-практической конференции «Ломоносов 2015». Москва: МГУ.
- [13] Тараскин А.А. (2015). Машинный перевод [Taraskin A.A. A Machine translation]. URL: <http://study-english.info/article065.php> (дата посещения 15.11.2015).
- [14] Тер-Минасова С.Г. (2012). Язык и межкультурная коммуникация [Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication]. Москва: Слово.
- [15] Лукьянова Г.О., Семенова В.Д. (2012). Comparative characteristic of aspectuality functional-semantic field in the Russian and Arabic languages: general remarks // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2. С. 94—101.
- [16] Weaver W. Memorandum — Rockefeller Foundation: New York, 1949. URL: <http://www.mt-archive.info/Weaver-1949.pdf> (дата посещения 15.11.2015).
- [17] Weaver W., Shannon C.E. (1963). The Mathematical Theory of Communication. University of Illinois Press.

THE DEVELOPMENT OF MACHINE-AIDED TRANSLATION AND ITS PLACE IN THE PROFESSIONAL CROSSCULTURAL COMMUNICATION

E. Kartseva

Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)
Miklukho-Maklaya str., 10, Moscow, Russia, 117198
lenakartseva@inbox.ru

T. Margaryan, G. Gurova

Bauman Moscow State Technical University
2nd Baumanskaya str., 5, Moscow, Russia, 105005
t.margaryan@bmstu.ru, ggurova@mail.ru

It takes time and effort to make a highly qualified translator. But currently there is a great demand in skills of qualified translators in professional cross-cultural communication. So machine-aided translation could solve the problem. Today it is impossible to overestimate the significance and prospects of the machine-aided translation for this purpose. The paper describes the main stages of the machine-aided translation development, evaluates its advantages and disadvantages, its future opportunities for professional cross-cultural communication and provides the results of the explanatory study. The authors believe that this technology will facilitate teaching English for professional needs as LSP.

Key words: Machine-aided translation, interactive translation, professional cross-cultural communication

ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗНОСТИ В ЦЕЛОМ И ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА-ХУДОЖНИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. БАРИККО НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И В ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т. Лутеро

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

В статье анализируется построение образа персонажа-художника в произведениях А. Барикко, итальянского писателя, и в их переводах на русский язык; излагаются некоторые из самых актуальных теоретических положений относительно категории образности и форм ее проявления в художественном тексте; дается краткая характеристика стиля и образности романов А. Барикко; в качестве примеров анализируются фрагменты текстов его произведений — «Море-океан» и «Мистер Гвин»; осмысливаются способы построения образа персонажа-художника на языке оригинала (итальянском) и в переводах на русский язык; выделяются структурные сходства двух романов; делаются предварительные выводы о средствах выражения образности в художественных текстах А. Барикко.

Ключевые слова: образ, персонаж, образность, художественный текст, перевод, итальянский язык, русский язык

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей характеристикой художественной речи и всех форм искусства в целом является образность. Определение данного понятия до сих пор находится в активной разработке в рамках многочисленных сфер научного знания, прежде всего в философии, психологии, эстетике, искусствоведении и филологии. Этот вопрос не является преимущественно языковедческим, но занимает центральное место в лингвистических исследованиях, касающихся художественного текста, в том числе стратегий его перевода.

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБРАЗНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В языкознании **образность** понимается как «основная черта художественной литературы, ориентированная на создание художественных образов», а также в более специфическом определении как «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении» [10].

По определению И.Ф. Волкова, образ — это «система конкретно-чувственных средств, воплощающая собой собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности» [7. С. 24]. Посредством образа автор художественного произведения выражает свое восприятие действительности, осваивает и преобразует ее. Результат процесса освоения характерного содержания действительности и является художественным содержанием созданного текста или произведения. Художественно освоенная характерность жизни может быть выражена в литературном произведении на разных уровнях,

в частности, «как целостный характер индивида, как характерная жизнеподобная ситуация или как характерное настроение» [6. С. 20].

Филолог А.И. Ефимов различает две разновидности образа: **литературные и речевые образы**. Под литературным образом он подразумевает конкретные образы персонажей литературных произведений, а под речевыми образами — изобразительно-выразительные средства языка, например, тропы [8. С. 93]. Согласно его концепции речевая образность является основным средством создания художественного значения литературного произведения. В литературном произведении образ — это и персонаж, и образ автора.

Сущность искусства как высшей формы эстетического сознания заключается в том, что оно позволяет в особенном изображать абсолютное [9. С. 20]. В связи с этим литературный образ часто несет обобщающую функцию: описанная ситуация может раскрывать сущность человеческого состояния, характер определенного персонажа может быть воплощением общих человеческих качеств, что подтверждает антропоцентричность любого художественного текста. В самом деле, как отмечает Л.И. Тимофеев, предмет художественного изображения — человек в сложном взаимоотношении с обществом и природой [11. С. 60]. В творчестве писателя, как правило, отражены действительность и сложность жизненных отношений в целом, но они показаны в определенном ракурсе, то есть именно так, как они проявляются в конкретной ситуации, в жизни конкретного человека. Таким образом, в художественном произведении предметом изображения является человек как личность и его отношение к действительности, а предмет познания — сама действительность.

В романах и рассказах современного итальянского писателя Алессандро Барикко потроение образности реализуется на разных уровнях текстов: на графическом уровне, путем неоправданно частого использования курсива или заглавных букв; на уровне слова путем тщательного отбора лексики, в том числе и имен собственных; широкого употребления разнообразных тропов; на уровне предложения посредством особенностей его структуры и с учетом длины предложений; наконец, на уровне композиции произведения в целом. Стиль автора характеризуется особой красочностью языка, употреблением и смещением лексических элементов, композиционно-стилевой гибкостью в соответствии с описанием персонажей. Во всех произведениях А. Барикко наблюдается активное употребление речевых тропов, в особенности метафор, которые обнаруживаются не только в отдельных фрагментах текста, но и в смысловых блоках — одна сцена, одна ситуация, один персонаж, целая история служат изображению отдельного определенного понятия.

Для подтверждения вышесказанного предлагаем краткий стилистический анализ романа «Море-океан». Он характеризуется особенным стилевым разнообразием, посредством которого достигается конкретный ритмический эффект: чередуются лирические описания и спонтанные диалоги при отсутствии повествователя, наличествуют ряды незаконченных предложений и длинные сложные предложения с избыточным количеством знаков пунктуации, повествовательные

абзацы и графически подчеркнутые внешние комментарии, высокий поэтический тон и выражения из разговорной речи. Также заданы семантические тематические поля, которые охватывают весь роман благодаря постоянному повторению и ассоциативным цепочкам.

Таким образом А. Барикко строит сюрреалистическую атмосферу, характерную для многих своих произведений, в которой читатель погружается уже на первой странице романа. Обратимся к примеру:

Sabbia a perdita d'occhio, tra le ultime colline e il mare — il mare — nell'aria fredda di un pomeriggio quasi passato, e benedetto dal vento che sempre soffia da nord.

La spiaggia. Il mare.

*Potrebbe essere la perfezione — immagine per occhi divini — mondo che accade e basta, il muto esistere di acqua e terra, opera finita ed esatta, verità — verità — ma ancora una volta è il salvifico **granello** dell'uomo che inceppa il meccanismo di quel paradiso, un'inezia che basta da sola a sospendere **tutto** il grande apparato di inesorabile verità, una cosa da **nulla**, ma piantata nella sabbia, **impercettibile** strappo nella superficie di quella santa icona, **minuscola** eccezione posatasi sulla perfezione della spiaggia sterminata. A vederlo da lontano non sarebbe che un punto nero: nel **nulla**, il **niente** di un uomo e di un cavalletto da pittore [2. С. 11].*

Куда ни глянь — песок, обступивший покатые холмы. И море. Море. Студеный воздух. Неумный северный ветер благословляет угасающий день.

Берег. И море.

*Мнимое совершенство, достойное Божественного ока. Самочинный мир, немой союз воды и земли, законченное, точное творение, истина. Истина. И снова райский механизм заедает от спасительной **песчинки** человека. Довольно самой **малости**, чтобы разладить надежное устройство неумолимой истины, — **мелочи**, зароненной в песок, **едва заметной** трещины на поверхности канонического образа, **пустячного** исключения в безукоризненной цельности необозримого берега. Изда- лека это всего лишь черная точка в **пустынном** пространстве — **ничтожный человек** и **простенький** мольберт [4. С. 9].*

Здесь приведены первые строки романа, которые представляют текст описательного характера. Описание само по себе очень простое: человек и мольберт (но не человек с мольбертом!) стоят на пляже, но благодаря выразительности используемых языковых средств описание постигает более высокого когнитивного уровня. Повторение и выделение курсивом некоторых ключевых слов (здесь и далее полужирный курсив. — Т.Л.) вызывает в сознании читателя ассоциативные цепочки, употребление метафор: *пляж — мир, совершенство, истина; человек — песчинка, трещина, мелочь*; контрастное использование антонимов служат созданию подтекста, в котором выражена мысль о ничтожном состоянии человека и в то же время о необходимости его проживания на этой земле.

**СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗНОСТИ
В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ:
РОМАНЫ А. БАРИККО «МОРЕ-ОКЕАН» И «МИСТЕР ГВИН»**

Переводчик романа на русский язык, Г. Киселев, с помощью тщательного подбора лексических и синтаксических средств смог сохранить информативную нагрузку подтекста и ритмический эффект подлинника. Обращает на себя внима-

ние строение тематического поля **ничтожества** (итал.: 'il nulla') в итальянском и русском тексте. А. Барикко формирует данное значение разными способами, иногда повторяя слово *nulla*, иногда подбирая к нему синонимы *niente*, *nullità* или квазисинонимы *inezia*; иногда выстраивая семантические ассоциации посредством употребления слов, напоминая понятие малости и ничтожества, например: *granello* ('песчинка'), *impercettibile* ('едва заметный'), *minuscola* ('крошечная'); а также «играя» со словом *nulla*, которое по-итальянски еще обозначает 'ничего', и в разных случаях противопоставляя ему слово *tutto* ('все'). В свою очередь переводчик создал сеть ассоциаций, связанных с выделенным семантическим полем, в том числе при помощи слов *малость*, *мелочь*, *ничтожный* и др., однако он не смог бесконечно повторять *ничтожество* и *ничего*. Кроме того, несовпадение в русском языке этих двух слов не позволило ему эффективно «играть» с противопоставлением *ничего* vs *все*. Переводчик сбалансировал частичную потерю, в том числе пользуясь уменьшительными ласкательными формами: *челoveчек*, *простенький*, которые в русском языке намного более распространены, чем в итальянском, и в этом случае помогают усилить идею человеческой ничтожности. Очевидно, что все эти приемы участвуют в процессе создания образности текста.

А. Барикко также очень четко конструирует образы персонажей. Для его романов характерно существование, наличие несколько главных ролей, каждая из которых несет определенную текстообразующую смысловую нагрузку.

В качестве примера представим два, на первый взгляд, резко отличающихся друг от друга, произведения автора, которые при углубленном анализе раскрывают структурные сходства: это романы «Море-океан» и «Мистер Гвин».

В романе «Море-океан» жизни различных персонажей пересекаются в сюрреалистической таверне на побережье моря, где каждый из них находится в состоянии поиска чего-то важного: профессор Бартльбум ищет конец моря для написания последней статьи своей «Энциклопедии лимитов»; очаровательная дама Анн Деверия лечится от «неверности» своему мужу; девушка Элизевин ищет покой от своих страхов; известный портретист Плассон пытается изобразить море. Параллельно море становится смертным врагом и одновременно единственным средством спасения для пассажиров французского фрегата, потерпевшего кораблекрушение. Именно тема моря является звеном, связывающим истории персонажей.

Роман «Мистер Гвин» строится вокруг истории главного персонажа — Джаспера Гвина, популярного писателя, решившего прекратить писательскую деятельность. В поиске самого себя он придумывает новую профессию, которой он намерен посвятить свою жизнь: он станет переписчиком, но не обычным переписчиком, а, как он сам говорит, 'переписчиком людей': Джаспер Гвин начинает писать портреты словами, изображая личности своих моделей, чьи истории пересекаются в тайной студии, которую Джаспер специально подобрал и оборудовал.

В обоих романах среди всех других присутствует и выделяется **образ персонажа-художника**: Плассон в «Море-океане» и Джаспер Гвин в «Мистере Гвине». Их деятельность различают лишь средства написания картины: Джаспер

пишет свои портреты словами, Плассон изображает море морской водой на белом полотне. Обоих персонажей отличает парадоксальность их творчества. А. Барикко очень детально описывает **творческий процесс**, в который вовлечены персонажи. Плассон часами сидит на пляже перед мольбертом, наблюдая за морем. Сравните:

L'uomo non si volta neppure. Continua a fissare il mare. Silenzio. Di tanto in tanto intinge il pennello in una tazza di rame e abbozza sulla tela pochi tratti leggeri. Le setole del pennello lasciano dietro di sé l'ombra di una pallidissima oscurità che il vento immediatamente asciuga riportando a galla il bianco di prima. Acqua, nella tazza di rame c'è solo acqua. E sulla tela, niente. Niente che si possa vedere [2. С. 12]

Человечек даже не оборачивается. И не отводит глаза от моря. Тишина. Время от времени он погружает кисть в медную чашечку и наносит на холст несколько тонких мазков. Щетина оставляет по себе бледную тень, мгновенно уносимую ветром, который возвращает холсту его изначальную белизну. Вода. В медной чашечке одна вода. А на холсте — ровным счетом ничего. Ничего, что можно было бы увидеть [4. С. 10].

В этом фрагменте текста и в оригинале, и в русском переводе подчеркивается скрупулезность работы Плассона, а также ее парадоксальность — живописец рисует море водой (более того, как читатель узнает дальше, он его рисует морской водой). Действия персонажа описываются элементарным языком в логической последовательности. В отличие от проанализированного ранее фрагмента этого же романа текст характеризуется простой синтаксической организацией предложений, главным образом паратаксической. Также присутствуют короткие предложения, которые помимо использования курсива, позволяют выделять некоторые ключевые понятия. Так слово *vedere* ('увидеть') намекает на несоответствие простоты действий художника и сложности сущности его творчества.

Своему собеседнику и впоследствии другу профессору Бартльбуму художник так объясняет, в чем состоит сложность его задачи — написать портрет моря:

PLASSON — *Il problema è: dove cavolo sono gli occhi del mare? Non riuscirò mai a combinare nulla finché non lo scoprirò, perché quello è il principio, capite?, il principio di tutto, e finché non capirò dov'è continuerò a passare i miei giorni a guardare questa maledetta distesa d'acqua senza... (stop). (...).*

PLASSON — *È questo il problema: dove inizia il mare?* [2. С. 70].

ПЛАССОН: *А вот такой: Где, черт возьми, у моря глаза? Пока я этого не пойму, ничего путного у меня не выйдет, потому что это начало, понимаете? начало начал, и пока я это не уясню, где оно, я буду до конца дней смотреть на эту проклятую гладь, которая... (стоп). (...).*

ПЛАССОН: *Вопрос в том, где начинается море* [4. С. 80].

Текст, являющийся частью диалога между Плассоном и Бартльбумом, графически и синтаксически построен как сценарий театральной пьесы. Структура текста, употребление разговорных выражений, например: *dove cavolo sono / где, черт возьми*, выделение интонационного пика предложения создают впечатление живости разговорной речи. Незаконченность предложения характерна для идиолекта данного персонажа, позволяет создавать чувство неопределенности. В этом

фрагменте, помещенном в середине романа, дается разъяснение вопроса, который Плассон не может решить — он не может изобразить море, поскольку не может определить, где оно начинается. Ранее в тексте он разъясняет, что при написании портретов людей он начинает с изображения их глаз, а глаза море он не может найти. Художник поставил перед собой невыполнимую задачу — ведь море не имеет начала. Он хочет постичь непостижимое и становится воплощением ничтожности человека перед бесконечностью вселенной.

Как и Плассон, Джаспер Гвин часами находится в своей студии вместе с людьми, позирующими ему, — субъектами его портретов — и наблюдает за ними, за их поведением, что позволяет ему почувствовать их сущность, чтобы потом изложить ее в портретах. Сравните:

Si sedette e rimase a lungo a guardarla. Come non aveva ancora mai fatto, da vicino seguiva i dettagli, le pieghe del corpo, le sfumature della pelle, le piccole cose. Non gli importava di fissarle nella memoria, non sarebbero servite al suo ritratto, ma attraverso quel guardare acquistava una vicinanza clandestina che invece lo aiutava, e lo portava lontano. Lasciò che il tempo passasse senza mettere fretta alle idee che sentiva arrivare, rade e disordinate come gente da un confine [1. С. 74—75].

Уселся и долго смотрел. Как никогда раньше, вблизи разглядывал детали, складки тела, оттенки белизны, всякие мелочи. Он не старался закрепить их в памяти, они бы негодились для портрета, но, глядя вот так на Ребекку, обретал некую тайную близость, которая помогала ему, продвигала далеко вперед. Время шло по себе и шло, а он не торопил мысли, которые, он чувствовал, приближались поодиночке, беспорядочно, как люди с далекого предела [3. С. 103—104].

Перед «переписчиком» Джаспером Гвином — не море, а человеческое существо, обнаженное, одинокое в пустом пространстве студии, где находятся только кровать, два кресла и постепенно угасающие лампочки. В такой обстановке человек раскрывается и показывает свою натуру. В описанной сцене модель — девушка Ребекка — достигла такого уровня комфорта в этих суровых условиях, что уснула в присутствии Джаспера, который может наблюдать за ней вблизи и замечает самые мелкие детали.

В тексте представлен контраст между понятиями «близость» и «отдаленность» — приобретенная близость к телу Ребекки уводит Джаспера далеко, и также издали приходят к нему идеи. Данная мысль закрепляется посредством сравнения в последнем предложении: мысли прибывают ‘как люди с далекого предела’. Не всегда переводчик смог сохранить уровень образности оригинала в связи с невозможностью воспроизвести некоторые очень эффективные конструкции. Например, конструкция *attraverso quel guardare* характерна для итальянского литературного языка, а в русском языке это типичное употребление переводчику пришлось заменить на более эксплицитную конструкцию, которая не несет соответствующую стилистическую нагрузку.

Во время позирования моделей переписчик Мистер Гвин также делает пометки:

Gli venne in mente di portarsi un taccuino. Lo scelse non troppo piccolo,

Ему вздумалось принести с собой блокнот. Выбрал не очень маленький,

*i fogli color crema. Con una matita, allora, ogni tanto scriveva parole, poi strappava il foglietto e lo attaccava con una puntina al pavimento di legno, scegliendo ogni volta un posto diverso, come uno che disponesse **trappole per topi*** [1. С. 71].

*с кремовыми листками. Теперь время от времени карандашом писал слова, потом вырывал листок и прикалывал кнопкой к дощатому полу, каждый раз выбирая другое место, будто расставлял **мышеловки*** [3. С. 97].

С характерным для него вниманием к деталям Джаспер Гвин подбирает блокнот и пишет слова на листках, а затем аккуратно раскладывает их на полу. Своеобразие его движений отлично выражено и в русском переводе, в котором также сохранен образ мышеловки: Джаспер располагает бумажки по полу как мышеловки, будто он пытается поймать свои мысли, их задерживать.

Еще одно сходство между Мистером Гвином и Плассоном обнаруживается в том, что оба героя пережили серьезную перемену, которая привела к изменению их деятельности. Чередование длительной неизменности жизни персонажей и внезапных масштабных перемен присутствует и других произведениях А. Барикко и является их композиционной особенностью. Оно часто отражается в переходе от медленного темпа повествования к более динамичному ритму.

Так, Плассон целую жизнь писал портреты людей и пользовался большой популярностью у представителей высшего социального класса. Но в один день он решил оставить свой статус и посвятить себя новой задаче. Вот она:

Plasson avrebbe potuto continuare così per anni. Le facce dei ricchi non finiscono mai. Ma, di punto in bianco, decise un giorno di mollare tutto, E di andarsene. Un'idea molto precisa, e covata dentro per anni, se lo portò via.

Fare un ritratto al mare [2. С. 67].

Плассон мог бы запросто продолжать в том же духе. Богатая мордоплясия неиссякаема. Но он решил все бросить. И уйти. Ясная, выношенная за долгие годы мысль увлекла его за собой.

Написать портрет моря [4. С. 76].

Глубокая перемена происходит в жизни Плассона просто и внезапно, хотя мысль об этом посещала его уже давно. Художник ставит перед собой конкретную цель, которая сразу представляется парадоксальной, ведь портреты обычно изображают людей, а не море. Необычное сочетание слов '*fare un ritratto al mare*' ('написать портрет моря'), как и лапидарность короткого, изолированного предложения, сохранены на русском языке и участвуют в создании образности текста. Успешный писатель Джаспер Гвин также принимает решение о смене профессии, но в его случае в моменте этого решения не представляет, чем он будет заниматься, и конкретная мысль о его новой профессии возникает только спустя два года, сравните:

*Mentre camminava per Regent's Park — lungo un viale che **sempre** sceglieva, tra i tanti — Jasper Gwyn ebbe d'un tratto la limpida sensazione che quanto faceva ogni giorno per guadagnarsi da vivere non era più adatto*

*Гуляя в Риджентс-парке по дорожке, которую он **всегда** выбирал из прочих, Джаспер Гвин **внезапно** ощутил со всей ясностью: то, чем он занимается ежедневно, зарабатывая себе на жизнь, больше ему не подходит. Это*

a lui. Già altre volte lo aveva sfiorato quel pensiero, ma mai con simile pulizia e tanto garbo [1. С. 9].

мысль и раньше брезжила у него, но никогда не являлась в такой чистой и отточенной форме [3. С. 7].

В приведенном фрагменте особенно заметен контраст между неизменностью жизни писателя, который всегда гуляет по одной же дорожке и каждый день выполняет одни и те же действия, и моментальностью четкой мысли о необходимости перемены. Контраст выражен противопоставлением слов *sempre* и *d'un tratto*, который отражен в русском тексте с помощью слов *всегда* и *внезапно*.

Перед читателем не просто описание факта жизни героя, но представлена жизненная ситуация, с которой сталкивается любой человек и в которой состоит сущность человеческого бытия.

В этих художественных текстах А. Барикко конкретная история персонажей является изображением универсальности отношения человека к жизни и его чувств перед вселенной, как и словесные портреты Джаспера Гвина являются попыткой изобразить саму сущность индивида и через свои белые картины Плассон пытается захватить незаконченное совершенство моря. Эстетическая и обобщаются функция художественного произведения достигаются благодаря построения образности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественная образность — это комплексная эстетическая, психологическая и лингвистическая категория, которая задействует не только план языкового выражения, но и план эмотивного восприятия. Для ее создания необходима активизация читательского воображения путем особой речевой организации, особого построения текста.

Художественная образность достигается благодаря ряду языковых приемов, реализуемых на различных уровнях текста. А. Барикко строит лексико-семантические поля, которые повторяются и закрепляются в ходе описания и повествования. Путем чередования различных по сложности и длине предложений он создает особый повествовательный темп и ритмические эффекты, отражающие действия и мысли героев. Различные текстовые графические средства позволяют ему выделять ключевые слова и выражения, часто используемые в переносном значении. В текстах представлены многочисленные языковые тропы, особенно метафоры. В результате описанных языковых приемов тексты А. Барикко обнаруживают высокий уровень образности, в чем и заключается их художественная ценность.

ИСТОЧНИКИ

- [1] *Baricco A.* (2011). *Mister Gwin*. Milano: Feltrinelli.
- [2] *Baricco A.* (2007). *Oceano mare*. Milano: Rizzoli.
- [3] *Барикко А.* (2014). *Мистер Гвин* / Пер. с итальянского А. Миролобовой. СПб.: Азбука.
- [4] *Барикко А.* (2014). *Море-океан* / Пер. с итальянского Г. Киселева. СПб.: Азбука.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [5] Борисова Е.Б. (2009). О содержании понятия «художественный образ» и «образ» в литературоведении и в лингвистике [*Borisova E.B. On the content of notions “literary image” and “image” in literature studies and linguistics*] // Вестник Челябинского государственного университета. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 20—26.
- [6] Волков И.Ф. (1995). Теория литературы [*Volkov I.F. Theory of literature*]. Москва.
- [7] Ефимов А.И. (1959). Стилистика художественной речи [*Efimov A.I. Stylistics of literary speech*]. Москва.
- [8] Новиков Л.А. (2001). Избранные труды [*Novikov L.A. Selected works*]. Москва: РУДН. Т. II.
- [9] Словарь литературоведческих терминов [Dictionary of literary terms] / Под ред. А. Белокурова (2005). С-Петербург.
- [10] Тимофеев Л.И. (1976). Основы теории литературы [*Timofeyev L.I. Principles of theory of literature*]. Москва.

THE CONSTRUCTION OF FIGURATIVENESS AND A CHARACTER AS AN ARTIST IN THE NOVELS BY A. BARICCO IN THE ITALIAN LANGUAGE AND RUSSIAN TRANSLATIONS

Lutero Tatiana

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
kaf_yazik_rudn@mail.ru

This article deals with the construction of the figure of a character as an artist as seen in the works of the Italian writer A. Baricco and in their Russian translations; some of the main theoretical theses on figurativeness and its forms in literary texts are exposed; a short characterization of A. Baricco's style is given; some extracts from his novels “Ocean-Sea” and “Mister Gwyn” are quoted together with the analysis of the strategies used for the construction of the figure of characters as artists; structural similarities of the two novels are highlighted; conclusions are made on the techniques of construction of figurativeness used in the novels quoted.

Key words: figurativeness, image, character, literary text, translation, Italian language, Russian language

СЛОВАРИ, УЧЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК [811.161.1:811.512.122:811.512.133]'373.46

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРМИНА «ЛЕКСИКОЛОГИЯ» В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО, КАЗАХСКОГО, УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
ул. Реиштова, 4, Ташкент, Узбекистан, 100133
mah.dzhusupov@mail.ru

В статье рассматривается презентация термина «лексикология» в словарях русского, казахского, узбекского языков; выявляются различия в содержаниях словарных статей, которые имеют отношение как к полноте понимания лексикологии как науки о словарном составе языка, так и к ее отдельным аспектам; анализируются особенности использования в этих словарных статьях термина *языковая единица*, которая в казахских словарях функционирует в варианте «тіл единицасы», а в собственно-научных произведениях (монография, диссертация, статья и т.п.) на казахском языке активно используется вариант «тіл бірлігі», что характерно и для узбекского языкознания.

Ключевые слова: лексикология, тіл бірлігі, презентация, словарь, терминологический, русский, казахский, узбекский, сходства и различия

ВВЕДЕНИЕ

Лексикология как раздел языкознания является широко исследованным и, как правило, в каждом языке достаточно серьезно изученным аспектом современной науки о языке (Байгурсьногв, 1914; 1992; Мейе, 1954; Бодуэн Де Куртене, 1963; Виноградов, 1977; Апресян, 1974; Рождественский, 1969). И тем не менее, в ней, т.е. в лексикологии, много малоизученного, так как лексика языка — фактически самая быстро изменяющаяся (т.е. пополняющаяся) часть всего языка, а следовательно, в иерархическом строительстве языка занимает большое место, так же, как и другие уровни языка, но которые в меньшей степени эволюционны, чем его лексический уровень.

Лексикология как наука (раздел языкознания) в исследуемых языках понимается однозначно — наука о словарном составе языка. Однако наши наблюдения, изучение соответствующего научного материала трех языков и их анализ выявил и различия в определении термина «лексикология» в терминологических словарях этих языков.

В связи со сказанным выше мы рассмотрим определение понятия лексикология в современном языкознании на материале трех языков.

**ТЕРМИН «ЛЕКСИКОЛОГИЯ» В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ
РУССКОГО, КАЗАХСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ
(РАЗНОЕ В ОДИНАКОВОМ И ОДИНАКОВОЕ В РАЗНОМ)**

В словаре О.С. Ахмановой «Словарь лингвистических терминов» (Ахманова, 1966) дается следующее определение лексикологии.

«Лексикология англ. lexicology, фр. lexicologie, исп. lexicologia. Раздел языкознания, занимающийся изучением словарного состава языка. Лексикология историческая. Лексикология сравнительная. Лексикология английского языка» (Ахманова, 1966, с. 214).

Определение краткое, емкое, понятное, т.е. это языковедческая наука (аспект языкознания), занимающаяся изучением одной из основных единиц языка — слова (лексемы), которое обладает самостоятельным значением (или значениями).

В казахском словаре Ғ. Қалиева “Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі” (Қалиева, 2005) («Толковый словарь терминов языкознания», т.е. «Словарь лингвистических терминов») дается следующее определение лексикологии.

“Лексикология (грек. lexikos + logos ілім) — тілдің сөздік құрамын зерттейтін тіл білімінің саласы. Л-ның зерттейтіні: лексикалық тіл бірліктерінің типтері, сөздік құрамының құрылымы, толығу жолдары, сөздің семантикалық тұрғыда қарастырылуы, сөз арасындағы синтагматикалық, парадигматикалық қатынастар т.б.” (Қалиев, 2005, 197-б.) — «Лексикология — слово греческого происхождения; часть (раздел) науки о языке (языкознания), изучающая словарный состав языка. Лексикология изучает типы лексических единиц, состав (строительство) словаря (словарного запаса), пути его обогащения (пополнения), семантический аспект слова, синтагматические и парадигматические свойства слова и их взаимоотношения между словами».

Итак, оба словаря в принципе дают одинаковое определение лексикологии, но вместе с тем есть и различия.

1. В словарной статье О.С. Ахмановой не указывается греческое происхождение слова *лексикология*, которое отмечено в словаре Ғ. Қалиева.

2. В словарной статье О.С. Ахмановой называются некоторые аспекты в качестве примера, подтверждающего то, чем занимается в целом лексикология и лексикология конкретных языков (лексикология историческая, сравнительная, английская). В словаре Қалиева такая конкретизация не осуществлена, но сказано, что лексикология занимается изучением типов лексических единиц, что, на наш взгляд, вбирает в себя и историческую, и сравнительную лексикологию.

3. В словарной статье Ғ. Қалиева отмечается, что лексикология занимается и изучением обогащения (пополнения) словарного запаса языка. В словаре О.С. Ахмановой такого выражения нет, но мы думаем, что выражение «...занимается изучением словарного состава языка...» вбирает в себя и изучение процесса обогащения (пополнения) лексического запаса языка.

Мы позволим себе не согласиться с подачей на казахском языке значения «пути обогащения» словарного состава языка словом толығу (дополняться, пополняться), толығу жолдары (пути дополнения, пополнения). Желательно было бы использовать такие слова, как байығу (баю) (обогащаться, обогащать), толықтыру

(пополнять) которые несут в себе в большей степени книжно-нейтральную стилистическую окраску, чем слово *тольгу*, которое и по частотности своего употребления уступает частотности употребления слов *бау*, *байыту*, *тольктыру* и не маркируется стилистическим оттенком книжности.

4. В данной словарной статье *Ғ. Қалиева* отмечается, что лексикология занимается изучением парадигматических и синтагматических взаимоотношений между словами, что не отмечено в соответствующей словарной статье словаря *О.С. Ахмановой*.

5. В словарной статье словаря *Ғ. Қалиева* отмечается, что лексикология занимается изучением и семантического аспекта слова, что не нашло своего отражения в соответствующей словарной статье словаря *О.С. Ахмановой*.

Итак, два терминологических словаря русского и казахского языков, в которых определение лексикологии в целом дано точно, но, как мы убедились, в этих словарных статьях есть определенные различия, имеющие значение для полноты понимания лексикологии, сфер, которые входят в компетенцию лексикологии как науки о словарном запасе языка.

Эти различия, на наш взгляд, можно объяснить тем, что анализируемые два словаря по времени своего опубликования относятся к разным периодам развития лексикологии как лингвистической науки. Так, «Словарь лингвистических терминов» *О.С. Ахмановой* был издан в 1966 г. Словарь же *Ғ. Қалиева* (“Тіл білімі терминдерінің тусіндірме сөздігі”) был издан в 2005 г. Временной период, разделяющий их издание, составляет 40 лет. За это время понимание лексикологии как языковедческой науки стало более глубоким, более широким, более высоким, аспекты изучения лексикологии стали более прозрачными, более фундаментально исследованными как в плане монолингвальных исследований, так и в плане исследований в аспекте общего и сравнительного языкознания.

Ниже мы рассмотрим определение лексикологии в двуязычном словаре лингвистических терминов, изданном в Алматы при посредстве фонда «Сорос-Казахстан» (“Тіл білімі сөздігі” — «Словарь по языкознанию», 1998).

Словарь в целом добротный. Словарь написан на двух языках — русском и казахском. Содержание и архитектура словаря интересные, новонаправленные. Так, одному и тому же лингвистическому термину посвящена словарная статья — слева на русском языке, справа — на казахском языке, т.е. один и тот же лингвистический термин, например, лексикология, представлен в словаре в двух словарных статьях, так как языки оформления — разные (русский, казахский).

В словаре словарные статьи, посвященные термину лексикология, и на русском, и на казахском языках, представлены более объемно, более детально, более полиаспектно, чем в тех двух словарях, которые были описаны выше.

«Лексикология (от греч. *lexikos* — словесный + *logos* — учение) англ. *lexicology*, фр. *lexicologie*, нем. *Lexicologie* — раздел языкознания, изучающий словарный состав языка (см. *Лексика*). В задачи Л. входит исследование таких проблем, как типы лексических единиц, структура словарного состава языка (см. *Словарь*), функционирование лексических единиц (см. *Лексема*, *Слово*), пути

пополнения и развития словарного состава, соотношение лексики с внеязыковой действительностью, взаимоотношения лексических единиц и др. Слово как языковая единица рассматривается с т. зр. структуры, Семантики и функционирования в Системе языка и Речи. Л. исследует синтагматические и парадигматические отношения, возникающие между словами (см. Парадигматика, Синтагматика), которые, в свою очередь, образуют синонимические ряды, разнообразные тематические группы (поля) с иерархией единиц, соотносимых как видовые и родовые (см. Синонимы, Гиперонимы, Гипонимы). В Л. выделяются различные по сфере употребления категории лексических единиц: активная и пассивная (см. Активный словарь, Пассивный словарь), общеупотребительная, научная, поэтическая, разговорная и др. лексика, Неологизмы и Архаизмы, Варваризмы и Интернационализмы и т.д. Изучение лексической системы языка осуществляется в их отношении к действительности, поэтому в поле зрения Л. входят такие проблемы, как лексика и культура, лингвистич. и экстралингвистич. компоненты в значении слова, фоновая лексика и др. В зависимости от целей и задач исследования различают общую, частную, историческую, сопоставительную, дескриптивную и прикладную Л.» (“Тіл білімі сөздігі” — «Словарь по языкознанию», 1998, 201—202-б.).

Русскоязычная часть этой словарной статьи в данном двуязычном словаре представлена, на наш взгляд, в полной мере отражающей понятия лексикологии, ее отраслей, целей и задач, разновидностей по социальным сферам функционирования лексем, по частотности их употребления в пространстве времени.

Проанализируем словарную статью, посвященную лексикологии, на казахском языке, и сравним ее содержание с содержанием словарной статьи на русском языке.

“Лексикология (грек. *lexikos* — сөзге қатысты + *logoia* — ілім) англ. *lexicology*, фр. *lexicologie*, нем. *Lexicologie* — тілдің сөздік қорын зерттейтін Тіл білімінің саласы. Л. міндеті лексикалық единицалардың түрлері, тілдің сөздік қорының құрылымы (қара. Сөздік), лексикалық единицалардың қызмет аясы (қара. Лексема, Сөз), сөздік қорды толықтыру және дамыту жолдары, Лексиканың тілдік емес болмысқа қатысы, лексикалық единицалардың өзара қатынасы және т.б. мәселелерді зерттеу. Сөз тілдік единица ретінде құрылымдық, Семантикалық және Тіл жүйесі мен Сөйлеудегі қызмет аясы тұрғысынан зерттеледі. Л. түр және тектік қатынастағы единицалардың иерархиясы арқылы түрлі тақырыптық топтар (өріс), синонимдік қатарлар тудыратын (қара. Синонимдер, Гиперонимдер, Гипонимдер), сөздер арасындағы пайда болатын синтагматикалық және парадигматикалық (қара. Парадигматика, Синтагматика) қатынастарды зерттейді. Л. түрлі қолдану аясына қарай лексикалық единицалар категорияларына: актив және пассивке (қара. Актив сөздер, Пассив сөздер), жалпы қолданыстың ғылыми, поэтикалық, ауызекі сөйлеу және басқа лексикаға, Неологизмдерге, Архаизмдерге, Варваризмдер мен Интернационализмдерге т. б. бөлінеді. Тілдің лексикалық жүйесі лексиканың болмысқа қатысы тұрғысынын зерттеледі, сондықтан Л. зерттеу аясына, лексика мен мәдениет, сөз мағынасындағы лингвистикалық және

экстралингвистикалық компоненттер, фондық лексика және т.б. мәселелер енеді. Зерттеудің мақсаттары мен міндеттеріне байланысты жалпы, жеке, тарихи, салыстырмалы, дескриптивтік және қолданбалы Л. болып бөлінеді” (“Тіл білімі сөздігі” — «Словарь по языкознанию», 1998, 201—202-б.)

Словарная статья, посвященная лексикологии, на казахском языке, так же, как и на русском языке, в полной мере отражает понятия лексикологии и как слова, и как термина, и как понятия, и как раздела науки о языке. Но вместе с тем в ней наблюдаются фрагменты текста, особенности которых продиктованы в целом свойствами лексики, словообразования и терминологического аппарата казахского языка в области лингвистики. С одними из них мы согласны, по отношению к другим хотим высказать свое мнение как в плане монолингвального восприятия, так и в плане восприятия, формирующегося на основе результатов сопоставительного анализа с текстом словарной статьи на русском языке. Объясняется это тем, что лексика, лексикология, лексикография и т.д. в качестве лингвистических терминов должны быть идентичными в определении как на казахском языке, так и на русском, узбекском и др. языках, потому что одни из них как единицы языка и речи, другие как самостоятельные направления языковедческой науки во всех языках равнозначны, но с разницей в терминологическом обозначении (термины-синонимы), в уровне изученности, в объеме лексики и т.п.

В терминологическом словаре «Лингвистик терминларнинг изоҳли луғати» А. Ҳоджиева словарная статья лексикология представлена в следующем содержании:

“Лексикология (<грек *lexikos* — луғатга оид, луғат хақидаги + *logos* — таълимот). Тилшуносликнинг луғат составини ўрганувчи бўлими. Ўрганиш объекти, вазифаси нуқтаи назаридан лексикология икки турга бўлинади: тарихий лексикология (қ.); тасвирий лексикология (қ.)” (Ҳоджиев, 1985, 50-б.). — «Лексикология — термин греческого происхождения. Раздел языкознания, изучающий словарный состав языка. По содержанию объекта исследования и задачам лексикология подразделяется на два вида: 1) историческая лексикология; 2) изобразительная лексикология».

Итак, какие особенности наблюдаются в узбекском словаре лингвистических терминов в толковании содержания термина и науки лексикология? Это следующие особенности.

1. Указывается, что термин лексикология греческого происхождения, состоит из двух слов: *lexikos* (словарный), *logos* (учение).

2. Отмечается, что лексикология — раздел языкознания, изучающий словарный состав языка.

3. Выделяются два вида лексикологии: 1) историческая лексикология; 2) изобразительная лексикология.

4. Сведения об изучении лексики с позиции дихотомии язык и речь в словарной статье не представлены.

5. В дифференциации направлений лексикологии не упоминается общая и частная лексикология, прикладная, сопоставительная и дескриптивная лексикология.

В классификации разновидностей лексикологии Ходжиев А. выделяет изобразительную (изобразительную, или художественную) лексикологию. Выделение такой разновидности лексикологии в терминологических и энциклопедических словарях как казахского, так и, например, русского языка не встречается.

Коротко рассмотрим эту проблему.

Слово тасвир, заимствованное из арабского языка, обозначает рисовать выдавливанием, выжиганием, снятием копии с использованием глины, т.е. при помощи керамической работы, описывать. В узбекском языке у этого слова есть и другие значения; 1) снять копию рисованием, фотографированием и т.п.; 2) художественное описание чего-то, какого-то события (см.: Ўзбек тили изохли луғати (ЎТИЛ), 2006, Т. 4. 8-б.)

Итак, автор узбекского словаря лингвистических терминов А. Ходжиев, на наш взгляд, в понятие тасвирий лексикология (изобразительная или художественная лексикология) вкладывает тот аспект понятия лексикологии, который исследует в целом использование лексики языка в целях художественного описания, т.е. слова как составляющего компонента искусства.

Название тасвирий лексикология (изобразительная лексикология, а не художественная) связано, видимо, с тем, что художественность — это тоже изобразительность, но не в архитектуре, не в рисовании, а в словоупотреблении. То есть в узбекском языке слово тасвирий означает осуществлять изобразительность, т.е. делать искусство во всех областях творческой деятельности индивида и общества, в том числе и в области словесного искусства.

На наш взгляд, именно это обстоятельство стало основой выделения автором узбекского лингвистического терминологического словаря А. Ходжиевым изобразительной лексикологии (тасвирий лексикология) как самостоятельного направления лексикологии наряду с исторической лексикологией.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ТІЛ БІРЛІГІ» ИЛИ «ТІЛ ЕДИНИЦАСЫ»
(ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА) В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ «ЛЕКСИКОЛОГИЯ»
В СЛОВАРЯХ КАЗАХСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ**

В казахской словарной статье, как и в русской словарной статье, употребляется термин «единица» (в сочетании *тіл единицасы* — ‘языковая единица’). (См.: Тіл білімі сөздігі, 1998, б. 201—202). Составители данной словарной статьи не используют широкоупотребительный в казахском языкознании собственно казахский термин «бірлік» (‘единица’), т.е. *тіл бірлігі* (‘языковая единица’), который обозначает в казахском языке значение терминосочетания русского языка — языковая единица.

В современном казахском языке, в казахском языкознании терминосочетание *тіл бірлігі* вместе с гибридным (казахско-русским) терминосочетанием *тіл единицасы* образуют синонимический ряд. Оба термина употребляются в работах по казахскому языку.

В последние 20—25 лет термин *тіл бірлігі* доминирует по частоте употребления в сравнении с частотой употребления термина-синонима *тіл единицасы*.

На наш взгляд, при составлении словарной статьи термина *лексикология* на казахском языке ее авторы остались в плену русской языковедческой терми-

нологии, постоянно употребляя только слово «единица», не употребляя слово *бірлік* в составе термина «языковая единица» (*тіл единицасы*, т.е. *тіл бірлігі*). Конечно же, желательным было бы употребление обоих терминов-синонимов с доминированием собственно казахского терминосочетания (*тіл бірлігі*), что наглядно продемонстрировало бы богатство внутренних возможностей казахского языка в области терминообразования.

В данном случае индивид, читающий словарную статью термина *лексикология* на казахском языке (по этому словарю), может прийти к выводу, что в казахском языке нет собственно казахского термина, передающего понятие *языковая единица*.

В современном узбекском языкознании также присутствуют два сложных термина, обозначающих понятие *языковая единица*: гибридно образованный термин (узбекско-русский) *тил единицаси*; собственно узбекский — *тил бирлиги*.

В узбекском языкознании собственно узбекский термин *тил бирлиги* появился раньше, чем в казахском языкознании (см. Хожиев А., Лингвистик терминларнинг изоҳли луғати, 1985).

В настоящее время доминирует функционирование собственно узбекского термина *тил бирлиги*, чем гибридного термина *тил единицаси*. Второй термин уже более 10—15 лет употребляется очень редко, как правило, в тех случаях, когда в научном контексте может иметь место излишняя (нежелательная) тавтология. В этом случае и в некоторых других специфических условиях речепроизводства на узбекском языке используется гибридный сложный термин *тил единицаси* в значении синонима — собственно узбекского сложного термина *тил бирлиги*. Хотя следует отметить, что в узбекском языке (как и в казахском языке) первоначально использовался один термин — *тил единицаси*. Его синоним термин *тил бирлиги* был образован и вошел в научный обиход гораздо позже термина *тил единицаси*. И тем не менее он в настоящее время является термином-доминантой в данном синонимическом ряду.

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕРМИНА «ЛЕКСИКОЛОГИЯ» В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Различия в содержании словарных статей термина «лексикология» наблюдаются в терминологических словарях казахского языка и относительно презентации в них понятия «обогащение (пополнение) словарного запаса языка».

Так, в словаре «Тіл білімі сөздігі» (Словарь по языкознанию, 1998) сказано: «...сөздік қорды толықтыру және дамыту жолдары...» (Тіл білімі сөздігі, 1998, 201 б.), что означает «пополнение и развитие словарного запаса».

В словаре «Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі» Ғ. Қалиева сказано: «...сөздік құрамның... толығы жолдары...» (Қалиев, 2005, 197 б.), что означает — «...пути пополнения состава словаря».

Итак, в первом словаре дается полное определение данного аспекта лексикологии, то есть пополнение лексики языка и пути ее развития (толықтыру, дамыту), во втором словаре такая дифференциация (пополнение, развитие) в содержании контекста словарной статьи отсутствует, то есть имеется в виде только попол-

нение *толығыу*. Мы думаем, что автор этого терминологического словаря в содержание смысла слова *толығыу* вкладывает и значение слов *пополнение, обогащение (толықтыру, байыту)*, и значение слова *развитие*.

Сравнение особенностей словоупотребления в передаче значения пополнение (обогащение) лексического запаса языка, позволяет нам сделать вывод о том, что словоупотребление *толықтыру*, присутствующее в словарной статье слова лексикология в «Тіл білімі сөздігі», и в плане лексико-семантическом, и в плане стилистическом соответствует уровню развития современного казахского литературного языка, требованиям научного стиля, тогда как словоупотребление *толығыу*, присутствующее в терминологическом словаре Ф. Қалиева, как мы уже выше отмечали, на сегодняшний день не имеет оттенка книжной (научной) речи.

В словарной статье термина «лексикология» на казахском языке в двуязычном терминологическом словаре дважды употреблено выражение *сөздік қоры*. В данном случае это словосочетание употреблено в значении *тілдің сөз байлығы* (словарный (или лексический) запас (состав) языка).

Словоупотребление необычное, но интересное. В казахском языкознании и в целом в казахском языке, когда говорят о лексическом запасе языка, то традиционно употребляют выражения *тілдің сөз байлығы, тілдің сөз қоры* (дословно: запас (состав) слов языка, богатство слов языка), т.е. лексическое (словарное) богатство (словарный запас) языка.

В казахской научной речи эти выражения (*тілдің сөз байлығы, тілдің сөз қоры*) часто употребляются и в усеченной форме (*сөз қоры, сөз байлығы*); может быть употребление и без слова *сөз*, но со словом *тіл*: *тіл байлығы* (богатство языка), *тіл қоры* (дословно: запас языка, языковой запас, т.е. богатство языка).

В казахском и в некоторых других кыпчакских языках слово *сөздік* — это словарь. Понятие *лексическое богатство (тілдің сөз байлығы)* в казахском языке не передается словом *сөздік*. *Лексическое* (или словарное) *богатство* (запас) языка традиционно передается с использованием слова *сөз* или *тіл* в соответствующих сочетаниях слов (см. выше).

Итак, почему же автор (или авторы) словарной статьи термина *лексикология* на казахском языке в терминологическом словаре «Тіл білімі сөздігі» (Словарь по языкознанию) для выражения значения *лексическое богатство* языка использует слово *сөздік* (словарь), а не *сөз* (слово)? На наш взгляд, это можно объяснить двумя причинами.

1. Авторы (или автор) словарной статьи термина *лексикология* осуществляли прямой (дословный) перевод выражения русского языка *словарный запас* (словарный состав языка), поэтому получилось *сөздік қоры* (словарный запас или словарный состав).

2. Авторы (или автор) осуществили новоупотребление с использованием казахского слова *сөздік* (словарь) в необычном для него значении — *сөздік қоры* (лексический запас языка).

Если так, то покажет время: будет или не будет употребляться это словосочетание (*сөздік қоры*) в новом значении — лексический запас (состав) языка.

Выражение сөздік қоры в казахском языке обозначает объем (количество) слов в том или ином словаре, в том или ином языке в целом. Например:

— сөздік қоры бай — лексический запас словаря богатый;

— сөздік қоры көлемді — лексический запас словаря объемный (большой).

В казахском языке значение слова «словарь» передают два слова-синонима: сөздік (собств. каз.), лұғат (заимств. араб.). В казахском языке оба слова не употребляются в значении словарный (лексический) запас языка в целом.

Высокочастотным по употреблению и нейтральным по стилистической окраске является слово сөздік. Слово же лұғат является менее частотным по употреблению, характеризуется книжной стилистической окраской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, понятие, соответствующий термин и наука лексикология глубоко и серьезно разрабатываются в исследуемых нами языках в аспекте анализа и описания словарного состава языка, как в собственно-научных, так и в учебно-научных целях, его типов, т.е. классификаций, способов и путей обогащения, составления толковых, терминологических, двуязычных и полиязычных словарей и т.д.

Понятия, категории, принципы лексикологии как языковедческой науки так же научно обосновано представлены в исследованных нами научных источниках.

Вместе с тем наблюдаются заметные различия в способах презентации лексикологии как раздела лингвистики в терминологических и других словарях.

Различия эти в основном заключаются в том, что:

— наблюдается неоднородность в семантической наполняемости одних и тех же терминов лексикологии в сравниваемых языках;

— присутствие индоевропейского интертермина и соответствующих терминов, образованных на основе тюркского языка (казахского, узбекского), а в узбекском языке и терминов, заимствованных из арабского языка или фарси, в которых изначально заложено несколько иное значение, понимание, чем то значение, то понимание, которое заложено в индоевропейском интертермине или в собственно казахском, или в собственно узбекском термине; и т.д.

Эти и другие различия порождают новые различия, которые присутствуют в словарных статьях, посвященных слово-термину «лексикология», а так же другим понятиям и соответствующим терминам из области науки о словарном составе языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Апресян Ю.Д. (1974). Лексическая семантика [Apresyan Y.D. The Lexical semantic]. Москва.
- [2] Ахманова О.С. (1966). Словарь лингвистических терминов [Akhmanova O.S. The Dictionary of linguistic terms]. М.: Изд-во «Советская энциклопедия».
- [3] Байтурсынов А. (1914; 1992). Тіл тағылымы (Қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектер) [Baitursynov A. The lesson of linguistics]. Алматы: «Ана тілі».
- [4] Бодуэн де Куртенэ И.А. (1963). О смешанном характере всех языков [Baudouin de Courtenay I.A. The mixed character of all languages] // Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва.

- [5] *Виноградов В.В.* (1977). Избранные труды [*Vinogradov V.V. The selected works*]. Т. 3. Лексикология и лексикография. Москва.
- [6] *Қалиев Ғ.* (2005). Тіл білімі терминдерінің тусіндірме сөздігі [*Qaliev G. The explanatory terminological dictionary on the linguistics*]. Алматы: «Сөздік–Словарь».
- [7] *Мейе А.* (1954). Сравнительный метод в истории языкознания [*Meillet A. The comparative method in the linguistics history*]. Пер. с франц. Москва.
- [8] *Рождественский Ю.В.* (1969). Типология слова [*Rozhdensvenskij Yu.V. The typology of the word*]. Москва.
- [9] Тіл білімі сөздігі (1998) (Словарь по языкознанию) [*The dictionary of the linguistics*]. Алматы: Сорос-Қазақстан қоры, «Гылым».
- [10] Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5-жилдди (2006) [*The explanatory dictionary of the Uzbek language. Volume 5*]. Т. 4. Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти.
- [11] *Ҳожиев А.* (1985). Лингвистик терминларнинг изоҳли луғати [*Hozhiev A. The Dictionary of linguistic terms*]. Тошкент: «Ўқитувчи».

COMPARATIVE ANALYSIS OF TERM “LEXICOLOGY” PRESENTATION IN TERMINOLOGICAL DICTIONARIES OF RUSSIAN, KAZAKH, UZBEK LANGUAGES

Mahanbet Dzhusupov

The Uzbek State World Languages University
Reshetov str., 4, Tashkent, Uzbekistan, 100133
mah.dzhusupov@mail.ru

This article deals with the presentation of the term “lexicology” in Russian, Kazakh and Uzbek dictionaries; reveals differences in contents of dictionaries’ articles which are related to an absolute understanding of lexicology as a science of lexical structure of the language, so of her separate aspects; moreover it is analyzed the peculiarities of the usage in these dictionaries’ articles of the term language unit, which in Kazakh dictionaries functions as variant «til edinicası» and in proper-scientific works (monograph, dissertation, article and others) in Kazakh language, it is actively used as variant «til birligi». This is also significant to the Uzbek language.

Key words: lexicology, til birligi, presentation, dictionary, terminological, Russian, Kazakh, Uzbek, similarities and differences

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕРМИНОЛОГИИ ЭКОЛОГИИ

А.И. Аграновская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198
agranovskaya@mail.ru

Статья посвящена анализу степени изученности экологической терминологии в диссертационных исследованиях. Материалом для анализа послужили 35 русскоязычных диссертаций по экологической тематике на соискание степени кандидата или доктора филологических наук. Автором выделены тематические группы по направлениям исследования, языкам терминов и источников, указаны типичные для большинства работ блоки информации, проанализированы сходство и различия в актуальности, задачах, методах и материалах исследований. В заключение автор обосновывает ключевые направления своего исследования и намечает перспективы.

Ключевые слова: терминология, экология, экологический дискурс, экологический словарь, лингвокогнитивизм, экологическая литература

ВВЕДЕНИЕ

Терминология составляет значительную часть лексического состава любого языка [4. С. 15]. Она является источником получения и передачи информации, путем к дальнейшему развитию науки и техники, взаимопониманию и международному сотрудничеству [7. С. 140]. По словам Е.М. Какзановой [2. С. 12—13], «терминология представляет собой открытую и незамкнутую систему», активно взаимодействующую с внешним миром. Для терминологии также характерна «подвижность словарного состава» [3. С. 54], появление новых терминов или новых значений уже существующих терминов. Приращение терминологического фонда происходит [1. С. 85] не только благодаря конструированию новых лексем, но и за счет применения уже существующих лексических единиц для обозначения новых понятий в родственных или соприкасающихся сферах знания [1. С. 85].

Действительно, терминология значительно упрощает и систематизирует процесс обмена информацией между специалистами в той или иной области. Чутко реагируя на изменения в развитии науки и общества, а также на мировые тенденции, такие, как глобализация, терминология с течением времени частично изменяет состав и структуру входящих в нее терминов. И терминология экологии не является исключением. Зародившись в качестве биологической науки, экология включала в себя почти исключительно естественнонаучные термины (*автотрофы, консументы, экологическая ниша, трофическая цепь, фитоценоз, фотосинтез*).

По мере включения в состав экологии новых областей знания (например, прикладная дисциплина «Природопользование и охрана окружающей среды») экологическая терминология обогащалась все новыми словами (*возобновимые источники энергии, выбросы, качество атмосферного воздуха, мониторинг окружающей среды, утилизация бытовых отходов*). Со временем стала очевидной двойственность науки экологии: наряду с биологическими факторами объектом пристального изучения стали также гуманитарные аспекты (социальные, культурные, морально-этические, политические и др.). Антропоцентрическая парадигма в изучении экологии дала начало целому ряду исследований, в том числе

по социальной экологии и экологии человека, способствовала формированию внушительного пласта лексики (*антропоэкология, деградация среды, шумовое загрязнение, антропогенная нагрузка, ноосфера, экологическое сознание, урбанизация*).

Сейчас уже можно утверждать, что с каждым годом все больше ученых-филологов обращаются к вопросу изучения лингвистических особенностей экологической терминологической лексики, приходят к выводу о необходимости выявления, анализа и систематизации экотерминов как в экологии в целом, так и в ее отдельных отраслях. К.Ю. Симонова [5. С. 17] утверждает, что «с развитием экологии все большее значение приобретают вопросы изучения соответствующей терминологии». Экологическую терминологию анализируют с разных сторон: проводят когнитивно-дискурсивный анализ (А.В. Зайцева, Е.В. Иванова, А.А. Лагутина и др.), изучают языковые и экстралингвистические факторы, влияющие на становление экотерминосистемы и определяющих ее специфику (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, И.Г. Гусева, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова), выделяют лексико-семантические группы (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова), сравнивают специальную лексику различных языков (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, Е.М. Горохова, М.М. Захарова, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, Н.Н. Крючкова, Д.О. Попов, С.Н. Семенова, Е.Г. Хитарова, А.Ю. Шевцова) и т.д.

Для определения степени изученности данной темы в науке мы отобрали 35 русскоязычных работ, наиболее релевантных для темы нашего исследования (терминология экологии) — 35 диссертаций на соискание степени кандидата или доктора филологических наук, защищенные в период с 1980 по 2015 г., написанные на русском языке и затрагивающие экологическую тематику. Для более детального рассмотрения мы выделили 6 тематических групп.

I. Терминология экологии в целом (9 работ): И.В. Верегитина (деривационно-семантический аспект терминологии научного экологического знания), Э.А. Галиева (экологическая лексика в литературном татарском языке), Н.И. Жабо (экотерминосистема французского и русского языков), М.М. Захарова (оценочные значения в экологической терминологии), Т.С. Кириллова (формирование научной терминологии медицины и экологии), Н.Н. Крючкова (эко-термины в немецком и русском языках), Е.А. Латышевская (развитие английской терминосистемы экологии), А.М. Раисова (развитие немецкой экологической терминологии), К.Ю. Симонова (развитие английского подязыка экологии).

II. Терминология отдельных отраслей экологии (5 работ): Т.А. Алесенко (терминология экологии воды в английском и русском языках), Л.К. Богдановская (термины промышленной экологии во французском и русском языках), Е.М. Горохова (терминосистема экологии почвы в английском и русском языках), Д.О. Попов (терминосистема экологии воздуха в английском и русском языках), Л.В. Сретенская (категория оценки в научных текстах по строительной экологии).

III. Экология в лингвокогнитивном аспекте (3 работы): И.Г. Гусева (когнитивно-дискурсивный анализ английской терминологии рыбного промысла), З.И. Ломинина (когнитивно-прагматические характеристики текстов по загрязнению среды), О.А. Фомина (лингвистическая экология).

IV. Экологический дискурс (6 работ): А.В. Зайцева (типология немецких экологических текстов), Е.В. Иванова (метафорическая концептуализация при-

родных катастроф в экологическом дискурсе), Н.А. Красильникова (категория СВОИ-ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии), А.А. Лагутина (экологические реалии в немецком газетно-публицистическом дискурсе), С.Н. Семенова (когнитивно-прагматические характеристики дискурса в предметной области «горные экосистемы»), Е.Г. Хитарова (дискурсивные структуры экологической тематики в лингвистическом и правоведаческом аспектах).

V. Составление экологических словарей/тезаурусов (3 работы): Н.Г. Кантышева (терминосистема «экологический аудит» в систематизирующем глоссарии), М.А. Ковязина (функциональная модель двуязычного экологического словаря-тезауруса), А.Ю. Шевцова (моделирование двуязычного словаря-тезауруса по авиационной экологии).

VI. Экологическая тематика в литературе: периодика, публицистика, научные и художественные тексты (9 работ): Т.В. Васильева (экологическая пропаганда в советской периодике), Н.К. Джумагазиева (экология в периодической печати Кыргызстана), В.В. Колошьян (лексико-стилистическая характеристика французских экологических текстов), Г.В. Крюкова (экологическая проблематика в советской прозе), Е.В. Петушкова (экологические проблемы в отечественной публицистике вт. пол. XX в.), Н.Г. Солодовникова (экологичность эмотивной коммуникации), И.А. Тищенко (природа и проблемы экологии в русской и адыгейской литературе XX в.), Н.И. Шишкина (экологическая литература), Д.Н. Якубов (журналистика и экология)¹.

Критерием отнесения диссертационной работы к конкретной группе послужило приоритетное направление исследования каждого автора.

Хотя для нашего исследования VI группа (экологическая тематика в литературе) имеет минимальное практическое значение ввиду отсутствия непосредственно терминологии (кроме В.В. Колошьян), мы посчитали целесообразным включить ее в общий анализ в связи с высокой представленностью в общей выборке, а также в качестве богатого источника печатных и электронных материалов, интересных для нашей работы. Не вошли в подборку из-за отсутствия в открытом доступе или слишком малой релевантности для нашего исследования работы Н.Н. Старченко (проблемы экологии в советской прозе 80-х гг.), А.А. Лабовкиной (немецкие научные тексты по экологической географии), Н.В. Ивашковой (английские термины экологии в лингво-когнитивном аспекте), Л.А. Кохановой (СМИ в системе непрерывного экологического образования), Н.В. Морохина (духовная экологическая культура народов Нижегородского Поволжья), И.В. Рец (лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неонаминации), Е.М. Пылаевой (эколингвистический подход к переводу романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил»).

Составив сводную таблицу авторефератов, мы сделали следующие наблюдения.

1. Из 35 работ 34 являются кандидатскими и лишь одна — докторская (Т.В. Кириллова, формирование научной терминологии медицины и экологии).
2. Наибольшая активность наблюдалась в период с 2004 по 2007 г. (по 3 защиты в 2004—2006 гг. и 6 защит в 2007 г.). Возможно, это связано с прошедшим

¹ Приведенная классификация достаточно условна, так как ряд работ можно отнести одновременно к нескольким группам. — *И.А.*

в 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) Всемирным саммитом по устойчивому развитию «Рио+10», на котором были подведены итоги первого десятилетия после принятия в 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия) Декларации по окружающей среде и развитию. Кроме того, 4 ноября 2004 г. Россия ратифицировала Киотский протокол, взяв на себя обязательство по сокращению парниковых газов.

3. Самое большое количество защит проходило в Москве (8) и в Краснодаре (6). По 3 защиты прошло в Омске и Тюмени. В остальных городах из списка было не более 2 защит, не связанных по тематике или году.

4. Все защиты в Омске проходили по становлению и развитию экологической терминологии (в нашей классификации — I группа: общая экология).

5. Исследования такого актуального направления, как лингвистическая экология (экологическая лингвистика), практически не представлены. Ей посвящена работа О.А. Фоминой 2001, косвенно И.В. Рец 2014 (в связи с изучением неонимации) и Е.М. Пылаевой 2015 (эколингвистический подход к переводу романа на французский язык). Хотя уже в 1984 г. Н.Г. Солодовникова пишет о том, что «в современной лингвистике активно развивается новое направление — лингвоэкология» [6. С. 3].

6. В VI группе работ непосредственно экологическую терминологию анализирует только В.В. Колошьян (лексико-стилистическая характеристика французских публицистических текстов по экологии).

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение языка используемых источников (текстов, словарей и т.д.) и/или языка составляемых терминологических массивов.

Таблица 1

Классификация научных работ по языку источников

<p>РУССКИЙ + АНГЛИЙСКИЙ (9):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Захарова М.М. 2013 (I) • Алесенко Т.А. 2000 (II) • Горохова Е.М. 2007 (II) • Попов Д.О. 2003 (II) • Семенова С.Н. 2007 (IV) + II + III • Хитарова Е.Г. 2005 (IV) + VI • Кантышева Н.Г. 2011 (+нем) (V) • Ковязина М.А. 2006 (V) • Шевцова А.Ю. 2014 (V) 	<p>АНГЛИЙСКИЙ (4):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Латышевская Е.А. 2012 (I) • Симонова К.Ю. 2004 (I) • Гусева И.Г. 2004 (III) + II + IV • Красильникова 2005 (IV)
<p>РУССКИЙ + НЕМЕЦКИЙ (1):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Крючкова Н.Н. 2006 (I) 	<p>НЕМЕЦКИЙ (4):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Раисова А.М. 2012 (I) + VI • Зайцева А.В. 2014 (IV) • Иванова Е.В. 2007 (IV) • Лагутина А.А. 2013 (IV) + VI
<p>РУССКИЙ+ФРАНЦУЗСКИЙ (1):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Богдановская Л.К. 1992 (II) 	<p>ФРАНЦУЗСКИЙ (2):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Жабо Н.И. 2015 (I) + VI • Колошьян В.В. 2007 (VI)
<p>РУССКИЙ (10):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Верегитина И.В. 2006 (I) • Кириллова Т.С. 1999 (I) • Сретенская Л.В. 1994 (II) • Ломинина З.И. 2000 (III) + II • Фомина О.А. 2011 (III) • Васильева Т.В. 1984 (VI) • Крюкова Г.В. 1984 (VI) • Петушкова Е.В. 2004 (VI) • Солодовникова Н.Г. 1984 (VI) • Шишкина Н.И. 2007 (VI) 	<p>ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА (4):</p> <ul style="list-style-type: none"> • Галиева Э.А. 2005 (татарский) (I) + VI • Джумагазиева Н.К. 2010 (кыргызский) (VI) • Тищенко И.А. 2007 (адыгейский) (VI) • Якубов Д.Н. 2009 (таджикский) (VI)

Для большей наглядности мы указали смежные группы для работ, написанных на стыке нескольких направлений.

Из таблицы 1 следует, что наиболее универсальными являются работы по терминологии экологии в целом (I группа) и экологической литературе (VI группа): они присутствуют в пяти и четырех разделах соответственно. Но для экологической литературы наиболее типичными являются исследования русской литературы и текстов неевропейских языков (татарский, кыргызский, адыгейский, таджикский). Отраслевая экологическая терминология представлена в основном в сравнительных работах по английской и/или русской терминологии. Подборка терминов для словарей и тезаурусов проводилась почти исключительно на английском и русском языках (два русско-английских тезауруса и один русско-немецко-английский глоссарий). Дискурсивные исследования базируются преимущественно на материале немецких текстов (3 из 4 в разделе «немецкий язык»).

Большинство работ имеют русские (10) или русско-английские источники (9). Русско-немецкая (общая) и русско-французская (промышленная) терминология представлены в единичном экземпляре. Таким образом, предметная область социальной экологии и экологии человека на базе немецкой терминологии и ее сравнение с русской терминологией остается неохваченной.

Проанализировав работы, посвященные непосредственно экологической терминологии, мы выделили несколько типичных блоков информации:

— **становление и развитие экологической науки** в целом или **терминологии** (отечественной или зарубежной) в целом (Т.С. Кириллова, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова);

— **этапы формирования экологической терминологии** (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, Е.М. Горохова, Н.Г. Кантышева, Т.С. Кириллова, Н.Н. Крючкова, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, К.Ю. Симонова, А.М. Раисова);

— **источники пополнения экологической лексики**: заимствования, неологизмы, терминологизация, метафоризация и др. (Л.К. Богдановская, Э.А. Галиева, Е.А. Латышевская, К.Ю. Симонова);

— **критерии отбора специальной лексики**: тематическая принадлежность, системность, полнота охвата лексики, синхронность, целесообразность и т.д. (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, Д.О. Попов, А.Ю. Шевцова);

— выделение лексико-семантических групп, тематических групп, фреймов (Т.А. Алесенко, И.Г. Гусева, Н.И. Жабо, А.В. Зайцева, Е.В. Иванова, Н.Г. Кантышева, Т.С. Кириллова, М.А. Ковязина, Н.А. Красильникова, А.А. Лагутина, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова, С.Н. Семенова, О.А. Фомина, А.Ю. Шевцова);

— **словообразовательная классификация** экологических терминов: простые термины, терминологические словосочетания, аббревиатуры и т.д. (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, Т.С. Кириллова, В.В. Колошьян, Н.Н. Крючкова, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, К.Ю. Симонова, А.М. Раисова);

— **способы терминообразования**: аффиксация, словосложение, переосмысление, образование словосочетаний и др. (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская,

Э.А. Галиева, И.Г. Гусева, Н.Г. Кантышева, В.В. Колошьян, Н.Н. Крючкова, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова);

— **семантический анализ**, с упором на синонимию, в ряде работ также на терминологизацию и метафоризацию (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, Е.М. Горохова, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, В.В. Колошьян, Н.Н. Крючкова, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова, О.А. Фомина).

Данные блоки информации мы считаем важными и для нашего исследования.

Определенные закономерности можно найти и в содержании авторефератов. Так, в обосновании **актуальности** проведенных исследований авторы чаще говорят о лексике и терминологических единицах (Л.К. Богдановская, Э.А. Галиева, М.А. Ковязина и др., всего 15), возрастающем интересе к изучению лингвистических особенностей экологической лексики и к экологическим проблемам в целом (Е.М. Горохова, А.В. Зайцева, В.В. Колошьян, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова, Н.Г. Солодовникова, О.А. Фомина), недостаточной изученности экотерминологии, представлению природы в печатных изданиях, социально-нравственной проблематики на экологической основе (Е.В. Иванова, Г.В. Крюкова, Н.Н. Крючкова, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова, К.Ю. Симонова, Н.Г. Солодовникова, Н.И. Шишкина), необходимости систематизации экотерминологии (И.Г. Гусева, Н.Г. Кантышева, Н.Н. Крючкова, К.Ю. Симонова, А.Ю. Шевцова), необходимости описания, анализа, упорядочения экологических терминов (Т.А. Алесенко, Н.И. Жабо, А.А. Лагутина, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова, К.Ю. Симонова, Л.В. Сретенская), создании словаря, тезауруса, лексикографическом описании (Л.К. Богдановская, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, К.Ю. Симонова, А.Ю. Шевцова), когнитивных структурах и механизмах, когнитивной лингвистике (А.В. Захарова, Е.В. Иванова, С.Н. Семенова).

Наиболее важными **задачами** исследования многие авторы считают составление выборки терминов и критериев их выделения (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, Е.М. Горохова, И.Г. Гусева, Н.И. Жабо, В.В. Колошьян, А.А. Лагутина, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова, К.Ю. Симонова, Е.Г. Хитарова, А.Ю. Шевцова), описание истории формирования терминологии в целом или ее отдельных отраслей (Т.А. Алесенко, Э.А. Галиева, Е.М. Горохова, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова, К.Ю. Симонова), состояние экотерминологии на современном этапе, терминообразование (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, И.В. Верегитина, Э.А. Галиева, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, Т.С. Кириллова, М.А. Ковязина, Н.Н. Крючкова, К.Ю. Симонова), способы и источники пополнения экотерминологии (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, А.М. Раисова, А.Ю. Шевцова), исследования семантических явлений — синонимии, полисемии, а также семантический анализ (Т.А. Алесенко, Н.И. Жабо, Д.О. Попов, А.М. Раисова), выделение лексико-семантических групп (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов, А.М. Раисова), изучение структурных и семантических особенностей терминов (Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, Е.М. Горохова, И.Г. Гусева, Н.И. Жабо, Н.Г. Кантышева, А.А. Лагутина, Д.О. Попов, А.М. Раисова, К.Ю. Симонова,

О.А. Фомина), экстралингвистические и внутриязыковые факторы (Т.А. Алесенко, Е.М. Горохова, И.Г. Гусева, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова), составление экологического словаря, тезауруса или глоссария (И.Г. Гусева, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, А.А. Лагутина, Е.А. Латышевская, А.Ю. Шевцова).

Наиболее популярными **методами** исследования (как общенаучными, так и лингвистическими) являются:

- сравнительно-сопоставительный метод (15 работ);
- количественный анализ (11);
- описательный метод (10);
- анализ словарных дефиниций (лексикографический анализ) (9);
- контекстуальный анализ (9);
- структурный метод (8);
- компонентный метод (8);
- метод наблюдения (8);
- обобщение (7);
- статистический метод (6);
- моделирование (6);

Менее распространены следующие методы:

— интерпретация, концептуальный анализ, дефиниционный анализ (по 5 работ);

— дедукция и индукция, сплошная выборка¹, системный подход (по 4 работы);

— социолингвистический анализ, метод семантического поля, анализ и синтез, этимологический анализ, исторический (диахронический) анализ, метод классификации, морфологический (словообразовательный) анализ, дискурсивный анализ (по 3 работы);

— теоретико-аналитический, логико-понятийный, стилистический, фреймовый анализ, родовидовой анализ, метод когнитивного моделирования, метод корреляции языковых фактов, историко-генетический метод (по 2 работы).

Остальные **методы** представлены не более чем в одной работе: принцип релевантности понятию, принцип терминологической адекватности (Л.К. Богдановская), метод изучения терминогнезд (И.В. Верегитина), ономаσιологический анализ (И.Г. Гусева), экспериментальный метод, анкетирование, интервьюирование, коммуникативный метод, метод трансформаций, метод верификации (Н.И. Жабо), анализ сочетаемости лексем, прием когнитивно-матричного анализа (М.М. Захарова), метод метафорического моделирования (Е.В. Иванова), лексико-генетическая характеристика терминов (Т.С. Кириллова), семемный анализ (А.А. Лагутина), дистрибутивный анализ, контент-анализ (Н.Г. Солодовникова), методика лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа (О.А. Фомина), герменевтический метод (Е.Г. Хитарова), историко-книговедческий метод (Н.И. Шишкина).

---

¹ Метод сплошной выборки упоминается также в задачах у К.Ю. Симоновой и Н.И. Жабо, в материалах у К.Ю. Симоновой, Е.А. Латышевской, М.М. Захаровой, А.М. Раисовой, Н.И. Жабо, Д.О. Попова, Л.В. Сретенской, О.А. Фоминой. — *И.А.*

Среди **материалов** исследования наиболее популярны:

- интернет-ресурсы (19 работ);
- периодические издания, в т.ч. электронные (19);
- научные статьи, монографии, диссертации и авторефераты диссертаций (15);
- словари на иностранных языках (13);
- русскоязычные словари (12);
- энциклопедии, энциклопедические словари (10);
- учебники, учебные пособия (7);
- двуязычные и многоязычные словари (5);
- материалы семинаров и конференций (4);
- электронные каталоги, базы данных (2).

Опираясь на проведенный анализ, мы можем сделать следующие общие выводы.

1. Среди русскоязычных диссертаций на соискание кандидата или доктора филологических наук нет ни одной работы, посвященной терминологии социальной экологии или экологии человека.

2. Больше всего диссертаций по экологической тематике представлено в литературе (VI группа), меньше всего исследований проводилось по экологическим словарям (V группа). Возможно, это связано с более богатым материалом для исследования (существует около 30 русскоязычных экологических терминологических словарей и огромный пласт художественной литературы, публицистики и периодических изданий, полностью или частично посвященных экологическим темам). С другой стороны, недостаточная изученность экологической терминологии с лексикографической точки зрения и малый опыт последовательного описания механизма создания экологических словарей открывают новые возможности для исследования.

Несмотря на широту охвата экологической тематики в диссертационных работах (экологическая терминология в целом, терминология отдельных отраслей, экологический дискурс, когнитивные исследования экологии, экологические словари и экологическая литература) и разнообразие языков (8), никто из авторов не изучал немецкую отраслевую экологию и не сравнивал ее с русской, не рассматривал немецкую экологическую терминологию в лингвокогнитивном аспекте, не занимался составлением немецко-русских словарей или тезаурусов по социальной экологии или экологии человека (Русско-немецкий экологический словарь А.М. Раисовой посвящен экологии в целом, Словарь синонимов эко-терминов Н.Н. Крючковой отсутствует в открытом доступе, что говорит, вероятнее всего, о малом тираже).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективу нашего исследования мы видим в изучении немецкой и русской терминологии социальной экологии и экологии человека в лингвокогнитивном аспекте. Хотя существует не менее 40 диссертационных исследований по языкознанию, посвященных экологической тематике, никто из авторов не выде-

лял отдельно социально-экологические термины и не противопоставлял их массиву «естественно-экологических» терминов. Поэтому мы считаем формирование базы социально-экологических терминов важной для гуманитарных наук задачей.

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике, выдвигающая на передний план изучение связи человека и языка, коррелирует и с социально-экологической терминологией: для гуманитарных наук, к которым относится и филология, наибольший интерес представляют термины, раскрывающие различные аспекты взаимодействия человека с природой, влияния человека на биологические процессы на различных уровнях: от микроуровня (возделывание почвы, скотоводство и т.д.) до макроуровня (глобальные экологические катастрофы, космический мусор и т.д.).

Кроме того, для гуманитарных наук интересны социальные и собственно лингвистические процессы, проходящие в обществе: концепция перехода к устойчивому развитию, вопросы экологической морали и этики, экологического сознания и мировоззрения, введение элементов экологического образования и просвещения для людей всех возрастов, проблемы «загрязнения языка», «болезней языка» (сциентит, церковит и др.), «лингвоэкологические катастрофы» и т.д.

В поле зрения нашего исследования попадает и часть медицинско-гигиенической терминологии (*медэкология, гигиена, предельно допустимая концентрация (ПДК), стресс, здоровье среды, экологический шок*), составляющей основу дисциплины «Экология человека» в ее первоначальном понимании (студенты-экологи, изучающие «биологическую экологию», и сейчас слушают курсы по медицинским аспектам экологии человека, в то время как студенты гуманитарных факультетов изучают экологию человека как гуманитарную дисциплину, смежную с социальной экологией). Все эти аспекты необходимо учитывать в работе с социально-экологической терминологией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Антимирова В.В. Семантическая полиаспектность лингвистического термина [*Antimirova V.V. Semantic polyaspect nature of linguistic terms*]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-poliaspektnost-lingvisticheskogo-termina>.
- [2] Какзанова Е.М. (2009). Лингвокогнитивные и культурологические особенности научно-математического дискурса: монография [*Kakzanova E.M. Linguocognitive and cultural specifics of scientific mathematical discourse*]. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- [3] Какзанова Е.М. (2015). Имя собственное в термине: монография [*Kakzanova E.M. Personal proper names in terminology*]. М.: ООО «Галлея-Принт».
- [4] Раисова А.М. (2014). Становление и развитие немецкой экологической терминологии: монография [*Raisova A.M. Formation and development of German ecological terminology*]. Омск: Изд-во ОмГТУ.
- [5] Симонова К.Ю. (2013). Становление и развитие терминологии английского подязыка экологии: монография [*Simonova K.Y. Formation and development of terminology: English ecological LSP*]. Омск: Изд-во СибГУФК.
- [6] Солодовникова Н.Г. (2010). Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов) [*Solodovnikova N.G. Ecologisity of emotive communication (the case-study of pre-election creolized texts)*]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград.

- [7] *Ткачева Л.Б.* (2016). Терминология как результат взаимообусловленности филологических и технических наук и ее востребованность в современных условиях [*Tkacheva L.B.* Terminology as a result of interdependence of philological and engineering studies and its importance in modern situation]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-kak-rezultat-vzaimoobuslovlennosti-filologicheskikh-i-tehnicheskikh-nauk-i-ee-vostrebovannost-v-sovremennyh-usloviyah> (accessed February, 1st, 2016).

OVERVIEW OF DISSERTATION STUDIES IN THE TERMINOLOGY OF ECOLOGY

I.A. Agranovskaya

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklava str., 10/2a, Moscow, Russia, 117198
agranovskaya@mail.ru

This article analyzes the degree of coverage of environmental terminology in thesis research. The material for the analysis have been 35 Russian-language master's and PhD of philology theses upon environmental topics. The author singles out lexical sets on areas of research, languages of terminology and sources, points out the information units typical for the majority of theses, and analyzes the similarities and differences in the rationale, objectives, methods, and materials of research. In conclusion, the author gives ground for the key areas of the research and outlines its prospects.

Key words: terminology, ecology, environmental discourse, environmental vocabulary, linguo-cognitivism, environmental literature

ИЗУЧЕНИЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА

К. Кадашева, С.К. Омарова

Университет «Туран-Астана»
ул. *Ы. Дукеңулы 29, Астана, Казахстан, 010000*
Sh.ibraev1950@mail.ru; omarovask@mail.ru

У.О. Асанова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ул. *Сатпаева, 2, Астана, Казахстан, 010000*
assanova_62@mail.ru

В статье рассматриваются особенности составления учебного комплекса и методика обучения близкородственных языков. Авторы в работе впервые дают разработанную новейшую методику преподавания казахского языка как близкородственного и делятся некоторыми размышлениями из опыта преподавания языка.

Ключевые слова: обучение, учебный комплекс, близкородственные языки, учебная лексикография, маркированные слова

ВВЕДЕНИЕ

Проблема радикального изменения методов и методики преподавания казахского языка как второго, иностранного и близкородственного языка является требованием сегодняшнего дня. Присоединение нашей страны к мировому сообществу ведет к новым целям, решению новых задач в установлении тесных экономических отношений. Данное решение находится в тесной взаимосвязи с созданием новой теоретической и практической методики преподавания казахского языка. Поэтому создание новой методики преподавания казахского языка как близкородственного считается одной из актуальных проблем на сегодня.

Несмотря на то, что проблема изучения казахского языка в качестве близкородственного и затрагивается в некоторых научных трудах, однако необходимо отметить, что до сих пор еще не сформировалась единая в определенной системе методика преподавания языка как близкородственного. В связи с этим мы впервые подготовили монографию и учебно-методический комплекс по методике обучения близкородственных языков [3], применили их на практике и достигли определенных результатов их применения. Мы бы хотели поделиться своим многолетним опытом в этом направлении с учеными, работающими в этой области или занимающимися написанием научно-исследовательских трудов и разработкой учебных комплексов.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА «КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК» (ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ)

Составными частями учебного комплекса «Казахский язык» (для носителей близкородственных языков) являются: Основной учебник, Программа, Письмо, Чтение, Сборник тестовых заданий и учебные словари. Это можно представить на следующем рисунке.

Рис. Составные части учебного комплекса «Казахский язык»
(для носителей близкородственных языков)

Учебник считается одним из главных учебных пособий, осуществляющих ведущую роль в процессе языкового изучения. Структура учебника в основном определяется заданиями, направленными на развитие устной и письменной речи обучающегося, специально отобранными текстами (при этом необходимо обратить внимание, что целью отбора являются умение вступать во взаимоотношения и строить культурологический диалог) [5. С. 250—251]. Такой материал дается в соответствии с содержанием уровневого учебника и составляется на основе полученных знаний обучающихся на родном языке с целью предотвращения интерференции.

Структура учебника состоит из следующих компонентов.

1. Фонетический материал: для элементарного и основного уровней материал дается в упрощенном виде с целью знакомства с фонетическим строем, во-вторых, фонетический материал представлен материалом, направленным на умение правильно произносить звуки, обращать внимание на интонацию, а также на умение преодолевать трудности в произношении некоторых специфических звуков.

2. Лексический материал: представлен лексическим минимумом (общими словами), присущим двум родственным языкам согласно темам основного учебника.

3. Грамматический материал: он предлагается с целью, чтобы обучающийся мог оперировать тем объемом грамматического материала, необходимого для выражения своих мыслей в общении; грамматический материал отбирается из тематических текстов, составляющих содержание учебника, поэтому соответствия и отличия грамматического строя двух языков даются в сравнительном аспекте.

4. Тексты предлагаются в соответствии с возможностью умения пользоваться в различных речевых ситуациях и охватывающие социально-бытовую, социально-культурную, семейную и учебно-профессиональную сферы обучающегося. Тексты

даются на языке носителя языка и на изучаемом языке и составляются с учетом лексических, грамматических, страноведческих и культурологических особенностей изучаемого языка.

5. Упражнения подразделяются на языковые, разговорные и коммуникативные виды и предлагаются в фонетическом, лексическом, грамматическом аспектах языка.

Структуру основного учебника, входящего в состав учебного комплекса «Казахский язык» (для носителей родственных языков), составляют задания страноведческого и культурологического характера. Тематика заданий определяется из адаптированных текстов на казахском и турецком языках. В учебнике представлен список слов, составленный из общих слов, присущих родственным языкам. Так как тексты основного учебника являются источниками страноведческой и культурологической информации, его основная структура (сходства в культуре двух стран, понятие и восприятие) определяется когнитивной, прагматической (осуществление замысла с целью создания культурологического диалога) и сравнительно-сопоставительной (выявление сходств и различий в двух языках) информацией [4. С. 156—157].

В основном учебнике представлен лексический минимум слов, являющимися общими для трех языков и частично общими, т.е. когда значение немного изменено или когда значение слова совсем другое, а также синонимичных слов, слов, являющихся активной лексикой в одном языке и пассивной в другом языке, лексический минимум заимствованных слов и сложных слов, в котором одно слово опущено (эти слова названы нами как «маркированные»). Названные маркированные слова впервые систематизированы с научно-методической точки зрения и введены в коммуникативное обращение.

УЧЕБНЫЕ СЛОВАРИ ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В настоящее время наука методика занимается не только созданием учебников и учебных пособий с целью обучения языку, но наряду с этим занимается разработкой лексических и графических пособий, т.е. поднимается проблема создания учебных словарей [1; 10].

Учебный словарь в учебной лексикографии занимает особое место. Учебный словарь — это лексикографическое произведение, которое по типу и объему является разнообразным и специально предназначенным для оказания помощи в изучении языка. В качестве основного признака Учебного словаря выступает его обязательная обучающая направленность [8. С. 137].

Особо отличительной чертой словаря данного типа является его ориентированность на изучение языка. То есть словарь также ориентирует и читателя на определенный вид коммуникативного общения. В период повышенного спроса изучения языков активизация учебной лексикографии оказывает непосредственное влияние на проблему создания учебных словарей предназначенных как для самих обучающихся, так и других (иностранцев, представителей местных национальностей), а также носителей близкородственных языков. В этой связи нами были

созданы некоторые учебные словари, вошедшие в разработанный нами учебный комплекс. Это: словарь общих слов, учебный словарь «Ассоциативное поле», учебный лингвокультурологический словарь, а также словарь синонимов. Полагаем, что такие учебные словари должны стать «задушевым другом» обучающегося и средством определяющим «адаптирующий запас знаний для вступления во взаимоотношения» [2].

Лексика, определяющая содержание и состав названных словарей, отобрана в соответствии с целью изучения языка (с ориентировкой на язык обучения и родной язык обучающегося), лексический минимум составлен системно соответственно темам учебника, а также представлено их толкование. Значение лексики в раскрытии природы языков огромно, так как слово является показателем, хранителем и хранилищем семантики национальной культуры. Самая важная сторона этого — обучающийся должен знать слово и понимать его значение.

Структура учебных словарей, входящих в состав учебного комплекса, предназначенного для языкового уровневого обучения, состоит из специально отобранного лексического и коммуникативного минимума для Основного учебника с разъяснением слов и в основе словарей лежат принципы и критерии создания учебных словарей. Такие учебные словари необходимо рассматривать как лингвометодическое средство, являющееся теоретическим и практическим основанием толкования и описания отобранного лексического минимума в соответствии с целью обучения языку.

Учебный словарь казахского языка как близкородственного является лексикографическим производным, созданным для того, чтобы определить, объединить, привести в одну систему и оказать существенную помощь в более быстром овладении лексикой, являющейся общей для родственных языков. Словарь общей лексики создается впервые. И такие словари создают возможности для составления учебных текстов. С этим связана самая главная лингвометодическая функция — пользуясь словарем, общей лексикой родного языка и изучаемого языка обучающегося, приняв подлинное казахское слово и укрепив его в своем сознании, познать тайну языка.

«Словарь общих слов» включают лексические минимумы, составленные из общих слов и слов с частично измененным значением языковой системы двух родственных языков, которые создаются для формирования коммуникативной компетенции обучающихся по социально-бытовой и социально-культурной тематике.

Лексические минимумы — неделимая часть учебной лексикографии. Поэтому при отборе лексических минимумов упор был сделан на следующие критерии: конкретность значения слова, сочетаемость слова, его словообразовательная способность и частотность. «В словаре общих слов» дается толкование лексических значений общих слов и слов с частично измененным значением близкородственных (двух или трех) языков с целью разъяснения их сходств и различий. Это задание способствует более быстрому успешному установлению взаимоотношений обучающегося между собой. Такие лексические особенности близких друг другу

языков и полученные на родном языке знания, навыки и умения также оказывают существенное влияние на свободное овладение языком [6. С. 40].

Ниже приведен образец по страноведческой тематике из словаря «Общие слова», вошедшего в состав учебного комплекса по изучению казахского языка как близкородственного (для носителей тюркоязычных языков). Помимо общих слов, определяющих содержание текста и его основную идею, в словаре предлагается перечень общих слов дающих дополнительную информацию к тексту, слов, значение которых частично изменено или полностью, являющихся в одном языке активной лексикой, а в другом языке пассивной, а также заимствованных слов и сложных слов, одна пара которых опущена.

Предусмотренный учебным комплексом учебный словарь «Ассоциативное поле» состоит из ассоциативного поля общих слов, отобранных по темам из основного учебника и заданий к нему. Ассоциативное поле общих слов дано на трех языках (казахском, турецком и узбекском).

Предлагаются образцы названных словарей.

Образец словаря общих слов [7; 9]

На казахском языке	На турецком языке	На узбекском языке
білім беру ет. — бі-лім бе-ру; ~ і	bilim vermek (eğitmek) fiil.	bilim bermoq fe'l.
білім зат. — бі-лім; ~ і	bi-lim ver-mek (e-ğit-mek); ~ ğ ilim, bilim is. — i-lim, bi-lim	bi-lim ber-moq; ~ o; ~q ilm, bilim is. — ilm, bi-lim
бітіру ет. — бі-ті-ру; ~ і	bitirmek fiil. — bi-tir-mek	bitirmoq fe'l. — bi-tir-moq; ~ o; ~q
ғылым зат. — ғы-лым; ~ғ	ilim is. — i-lim	ilm is. — ilm
ғылыми сын. — ғы-лы-ми; ~ғ	bilimsel sif. — bi-lim-sel	ilmiy sif. — il-miy
жаңа технология — жа-ңа тех-но-ло-ги-я; ~ң	yeni teknoloji — ye-ni tek-no-lo-ji	yangi texnologiya — yan-gi tex-no-lo-gi-ya; ~ o

Образец маркированных слов

Маркированные слова	На казахском языке	На турецком языке	На узбекском языке
Наполовину общие слова	әлем ұлт	dünya, alem ulus (millet)	olam, dunyo millat
Слова, значение которых частично изменилось	мектеп	mektep, ekol	maktab
Слова, значение которых полностью изменилось	бала басты	çocuk başlıca	bola muhim
Слова-синонимы	ақпарат дайындау болашақ	bilgi hazırlamak gelecek	axborot hozirlamoq kelajak
Слова, являющиеся активными в одном языке и пассивными в другом	бағдарлама жүйе	program sistem	programma tizim, sistema
Заимствованные слова	институт бакалавриат университет	enstitü bakalorya üniversite	institut bakalavriyat universitet
Одно из слов в сложном слове опущено (слова из казахского и тюркских языков)	денсаулық	sağlık	sog'liq

**ОБРАЗЕЦ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ
«АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ»**

Тема: **Семья**

На казахском языке

АТА-АНА зат. Өке-шеше	— Өке-шешең үйде ме? — Өке-шешем Астанаға кетті. Адамдар ата-анасын құрметтеуі керек.
Ана; анашым (жақсы көру мағнасында); әкешім	Ананың көңілі балада, баланың көңілі далада.(мақал-мәтел) Анашым, көңіл-күйіңіз қалай?
құрметті,қадірлі, аяулы (син.)	Аяулы ата-анам, аман-есенсіздер ме?
жақын туыстарым	Менің жақын туыстарым: ағам мен әпкем. Ағам мен әпкем — менің ең жақын және қамқор адамдарым.
тәрбиелі	Өз ана тілінде тәрбиеленбеген бала өз ұлтына қызмет ете алмайды. (Жүсіпбек Аймауытов)

На турецком языке

ANNE ve BABA i. Ebeveyn, veli. <i>Ana Baba</i>	Ebeveynim çok bedbaht insanlardı. (S.F. Abasıyanık) Anan yahşi, babanyahşi. (atasözü)
Ana, anneciğim (Anne sözünün sevgiyle dolu söylenen biçimi); babacığım	Ak saçlı başını alıp eline, Kara hülyalara dal anneciğim! O titrek kalbini bahtın yeline, Bir ince tüy gibi sal anneciğim! (N.F. Kısakürek) “Zavallı anneciğin çok şen, güler yüzlü, gamsız bir kadındı.” — M. Yesari Cennet, anaların ayakları altındadır (hadis)
hürmetli, değerli, saygılı (eş anlam)	“Annem sıcakkanlı ve saygılıydı.” (A. Kutlu)
akraba	“Hısım akraba bir mahallede toplandılar.”
Eğitim	Ağaç yaş iken eğilir. (atasözü)
terbiyeli, eğitilmiş	“Mamafih çok kibar, terbiyeli, nazlı ve vakur birkadın.” (E.İ. Benice)

На узбекском языке

OTA-ONA <i>Bolaningota-onasi.</i>	— Ota-onang uydami? — Ota-onam Buxoraga ketgan. Farzandlar ota-onalarini hurmat qilishlashlari, e'zozlashlari kerak. Maktabda ota-onalar majlisi bo'ldi. Ota ko'rgan o'q yo'nadi Ona ko'rgan to'n bichadi (<i>maqol</i>).
Onajon, onaxon (<i>Onasi yoki keksa ayolni sevib, erkalatib, uni juda yaqin olib murojaat etish shakli.</i>)	— Salomatbo'ling, onajon! Onaningko'nglibolada Bolaningko'nglidalada (<i>maqol</i>)
Hurmatli qadri, muhtaram, aziz, qadrdon, izzatli	Aziz ota-onam, omonmisiz?
yaqinqarindosh, tug'ishgan	Yaqinlarim, qadrdonlarim, xushkelibsiz!
tarbiya	To'rda o'tirgan kishi mening yaqin qarindoshim. U meni tug'ishgan opamdan afzal sevadi(<i>Oybek</i>).
Tarbiyali	Qiz o'n olti yoshgacha bu oila da, muzika muallimi bo'lgan qambag'al amakining tarbiyasida o'sdi(<i>Oybek</i>). Tarbiyali bola ota –onaga rahmat keltiradi.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в высших учебных заведениях Казахстана проблема обучения казахскому языку в качестве близкородственного широко обсуждается. В связи с этим авторы данной статьи, имея многолетний педагогический опыт, впервые предложили методику обучения казахскому языку в качестве близкородственного, ими написана и издана монография, а также создан учебный комплекс, используемый в учебном процессе. Данные труды отвечают требованиям сегодняшнего времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дмитрюк Н.В.* (1998). Казахско-русский ассоциативный словарь [Dmitryuk N.V. Kazakh-Russian associative dictionary]. Шымкент.
- [2] *Караулов Ю.Н.* (1994). От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности [Karaulov Yu.N. From the structure of associative dictionary towards the structure of language competence] // Вестник РУДН. Серия: Филология, журналистика. Москва, № 1. С. 15—26.
- [3] *Қадашева Қ., Асанова У.О., Ашикбаева Б.Г.* (2012). Қазақ тілін туыс тіл ретінде оқыту әдістемесі [Kadasheva K., Asanova U.O., Ashikbaeva B.G. In Kazakh language]. Алматы: Кантана-пресс.
- [4] *Қадашева Қ., Асанова У.О., Ашикбаева Б.Г.* (2013). Лингвометодические проблемы изучения казахского языка в условиях близкородственного двуязычия [Kadasheva K., Asanova U.O., Ashikbaeva B.G. Linguo-methodical tasks to teach the Kazakh language in case of closely-related languages bilingualism] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва. № 2. С. 154—162.
- [5] *Қадашева Қ.* (2013). Түркі тілдерін туыс тіл ретінде оқыту әдістемесі туралы (қазақ тілін түркі тілдерінде сөйлейтіндерге үйрету) Түркі дүниесі. Ғылыми-көпшілік альманахы. [Kadasheva K. In Kazakh language]. Алматы: Интеллсервис. С. 244—254.
- [6] *Қадашева Қ., Асанова У.О., Омарова С.К.* (2015). Туыс тілдерді оқытудағы «Салыстырмалы ассоциативтік өріс» оқу сөздігін құрастырудың ерекшеліктері [Kadasheva K., Asanova U.O., Omarova S.K. In Kazakh language] // Қазақ тілі көптілді әлемде: мәселелері мен болашағы» атты республикалық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Астана. С. 39—43.
- [7] Қазақша-түрікше сөздік [Мәтін] (2003). In *Kazakh: Qazaqsha-tyrikshe sözdik* [Matin]. Түркістан: Тұран.
- [8] *Малбақұлы М.* (2011). Түркі лексикографиясы туралы бірер сөз In *Kazakh: [Malbaquly M. Turki leksikografijasy turaly birer söz]* // Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған «Түркі өркениеті және Тәуелсіз Қазақстан» атты халықаралық конференция материалдары. Астана. С.135—139.
- [9] *Özbekçe-Türkçe ve Türkçe-Özbekçe İzahlı Lugat*(1997). In *Kazakh: Özbekçe-Türkçe ve Türkçe-Özbekçe İzahlı Lugat*. Taşkent Taşkent.
- [10] *Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Оценкова Е.С.* (2010). Ассоциативный словарь русского языка [Tarasov E.F., Dronov V.V., Oshhepkova E.S. Associative small dictionary]. Москва: Дрофа.

THE STUDY OF RELATED LANGUAGES: THE PECULIARITIES OF EDUCATIONAL COMPLEX MAKING

K. Kadasheva, S.K. Omarova

Turan-Astana University

Y. Dukenuly str., 29, Astana, Kazakhstan, 010000

Sh.ibraev1950@mail.ru; omarovask@mail.ru

U.O. Asanova

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Satpaev str., 2, Astana, Kazakhstan, 010000

assanova_62@mail.ru

The article deals with the peculiarities of educational complex making and the methods of related languages study. The authors present for the first time the developed new methods of the Kazakh language teaching as a related one and they share their experience of language teaching.

Key words: teaching, educational complex, related languages, educational lexicography, marked words

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Н.М. Несова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
natalya_nesova@list.ru

В статье рассматривается микроструктура современного двуязычного словаря, в частности структура и содержание словарной статьи. Обращение к анализу словарных параметров позволяет извлечь лексикографическую информацию о слове, способах ее отражения в словарной статье, а также установить общность и специфичность лексикографической традиции в целом. Соотношение в словаре лингвистической и внелингвистической информации является значимым вопросом для современной лексикографии. Двуязычные словари рассматриваются как хранилище культуры, с одной стороны, а с другой — как мосты между разными культурами. Включение культуроведческого компонента в состав словарной статьи соответствует антропоцентрической направленности современной лексикографической науки.

Ключевые слова: словарная статья, двуязычный словарь, грамматические пометы, стилистические пометы, лемма, эквиваленты

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о содержании словарной статьи связан с микроструктурой словаря. Составитель словаря должен, учитывая прежде всего тип словаря, составить грамматический и фонетический комментарий к слову, выделить и классифицировать значения слова, продумать словарные определения, разработать систему помет, типы языковых иллюстраций, решить вопрос о включении дополнительной информации, например этимологии слова и пр.

Структура словарной статьи должна строиться с учетом основных принципов лексикографического описания: относительности и ориентированности на адресата, стандартности, экономности, простоты, полноты, эффективности, семантической ступенчатости описания [1. С. 37].

Микроструктура словаря определяется также функциями и принципами его макроструктуры, в связи с чем словарная статья должна обладать следующими характеристиками:

- 1) четкой адресацией (справочная функция);
- 2) описанием сочетаемости потенции слова (принцип экономии, полноты, эффективности);
- 3) описанием смысловых связей слова в лексической системе языка (систематизирующая функция);
- 4) наличием иллюстративных примеров, речевых контекстов (принцип полноты, эффективности, традиционности) [1. С. 54].

Словарная статья — основная структурная единица словаря. Каждая словарная статья представляет лексические единицы в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик. Морфологические характери-

ки указывают на словоизменительные и словообразовательные особенности слов. Морфемная часть представляет произношение и написание слова. Синтаксические характеристики описываются в терминах сочетаемости и комбинаторики. Семантические характеристики указывают на семантические особенности языковой единицы в терминах противопоставления и контрастивности.

Учитывая все перечисленные характеристики, пользователь словаря может «создавать» новые слова на основе существующих слов с помощью лексических правил. Лексические правила также объясняют взаимосвязь между различными лексическими единицами в языке.

Словарная статья делится на две части: левую и правую. В левой части словарной статьи располагается заглавное (заголовочное) слово, или лемма. Все заголовочные слова словаря составляют словник словаря. В правой части словарной статьи дается объяснение заголовочной единицы, специфика которого зависит от типа словаря. Внутри словарной статьи может находиться зона помет (грамматических, стилистических и т.п.). Словарные пометы представляют языковой компонент слова в сжатом знаковом виде. Среди помет различают грамматические и стилистические, которые характеризуют слово с различных сторон: грамматические пометы определяют особенности формы/словоформу, стилистические относятся к словоупотреблению, характеризуют лексику как слово в языке и речи [2. С. 15].

Дальнейшие особенности левой и правой частей словаря зависят от его типа. В двуязычном словаре выделяют следующие структурные компоненты словарной статьи:

- 1) входное слово (заглавная форма слова; фонетическая информация, прежде всего ударение; необходимая грамматическая информация);
- 2) зона переводных эквивалентов (переводные эквиваленты на языке перевода, отдельно для каждого значения заголовочного слова, фонетическая и грамматическая информация о них);
- 3) свободные словосочетания с заголовочным словом и их эквиваленты;
- 4) устойчивые выражения с заголовочным словом;
- 5) родственные слова для заголовочного слова и эквивалентов;
- 6) отсылки, иллюстрирующие основные внешние семантические связи заголовочного слова (синонимы, квазисинонимы, антонимы, конверсивы и т.п.).

Очень подробно составные части словарной статьи двуязычного словаря исследуются в работе Б.Т. Аткинса [6. С. 519]. Ценным материалом в этой работе являются функции данных компонентов для пользователей: как носителей исходного языка, так и носителей языка перевода.

1. Лемма и ее формы (лексические формы заголовочного слова) помогают пользователю найти искомую информацию. Лемма представлена в своем стандартном написании. Иногда сама лемма используется для передачи дополнительной информации, например, в ней может обозначаться ударение, указываться границы слогов для правильного переноса и т.п. Однако чаще всего для данной информации в словарной статье выделяются отдельные блоки.

Если данное слово имеет омонимы, то лемма сопровождается порядковым номером, то же самое касается многозначных слов.

2. Фонетическая транскрипция (то, как слово произносится) помогает носителю языка произносить заголовочное слово правильно.

3. Грамматическая форма (часть речи, род и т.п.).

4. Значение (оттенки значения).

5. Раздел грамматических категорий (грамматические дополнения заголовочного слова в данном смысле и перевод) помогает пользователю употреблять заголовочное слово правильно и определять смысл заголовочного слова.

6. Эквивалент в языке перевода (эквивалент слова в словарном значении) помогает носителю языка перевода понимать слово, помогает носителям исходного языка и языка перевода выполнять перевод.

7. Толкование (объяснение заголовочного слова) помогает носителю языка перевода понимать слово, помогает носителям исходного языка и языка перевода выполнять перевод.

8. Типичные примеры употребления и их перевод (как заголовочное слово обычно употребляется в речи и традиционно переводится) помогает носителю исходного языка понять смысл заголовочного слова, помогает носителю исходного языка перевести заголовочное слово, помогает носителю языка перевода использовать лексическую единицу правильно.

К. Леманн полагает, что примеры в словарной статье выполняют двойную функцию:

— служат подтверждением и иллюстрацией теоретической информации, представленной в зонах толкования, морфологических и синтаксических характеристик;

— помогают пользователю словаря употреблять/понимать слово в собственных текстах.

А. Адамаска-Салачак выделяет три основные функции примеров в двуязычном словаре, касающихся именно толкования значения леммы или ее эквивалента в языке перевода: грамматическую, стилистическую и культурную. Относительно третьей функции ученый указывает, что «культурная функция примеров состоит в представлении информации о культуре языка перевода и менее явно в указании ценностного значения, которое носители языка перевода ассоциируют означаемое определенных культурно-специфичных лексических единиц, таких как социальные, политические или религиозные термины, культурные или спортивные реалии и т.д.» [5. С. 157].

Цитаты изначально являлись наиболее популярной формой представления практических данных о функционировании слов в языке. Под цитатой в словаре понимается «короткий отрывок из текста, который предоставляет пример использования слова, фразы, их употребления или значения в речи носителей языка» [7. С. 48]. В данном случае, по мнению Б.Т. Аткинса и М. Ранделла, необходимы как минимум четыре раздела данных: ключевое слово или фраза, использование которых иллюстрирует цитата; сама цитата, обычно это одно предложение, иногда

больше; информация об источнике цитаты (дата, название произведения, автор и т.п.); раздел комментариев, который дает пользователю возможность добавить информацию для уточнения смысла цитаты.

9. Проблематичные примеры и их перевод (заголовочное слово в этом контексте приобретает специфические эквиваленты в языке перевода) помогают носителю исходного языка определить смысл заголовочного слова и избежать переводческих ошибок.

10. Устойчивые сочетания с заголовочным словом и их перевод помогают носителю языка перевода понять смысл устойчивых выражений, носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность.

11. Технические пометы (указания на то, в какой сфере профессиональной деятельности используется заголовочное слово: музыка, наука и т.п.) помогают носителям обоих языков подобрать подходящий эквивалент, помогают носителю исходного языка определить смысл заголовочной единицы.

12. Стилистические пометы (указания на то, в каком стиле речи используется заголовочная единица в данном значении) помогают носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность, помогают носителю языка перевода понять смысл слова, помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

13. Дополнительные стилистические пометы (указания на то, в каком подстиле речи используется заголовочная единица в данном значении) помогают носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность, помогают носителю языка перевода понять смысл слова, помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

14. Региональные (диалектные) пометы (указания на то, в каком территориальном диалекте используется заголовочная единица) помогают носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность, помогают носителю языка перевода понять смысл слова, помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

15. Диахронические пометы (указания на то, является ли данное слово устаревшим, неологизмом и т.п.) помогают носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность, помогают носителю языка перевода понять смысл слова, помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

16. Оценочное значение (указание на то, что данное слово используется с одобрительным, негативным и т.п. значением) помогает носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность, помогает носителю языка перевода понять смысл слова, помогает носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

17. Указания на парадигматические связи (синонимы заголовочного слова в данном значении) помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы.

18. Указания на типичные сочетания заголовочного слова (типичные подлежащие/дополнения заголовочного слова, глаголы, существительные в сочетании

с прилагательными — заголовочными словами) помогают носителям обоих языков осуществлять переводческую деятельность.

19. Перекрестные ссылки помогают пользователям найти искомую информацию.

В дополнение к перечисленным частям словарной статьи можно указать также зону фонологических вариаций (в том случае, если слово имеет равноправные варианты произношения), орфографических вариаций.

Для современной лексикографии значимым является вопрос о соотношении в словаре лингвистической и внелингвистической (энциклопедической, страноведческой и т.п.) информации. Двужычные словари рассматриваются как хранилище культуры, с одной стороны, а с другой — как мосты между разными культурами.

Связь между культурой и словарями (как одноязычными, так и многоязычными) была ясно сформулирована Р. Робертсом, который указывает, что «словари представляют не только язык, но и культуру. Словари представляют культуру, потому что слова связаны с культурой. Таким образом, словари, которые представляют собой архив слов языка, на самом деле представляют культуру, заключенную в языке» [9. С. 277]. Это мнение разделяет Т. Пиотровски, который указывает, что «внешне двуязычный словарь работает с языковыми формами, хотя в действительности он должен отражать культурные факты» [8. С. 127].

Поскольку двуязычный словарь устанавливает связи между двумя языками, соответственно, он также выявляет соотношение между двумя культурами: «Левосторонняя часть двуязычного словаря, как правило, представляет список культурных фактов, закодированных лексемами исходного языка, а правосторонняя часть содержит параллельный список эквивалентных культурных фактов из другого языка» [8. С. 128]. Сконцентрированная в виде помет лексикографическая информация позволяет представить сложную и многогранную картину слова-лексема не только в словаре, но и в языке и речи [3. С. 7].

Обращение к анализу словарных параметров позволяет извлечь лексикографическую информацию о слове, способах ее отражения в словарной статье, а также установить общность и специфичность лексикографической традиции в целом. По мнению Ю.Д. Апресяна, «отличительной чертой современной лексикографии является синтез филологии и культуры в широком смысле слова», чем во многом и объясняется лексикографическая деятельность в современной лингвистике [4. С. 108].

Для современной лексикографии характерен повышенный интерес к историко-культурной информации, который отражается в появлении новых типов словарей — этнолингвистических, лингвострановедческих, лингвокультурологических, культурологических. Кроме того, культурная информация начинает включаться в традиционные типы словарей, в том числе и двуязычные словари.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научной литературы, посвященной двуязычным словарям, показал, что такие словари выполняют важные функции в человеческом обществе, способствуют расширению знаний и повышению языковой культуры.

Словарная статья любого двуязычного словаря включает лемму и ее формы; фонетическую транскрипцию; грамматические характеристики; значение (оттенки значения); эквивалент в языке перевода; толкование заголовочного слова; типичные примеры употребления и их перевод; проблематичные (нетипичные) примеры и их перевод; технические пометы; стилистические пометы; дополнительные стилистические пометы; региональные (диалектные) пометы; диахронические пометы; оценочное значение; указания на парадигматические связи (синонимы заголовочного слова в данном значении) помогают носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы; указания на типичные сочетания заголовочного слова, а также зону фонологических и орфографических вариаций.

Таким образом, в состав словарной статьи двуязычного словаря входит около двадцати различных компонентов, служащих для выполнения разных функций, например, помогающих носителям языка перевода и исходного языка осуществлять переводческую деятельность, помогающих носителю языка перевода понять смысл слова, помогающих носителю исходного языка уточнить смысл заголовочной единицы и т.п. Такая структура словарной статьи способствует не только формированию умений переводить тексты с одного языка на другой, создавать тексты на другом языке, но и познавать новую культуру, в связи с чем современные лексикографы говорят о необходимости включения в двуязычные словари культурологического комментария как отдельного компонента словарной статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Денисов П.Н. (1980). Лексика русского языка и принципы ее описания [*Denisov P.N. The vocabulary of the Russian language and the principles of its description*]. М.: Русский язык.
- [2] Несова Н.М. (2007). Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков [*Nessova N.M. Grammar and usage labels in the dictionaries of Russian and English languages*]: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- [3] Несова Н.М. (2006). Грамматические и стилистические пометы в толковых словарях русского и английского языков [*Nessova N.M. Grammar and usage labels in the dictionaries of Russian and English languages*]: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- [4] Несова Н.М. (2014). Словарные пометы: комплексное представление слова и лексемы в сопоставительном аспекте [*Nessova N.M. Vocabulary litters: integrated presentation words and tokens in comparative aspect*] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2.
- [5] Adamaska-Salakiak A. (2006). Meaning and the bilingual dictionary: The case of English and Polish. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006.
- [6] Atkins B.T. (1996). Bilingual dictionaries: Past, present and future, in: EURALEX '96 Proceedings: Papers submitted to the Seventh EURALEX International Congress on lexicography in Goteborg Sweden. Vols. 1—2. Goteborg University. Vol. 2.
- [7] Atkins B.T., Rundell M. (2008). Oxford Guide of Practical Lexicography. New York: Oxford University Press.
- [8] Piotrowski T. (1994). Problems in bilingual lexicography. Wroclaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego.
- [9] Roberts R. (2004). Dictionaries and Culture // 2007 Dictionary vision, research and practice: Selected papers from the 12th International Symposium on Lexicography, Copenhagen. Amsterdam: H. Gottlieb, J.E. Mogensen.

REPRESENTATION OF THE ENTRY IN BILINGUAL DICTIONARIES

N.M. Nesova

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198
natalya_nesova@list.ru

In the article the microstructure of the modern bilingual dictionary, in particular the structure and contents of the dictionary entry is considered. Addressing the analysis of dictionary parameters allows to take lexicographic information on the word, the ways of its reflection in the dictionary entry, and also to establish a community and specificity of lexicographic tradition in general. Bilingual dictionaries are considered as storage of culture on the one hand, and on the other hand — as bridges between different cultures. The ratio in the dictionary of linguistic and extralinguistic information is a significant issue for a modern lexicography. Inclusion of a cultural studies component in structure of the dictionary entry corresponds to an anthropocentric orientation of modern lexicographic science.

Key words: dictionary entry, bilingual dictionary, grammar notes, stylistic labels, lemma, equivalents

СТАТУС, ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ И ПУНКТУАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ «НЕ/НИ БОЛЕЕ/БОЛЬШЕ(,) НЕ/НИ МЕНЕЕ/МЕНЬШЕ(,) (КАК)»

О.И. Соколова

Владимирский государственный университет им. А.Г и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, Владимир, Россия, 600000
sok.ol@list.ru

Настоящая статья посвящена проблеме кодификации наречных сочетаний **не/ни более/больше(,) не/ни менее/меньше (как)**, что продиктовано необходимостью выработки единых рекомендаций для их орфографического и пунктуационного оформления. В статье проанализированы варианты фиксации указанных сочетаний в нормативных, толковых и фразеологических словарях русского языка, установлена частотность употребления разных вариантов их оформления в художественной литературе XVIII—XXI вв. и публицистике, предложены варианты формы написания сочетаний в современных словарях и справочниках.

Ключевые слова: норма, кодификация, орфография, орфографическое оформление, правописание, наречные сочетания, варианты формы

ВВЕДЕНИЕ

Толковые и нормативные словари и справочники предлагают нам несколько способов оформления наречных сочетаний «**не/ни более/больше(,) не/ни менее/меньше(,)**» (а также с соединительным союзом **и** между частями; с союзом **как** — с запятой перед ним и без) со значением ‘именно, как раз, точно так, без преувеличения, ровно столько, сколько названо, указано’. Последовательно приведем рекомендации различных словарей и справочников, сопроводив (при наличии) варианты написаний примерами.

НАРЕЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В СЛОВАРЯХ

Самая широкая вариантность написаний представлена в толковом словаре С.А. Кузнецова: **не(ни) более (и) не(ни) менее как** в значении частицы ‘именно, как раз’: *Речь идет не более и не менее как о полном разрыв всех связей* [2. С. 89]; **не(ни) больше (и) не(ни) меньше как** в значении частицы ‘ровно столько, сколько названо, указано; именно, как раз’ [2. С. 90].

Русский орфографический словарь Российской академии наук (отв. ред. В.В. Лопатин) предлагает варианты: **ни более ни менее**, наряду с **не более и не менее**, а также **ни больше ни меньше** и **не больше и не меньше** [13].

Словарь русского языка (МАС) также дает простор для орфографического и пунктуационного оформления сочетаний: **Не больше (и) не меньше как...** или **ни больше (и) ни меньше как...** [16. С. 106]; то же, что **не более (и) не менее как (...)** [16. С. 104].

Анализ справочников и словарей показал, что наиболее частое рекомендуемое орфографическое и пунктуационное оформление сочетаний с указанным значением следующее: **ни больше ни меньше** (без разделяющей запятой, с факультативным употреблением союза *как*).

Написание **ни больше ни меньше** встречаем в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой; орфографическом словаре-справочнике Слитно или раздельно? Б.З. Букчиной, Л.П. Калакуцкой, Толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, Большом словаре русских поговорок В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [10; 15; 6; 7]. В «Справочнике по орфографии и пунктуации» Д.Э. Розенталя [12. С. 128] указанное сочетание входит в состав «цельных выражений фразеологического характера»: *ни рыба ни мясо, ни жив ни мертв, ни два ни полтора, ни те ни сё, ни дать ни взять, ни много ни мало, **ни больше ни меньше***.

В «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова 1995 г., воспроизводящем правила русской орфографии 1957 г., предлагался вариант **ни больше, ни меньше**, где внутри сочетания поставлена запятая: Разг. Экспрес. Точно, без преувеличения (действовать, поступать). При этом здесь же дано сочетание: *ни бе, ни ме* — также с разделяющим знаком [9. С. 554], а далее в подобных сочетаниях *ни рыба ни мясо, ни свет ни заря, ни те ни сё, ни так ни сяк, ни с того ни с сего* [Там же. С. 557] запятая отсутствует.

Малый толковый словарь В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной фиксирует варианты **ни больше ни меньше** в значении усилительной частицы ‘именно, как раз’ [6. С. 35] и **ни более ни менее** — с тем же толкованием [6. С. 34].

Во фразеологическом словаре русского языка под ред. А.И. Молоткова даны варианты: **ни больше ни меньше** и **ни более ни менее** — ‘ровно столько, сколько названо, указано’ — обычно о большом количестве чего-либо, и приведен пример: *Обозище отправлялся на своих доморощенных, господских лошадях, числом **ни более ни менее** на тридцати семи конях* (С. Аксаков. Наташа) [22. С. 42].

В «Школьном фразеологическом словаре русского языка» В.П. Жукова и А.В. Жукова в качестве примера к устойчивому сочетанию **ни больше ни меньше** дана та же иллюстрация: *Обозище отправлялся на своих доморощенных, господских лошадях, числом **ни более ни менее** на тридцати семи конях* (С. Аксаков. Наташа) [5. С. 215].

Во Фразеологическом словаре русского литературного языка А.И. Фёдорова даны варианты **ни больше ни меньше** с пометой разг. экспрес. ‘точно, без преувеличения (действовать, поступать)’ и **не более и не менее**: устар. ‘ровно, точно, как раз’. Приведен тот же пример, но оформленный по-иному: *Обозище отправлялся на своих доморощенных, господских лошадях, числом **не более, не менее, на тридцати семи конях*** (Аксаков. Наташа) [24].

Грамматический статус **ни** в данных сочетаниях определяется так: «повторенный соединительный союз (курсив наш. — О.С.) **ни... ни** усиливает отрицание» [3. С. 664], дан пример: *ни свет ни заря*; «повторяющийся союз (курсив наш. — О.С.) употребляется при перечислении однородных членов», пример: *ни взад ни вперед* [19. С. 426]; «Повторяющаяся частица (курсив наш. — О.С.) **ни** имеет значение соединительного союза (курсив наш. — О.С.), например, *По этой дороге **ни проехать, ни пройти*** и далее: «В этих сочетаниях **ни** по значению равно сочетанию **и не**, т.е. выступает в функции отрицания» [12. С. 94]. Ниже она названа в справочнике *союзом-частицей* [12. С. 95].

Вариант **не более не менее** встретился нам в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: **не более и не менее, как** — снабжен пометой книжн. ‘как раз, именно’: *Речь идет не более и не менее, как о франко-германском соглашении* [19. С. 167].

Словарь современного русского литературного языка фиксирует только вариант **не более и не менее, как** — ‘ровно, точно, как раз’ [17. С. 567]. В качестве иллюстрации приведен уже знакомый нам пример: *Весь этот обозище отправлялся на своих доморощенных господских лошадях, числом не более, не менее, на тридцати семи конях* (С. Аксаков. Наташа).

Отметим, что в разных изданиях собрания сочинений С. Аксакова сочетание оформлено так: *Весь этот обозище отправлялся на своих доморощенных господских лошадях, числом не более, не менее на тридцати семи конях*.

В уже упоминавшемся Словаре русского языка (МАС) даны варианты **не более (и) не менее как...** или **ни более (и) ни менее как...** — ‘именно, как раз’, сопровождаемые примером: *Пронеслись слухи, что он [Чичиков] ни более, ни менее как миллионщик* (Гоголь, Мертвые души) [16. С. 104].

Сочетания **не больше(,) не меньше; ни более(,) ни менее** гораздо менее часто представлены в словарях в качестве рекомендуемых.

Русский орфографический словарь: около 180 000 слов О.Е. Ивановой, В.В. Лопатина (отв. ред.), И.В. Нечаевой и Л.К. Чельцовой предлагает варианты **ни больше ни меньше**, но: **не больше и не меньше** [14. С. 168].

Указанные сочетания, несомненно, относятся к «трудностям» русского языка. Так, в Словаре трудностей русского языка Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой даны следующие рекомендации: **ни больше ни меньше**, но: **не больше и не меньше** [11. С. 401]; в Словаре трудностей Е. Бузановой [18. С. 168] и Словаре трудных наречий О.Д. Ушаковой [21. С. 32] рекомендуемым вариантом является **ни больше ни меньше**.

Как видим, единая орфографическая и пунктуационная норма отсутствует. Отсюда многочисленные варианты передачи значения ‘именно, как раз, точно так, без преувеличения, ровно столько, сколько названо, указано’ в художественной литературе и публицистике.

НАРЕЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В РЕСУРСЕ «РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС»

Ресурс Русский национальный корпус [8] предлагает нам 416 примеров употребления **ни больше ни меньше**, из них только 141 вариант — с запятой. Встретилось и три случая с тире. Сравните:

Ни больше ни меньше как открытый алма-атинский процесс на манер московских (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Тося смеялась, называла Иону хитрюгой и требовала себе в ученики ни больше, ни меньше, самого Дегтяря* (А. Львов. Двор).

Не больше(,) не меньше — 70 примеров, из них с запятой 31 и 2 примера с тире:

Образовалась секция исторических картин: показать всю мировую историю, не больше, не меньше (Н. Берберова Железная женщина); *Но и эти разговоры*

были **не больше не меньше** как препровождение времени (Ф. Решетников. Где лучше?)

Ни более(,) ни менее — 148 примеров употребления, из них 67 с запятой.

У него имелись отличные рекомендации уездного уголовного розыска, и он пошел с ними в московский уголовный розыск, где ему предложили место, как вы думаете, где? — **ни более ни менее** как в Бутырской тюрьме надзирателем в больничном отделении (В. Катаев. Алмазный мой венец); Их всегда сорок, **ни более, ни менее** (Н. Карамзин. Письма русского путешественника).

Не более(,) не менее — 67 примеров, 23 из них с разделительной запятой, 1 пример с тире.

Так вот, он утверждает, что подарен он ему **не более не менее** как князем Курбским (В. Некрасов Случай на Мамаевом кургане); Но Эд — не сокращение, / О нет — не упрощение, // А Эд, прошу прощения, — / Скорее обобщение / Для легкости общения — / **Не более, не менее** (В. Высоцкий. «Песня орленка Эда»).

104 примера — **не больше и не меньше**, 67 — **не более и не менее**, 13 — **ни больше и ни меньше**, 5 — **ни более и ни менее**.

Кроме того, не менее четверти предложений с наречными сочетаниями употреблены с союзом **как**.

Обратим внимание, то с течением времени не происходит сколько-нибудь ощутимых попыток упорядочить употребление указанных сочетаний, и мы встречаем различные орфографические и пунктуационные варианты оформления и у писателей конца XVIII в., и XIX в., и в самой что ни на есть современной литературе. Ср.: *Разделяющие члены должны содержать в себе **ни больше, ни меньше**, а сколько самая разделяемая материя* (Я. Козельский Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 г.); *Кавказский хребет оказывается **ни больше ни меньше** как огромным и чудовищно сильным человеком, который вышел погулять да и натворил на гулянье черт знает что, но, возвращаясь домой, отдыхает, успокаивается и тихо улыбается* (Н. Михайловский. Г.И. Успенский как писатель и человек, 1886); *Это, по ее мнению, **ни больше, ни меньше** утрата контроля над стратегическим объектом стоимостью 150 млрд долларов* (В. Жаронкин. Вот и поговорили // «Однако», 2010); *Понимаете, хороших, одаренных художников сейчас столько же, сколько было раньше, **ни больше ни меньше*** (О. Андреева, И. Антонова. Жду зеленых листочков // «Русский репортер», 2014) и далее со всеми указанными вариантами.

«НАРОДНЫЕ СЛОВАРИ»

Весьма показательно, что создаются «народные» словари, где авторы стремятся, руководствуясь «языковым чутьем», основываясь на собственной практике, с привлечением словарей («Наш словарь включает в себя информацию из таких популярных словарей как: Словарь Даля, Словарь Ожегова, Словарь синонимов и Словарь ударений»), дать рекомендации по правописанию. Таков электронный ресурс «Толковый словарь», где в статье о сравнительной степени наречия *более* указано: если «ср. степень наречия *более* входит в состав сочетания **не более**

и не менее (дан только этот вариант), то приобретает значение ‘именно, как раз’: *Речь идет не более и не менее как о полном разрыве всех связей*» [20]. Другой «народный» электронный ресурс, Фразеологический словарь, предлагает написание **ни больше, ни меньше** [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ, в словарях и справочной литературе нет единообразия в рекомендациях, что вызывает трудности при оформлении указанных сочетаний. Большое количество вариантов орфографического и пунктуационного оформления одного и того же значения говорит о том, что тождество обозначающего при одинаковом обозначаемом не сохраняется.

«Точка колебания» [1. С. 20] в словарях и справочниках давно обозначена, существует необходимость унифицировать орфографическое и пунктуационное оформление указанного наречного сочетания. Вариант, который, видимо, будет адекватно передавать значение ‘именно, как раз, точно так, без преувеличения, ровно столько, сколько названо, указано’ должен быть следующим: **ни больше ни меньше** и **ни более ни менее** (с пометой *книжн.*) без разделяющей запятой. Поскольку 1) включенные в него формы наречия *больше-более* и *меньше/менее* отличаются лишь стилистически, 2) оно имеет статус устойчивого сочетания фразеологического характера (ср. утрату целостного значения при употреблении его компонентов по отдельности) наряду с *ни взад ни вперед, ни дать ни взять, ни два ни полтора, ни много ни мало* (особенно показательный пример), *ни то ни се, ни тпру ни ну, ни убавить ни прибавить* и подобными. Союзы **и** и **как** не меняют семантики сочетаний, а следовательно, не должны влиять на их орфографическое и пунктуационное оформление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бешенкова Е.В. (2015). Теоретические вопросы нормирования орфографии: вариативность и стратегия нормирования [Beshenkova E.V. Theoretical issues of orthographic normalization: variations and normalization strategies] // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 18—24.
- [2] Большой толковый словарь русского языка [Large Russian defining dictionary] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. (2001). М.: Норинт.
- [3] Грамматика русского языка [Grammar of the Russian language] (1960). М.: Наука. Т. 1.
- [4] Ефремова Т.Ф. (2000). Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Efremova T.F. New Russian dictionary. Defining and word-building one]. М.: Русский язык.
- [5] Жуков В.П., Жуков А.В. (1989). Школьный фразеологический словарь русского языка [Zhukov V.P., Zhukov A.V. School phraseological dictionary of the Russian language]. М.: Просвещение.
- [6] Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. (1993). Малый толковый словарь русского языка [Lopatin V.V., Lopatina L.E. Concise Russian dictionary]. М.: Русский язык.
- [7] Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2007). Большой словарь русских поговорок [Mokienko V.M., Nikitina T.G. Large dictionary of Russian sayings]. М.: Олма Медиа Групп. Национальный корпус русского языка [National Corpus of Russian]. Эл. ресурс. URL: <http://ruscorpora.ru>.
- [8] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1992). Толковый словарь русского языка [Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Defining dictionary of the Russian language]. М.: Азъ Ltd.

- [9] *Ожегов С.И.* (1995). Орфографический словарь русского языка [*Ozhegov S.I.*. Orthographic dictionary of the Russian language] в 2 т. Т. 1. М.: Гепта-Трейд.
- [10] *Розенталь Д.Э.* (1994). Справочник по орфографии и пунктуации [*Rozental D.E.* Handbook of orthography and punctuation]. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во.
- [11] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* (2003). Словарь трудностей русского языка [*Rozental D.E., Telenkova M.A.* Dictionary of the Russian matter]. М.: Айрис-пресс.
- [12] Русский орфографический словарь Российской академии наук [Russian orthographic dictionary, the Russian Academy of Sciences] / Отв. ред. В.В. Лопатин. Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001—2007. URL: gramota.ru.
- [13] Русский орфографический словарь (2004) [Russian orthographic dictionary] / Отв. ред. В.В. Лопатин (отв. ред.), 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова.
- [14] Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник (1988) [Solid or discrete word spelling? Orthographic dictionary-handbook]. М.: Русский язык.
- [15] Словарь русского языка в 4-х т. (1999) [Russian dictionary]. Т. 1: А—Й. М.: Русский язык; Полиграфресурсы.
- [16] Словарь современного русского литературного языка (1950). [Dictionary of Modern Russian] М.: АН СССР. Т. 1.
- [17] Словарь трудностей русского языка (2004) [Dictionary of the Russian matter] / Отв. ред. Е. Бузанова. М.: Ростов н/Д: «Феникс».
- [18] Толковый словарь русского языка в 4 т. (1996) [Defining Russian dictionary]. Т. 1 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра.
- [19] Толковый словарь [Defining dictionary]. Эл. ресурс. URL: <http://formaslov.ru> (21.03.2016).
- [20] *Ушакова О.Д.* (2008). Правописание трудных наречий. Словарик школьника [*Ushakova O.D.* Spelling of peculiar adverbs]. М.: Литера.
- [21] *Фёдоров А.И.* (2008). Фразеологический словарь русского литературного языка [*Fyodorov A.I.* Phraseological dictionary of Literary Russian]. М.: Астрель, АСТ.
- [22] Фразеологический словарь русского языка (1986) [Phraseological Russian dictionary] / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык.
- [23] Фразеологический словарь [Phraseological Russian dictionary]. Эл. ресурс. URL: <http://frazbook.ru> (21.03.2016).

**STATUS, ORTHOGRAPHIC AND PUNCTUATIVE
REPRESENTATIONS OF RUSSIAN ADVERBIAL PHRASES
«НЕ/НИ БОЛЕЕ/БОЛЬШЕ(,) НЕ/НИ МЕНЕЕ/МЕНЬШЕ (КАК)»**

Olga I. Sokolova

A.G. & N.G. Stoletovs' Vladimir State University
Gorky str., 87, Vladimir, Russia, 600005
sok.ol@list.ru

The article studies the issue of adverbial phrases codification, that comes in response to the need to provide guidance on their orthographic and punctuative representations. The focus is upon the record of the above-mentioned phrases in Russian explanatory and standard dictionaries and phrase books. The frequency of their representative variations occurrence in 18—21st century literature and journalism is established. Spelling options for adverbial phrases in contemporary dictionaries and reference books are provided.

Key words: norm, codification, orthography, orthographic representation, spelling, adverbial phrases, variations

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

НАУЧНАЯ СТАЖИРОВКА «ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ» Москва, РУДН, 4—9 апреля 2016 г.

Программа научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки», организованная кафедрой общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, собрала ученых из 14 университетских городов — от Гданька и Даугавпилса до Владивостока и Уссурийска.

Основанием творческого содружества авторов программы Н.А. Бубновой, О.И. Валентиновой, В.Н. Денисенко, Е.А. Красиной, С.Ю. Преображенского, М.А. Рыбакова стали общие методологические взгляды, идеи системного подхода к изучению языка и текста.

Методологическое наследство кафедры через личность и работы профессоров кафедры: основателя современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, Л.А. Новикова, Л.Г. Зубковой, Ю.Н. Караулова и др., подтвердилось в научной результативности системного подхода к изучению объектов самого разного масштаба: от типологии языков до типологии стихотворной строки в языках различного строя.

Программу открывал М.А. Рыбаков: в фокусе обсуждения были проблемы лингвистической типологии с позиций системного подхода. В отличие от ряда теоретиков М.А. Рыбаков предложил анализ не столько противоположений, сколько сходств позиций авторов типологических моделей, имеющих историческую исследовательскую перспективу. В концептуальной картине, создаваемой М.А. Рыбаковым, лингвистические школы представляли как закономерно дополняющие друг друга. Такая позиция ученого в полной мере согласовывалась с принципом взаимодополнения, положенным Г.П. Мельниковым в основание созданной им системной типологии языков, синтезирующей стадиальную классификацию и морфологическую, выявляющую ряд переходных типов. На обсуждение коллег были представлены и разрабатываемые М.А. Рыбаковым подходы к созданию семантической типологии языков.

Второй день программы был посвящен обсуждению исследовательского потенциала новых лексикографических проектов. В фокусе внимания оказались лек-

сикографические проекты, появившиеся как научная рефлексия над Русским ассоциативным словарем, идея которого принадлежала Ю.Н. Караулову. В интерпретации Н.А. Бубновой были представлены словари, создание которых инициировало активное развитие новых исследовательских направлений. Совместное проведение с участниками научной стажировки ассоциативного и лексикографического экспериментов позволило Н.А. Бубновой двунаправленно — с позиции испытуемого и с позиции испытующего — смоделировать процесс создания словаря, обсудить слабые и сильные стороны предложенной лексикографической техники.

Среда и четверг были посвящены обсуждению объяснительного и прогнозирующего потенциала системного метода в исследовании текстов. Сначала О.И. Валентинова излагала взгляд на исторические изменения литературного языка как на материализацию осознаваемых и бессознательных изменений общественного сознания. В свете предложенного подхода была представлена история русского литературного языка с середины IX в. и до настоящего времени. Затем С.Ю. Преображенский спроецировал идеи системной лингвистики Г.П. Мельникова на представление о стихе как единице, вторично сегментирующей речевой поток, и обсуждал возможности создания типологии стиха, соотношенной с типологией языков. Связь ритмической схемы с типологическими свойствами языка и характер смыслового преобразования, задаваемый определенной ритмической схемой, — новые вопросы филологии и языкознания.

Завершал научную стажировку обзор истории развития представлений о языке как о семиотической системе — в ретроспективе: от античных мыслителей до философско-лингвистических концепций XX в., представленный Е.А. Красиной.

Научная конференция, на которой всесторонне обсуждались объяснительные возможности системного метода в филологической науке явилась итогом недели заинтересованного научного общения между учеными из 19 научно-исследовательских и высших учебных заведений: Башкирского государственного университета, Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации имени маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск), Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск), Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Гданьского университета (Польша), Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна), Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва), Дальневосточного федерального университета (г. Уссурийск), Даугавпилсского университета (Латвия), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, Пермской государственной фармацевтической академии, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Москва), Российского университета дружбы народов (г. Москва), Ростовского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Университета «Синергия» (г. Москва), Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Прозвучавшие на конференции выступления исследователей-филологов: *А.Н. Бертяковой* «О статусе служебных слов: функциональный подход», *Н.В. Бубновой* «Системный подход к исследованию ассоциативно-культурного фона ономастических единиц», *Е.В. Вьюрковой* «Критический дискурс-анализ на примере инаугурационной речи Б. Обамы», *Ю.В. Головневой и С.Б. Мисюка* «Собрания метафор внутреннего мира человека, представленные на сайтах», *Н.Е. Захаровой* «Семантическое пространство языка, языковая картина мира и этническая картина мира (эвенкийская картина мира)», *Е.Ф. Кирова* «Модель русского языка», *Н.А. Наседкиной* «Реализация системного подхода при классификации языковых средств в целях преподавания русского языка как иностранного», *З.Л. Новоженковой* «К вопросу определения понятия *эзотерический текст*», *Е.П. Пахомовой* «Из истории формирования числительных как части речи (сложные названия чисел)», *Е.А. Пепеляевой* «Социальные особенности номинации человека», *А. Пстыги* «К проблеме интерпретации текста: текстовые реализации словообразовательной системы», *Е.В. Соловьевой* «Модификация планов содержания и выражения речевого акта под воздействием типовых дискурсивных характеристик (на примере речевого акта возмущения)», *Е.К. Столетовой* «Показатели не прямой номинации как особый класс языковых единиц и их презентация в иноязычной аудитории», *Е.Н. Тихоновой* «Словоизменительная парадигма глагола в грамматическом словаре русского языка», *О.В. Чаловой* «О некоторых возможностях практического применения метода семантического анализа коммуникативного уровня русского языка», *А.Б. Чернышева* «О типологической стратегии датива в разноструктурных языках», — многократно актуализировали формирующееся в ходе программы объемное представление о системном методе как основе филологической мысли.

Авторы Программы выражают бесконечную признательность своим коллегам — участникам за подаренную радость сотворчества и сопереживания научных идей, способных не только объяснить прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее.

Руководитель программы научной стажировки
«Общая и частная методология филологической науки»
О.И. Валентинова

SCIENTIFIC WORKSHOP
“GENERAL AND SPECIFIC METHODOLOGY OF PHILOLOGY”
Moscow, PRUR, April, 4—9, 2016

НАШИ АВТОРЫ

АГРАНОВСКАЯ Ирина Александровна — аспирант кафедры иностранных языков факультета гуманитарно-социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: agranovskaya@mail.ru

АЗИЗОВА Айнур Орынбасаровна (Казахстан) — преподаватель кафедры русской филологии, русской и мировой литературы факультета филологии и мировых языков, PhD докторант кафедры русской филологии Казахского Национального университета имени аль-Фараби. E-mail: ainura_28_87@mail.ru

АСАНОВА Улмекен Отаровна (Казахстан) — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Практический казахский язык» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. E-mail: Assanova_62@mail.ru

АХНИНА Кристина Валерьевна — старший преподаватель кафедры русского языка медицинского института РУДН. E-mail: ahninakristine@rambler.ru

БАТАЛОВ Александр Александрович — старший преподаватель Института иностранных языков РУДН. E-mail: 7000travel@gmail.com

БАХТИКИРЕЕВА Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. E-mail: uldanai@mail.ru

БЕЛЯКОВ Михаил Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России. E-mail: belmax0007@hotmail.com

ВАЛЕНТИНОВА Ольга Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

ГОЛОВАЧЕВА Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

ГУРОВА Галина Григорьевна — доцент, заведующая кафедрой «Английский язык для машиностроительных специальностей» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: ggurova@bmstu.ru

ДЕНИСЕНКО Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: denissenk@ma8il.ru

ДЖИОЕВА Алеся Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: alecia28@yandex.ru

ДЖУСУПОВ Маханбет (Узбекистан) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

КАДАШЕВА Карлыгаш (Казахстан) — доктор педагогических наук, профессор, профессор социально-гуманитарной кафедры Университет «Туран-Астана». E-mail: Sh.ibraev1950@mail.ru

КАРЦЕВА Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарно-социальных наук РУДН. E-mail: lenakartseva@inbox.ru

КАСЫМАЛИЕВА Кайкул Эсенгеновна (Киргизия) — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: kaira_17@mail.ru

КОНДРАТЕНКО Михаил Михайлович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: mmkondratenko@gmail.com

ЛЕКСИНА Ирина Александровна — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: Irina_lexina1991@mail.ru

ЛУТЕРО Татьяна (Италия) — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: tatiana.lutero@gmail.com

МАРГАРЯН Татьяна Дмитриевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующей кафедрой «Английский язык для машиностроительных специальностей» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: t.margaryan@bmstu.ru

МИРЗОЕВА Зарангез Джумахоновна (Таджикистан) — старший преподаватель кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикский национальный университет. E-mail: mnagzibekova@mail.ru

МУРАДЯН Айарпи Андраниковна — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. E-mail: ayarpi.muradyan@gmail.com

НАГЗИБЕКОВА Мехриниссо Бозоровна (Таджикистан) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и сравнительной типологии Таджикский национальный университет. E-mail: mnagzibekova@mail.ru

НЕДОСУГОВА Анастасия Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Юридического института РУДН. E-mail: nedosugova_ab@pfur.ru

НЕСОВА Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. E-mail: natalya_nesova@list.ru

ПАЙМАКОВА Елена Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. E-mail: paymakova_ea@pfur.ru

ПЕРФИЛЬЕВА Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

ПОВАЛКО Полина Юрьевна — ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: Polina.povalko@gmail.com

СОКОЛОВА Ольга Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: sok.ol@list.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Ольга Федоровна — преподаватель кафедры английского языка № 1, аспирант кафедры по специальности 10.02.04 — германские языки МГИМО(У) МИД России. E-mail: strelnikova.olgastrelnikova@gmail.com

ОМАРОВА София Кожиакпаровна (Казахстан) — кандидат филологических наук, преподаватель социально-гуманитарной кафедры Университета «Туран-Астана». E-mail: omarovask@mail.ru

ФАЙЕ Фату Диоп (Сенегал) — аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН. E-mail: Faya2010@mail.ru

ФЕРНАНДЕС САНЧЕС Юлия Владимировна — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. E-mail: kaf_yazik_rudn@mail.ru

ФИГУРНОВА Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. E-mail: figurnova_myu@pfur.ru

ХРОМЕНКОВ Павел Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации МГОУ. E-mail: geleiter@gmail.com

ЦЗЯ Цянь (Китай) — аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. E-mail: jiaqian1989@yeah.net

ЧУТПУЛАТОВ Мухаммад Чориевич (Узбекистан) — заведующий кафедрой узбекского языка Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: muhammad.chutpulatov@gmail.com

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2016, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии

серии «Теория языка. Семиотика. Семантика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 15.08.2016. Выход в свет 29.08.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,51. Тираж 500 экз. Заказ № 841

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
THEORY OF LANGUAGE.
SEMIOTICS. SEMANTICS

2016, N 3

Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «Theory of Language.
Semiotics. Semantics»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-70-22
e-mail: semioticjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК
